

ISSN 2587-9715 (Print)
ISSN 2658-3585 (Online)

Том 21. № 1

Volume 21. No. 1

LOGOS ET PRAXIS

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

2022

ISSN 2587-9715 (Print)
ISSN 2658-3585 (Online)

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

LOGOS ET PRAXIS

2022

Том 21. № 1

**MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

LOGOS ET PRAXIS

2022

Volume 21. No. 1

LOGOS ET PRAXIS

2022. Vol. 21. No. 1

Academic Periodical

Since 1996

4 issues a year

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФС77-69699** of May 5, 2017)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Russian Science Citation Index**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat**® (USA), **ProQuest** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Editorial Staff:

Dr. Sc., Assoc. Prof. *S.B. Tokareva* – Chief Editor (Volgograd)

Dr. Sc., Assoc. Prof. *E.N. Vasilyeva* – Deputy Chief Editor (Volgograd)

Cand. Sc. *M.B. Poltavskaya* (Volgograd)

Cand. Sc. *T.S. Gorina* – Executive Secretary and Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Sen. Res. *Aksadi Yudit* (Budapest, Hungary); Dr. Sc., Prof. *L.V. Baeva* (Astrakhan); Dr. Sc. *N.V. Dulina* (Volgograd); Dr. Sc., Prof. *N.N. Lebedeva* (Volgograd); Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.R. Lychkovskaya* (Odessa, Ukraine); Dr. Sc., Prof. *A.I. Pigalev* (Volgograd); Dr. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Sergeeva* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Prof. *A.L. Strizoe* (Volgograd); Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Tereshchenko* (Minsk, Belarus); Dr. Sc., Prof. *V.B. Ustyantsev* (Saratov)

Editor of English texts *E.A. Eltanskaya*

Making up: *E.S. Reshetnikova*

Technical editing: *N.M. Vishnyakova*

Passed for printing June 16, 2022.

Date of publication: Aug. 11, 2022.

Format 60×84/8. Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 10.0. Published pages 10.7.

Number of copies 500 (1st duplicate 1–28).

Order 83. «C» 19.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 46-02-72. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: jvolsu7@gmail.com

Journal website: <https://psst.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://psst.jvolsu.com/index.php/en/>

LOGOS ET PRAXIS

2022. Т. 21. № 1

Научный журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-69699 от 5 мая 2017 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базу **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat®** (США), **ProQuest** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 46-02-72. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: jvolsu7@gmail.com

Сайт журнала: <https://psst.jvolsu.com>
Англояз. сайт журнала:
<https://psst.jvolsu.com/index.php/en/>

Редакционная коллегия:

д-р филос. наук, доц. *С.Б. Токарева* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р социол. наук, доц. *Е.Н. Васильева* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
канд. социол. наук *М.Б. Полтавская* (г. Волгоград)
канд. филос. наук *Т.С. Горина* – ответственный и технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

ст. науч. сотр. *Аксади Юдит* (г. Будапешт, Венгрия);
д-р филос. наук, проф. *Л.В. Баева* (г. Астрахань);
д-р социол. наук *Н.В. Дулина* (г. Волгоград); д-р экон. наук, проф. *Н.Н. Лебедева* (г. Волгоград); канд. социол. наук, доц. *О.Р. Лычковская* (г. Одесса, Украина);
д-р филос. наук, проф. *А.И. Пигалев* (г. Волгоград);
д-р социол. наук, доц. *О.В. Сергеева* (г. Санкт-Петербург); д-р филос. наук, проф. *А.Л. Стризов* (г. Волгоград); канд. социол. наук, доц. *О.В. Терещенко* (г. Минск, Беларусь); д-р филос. наук, проф. *В.Б. Устьянцев* (г. Саратов)

Редактор английских текстов *Е.А. Елтанская*
Верстка *Е.С. Решетниковой*
Техническое редактирование *Н.М. Вишняковой*

Подписано в печать 16.06 2022 г.
Дата выхода в свет: 11.08 2022 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 10,7.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–28 экз.).
Заказ 83. «С» 19.

Свободная цена

Адрес типографии:
400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство Волгоградского государственного университета.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Яворский Д.Р. Диалогизм и символизм
в современном культурфилософском дискурсе:
к 70-летию профессора А.И. Пигалева 5

ФИЛОСОФИЯ

Яркеев А.В. Рождение чрезвычайного государства
из духа вечности политического тела 11

Иванов А.Г. Мифология светлого будущего:
ответ российского государства
на общественный запрос на справедливость 22

Большунова С.А. Категория «смысл»
в социогуманитарных науках, психологии
и психотерапевтических практиках 30

Крючкова С.Е., Храпов С.А. Философия
в современном университете: проблемы методики
преподавания и перспективы в условиях
новой образовательной модели «2+2+2» 43

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Ростовская Т.К., Калачикова О.Н. Ценность
первого зарегистрированного брака
как детерминанта благополучной молодой семьи:
социологический анализ 54

Багирова А.П., Янь Д. «Оставленные дети»
как субъекты родительского труда в Китае:
теоретико-методические основы
социологического изучения 66

Шелест М.В. Искусственное прерывание
беременности как социальная практика:
процесс становления в России 78

Родин Л. Власть и животные:
фукальдианская тема в критических исследованиях
животных [На англ. яз.] 87

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Углинская Н.А. Концептуальные основания отрицания
субстанциального характера кризиса культуры
в постмодернистских теориях 97

CONTENTS

Javorskiy D.R. Dialogism and Symbolism
in Modern Cultural and Philosophical Discourse:
To the 70th Anniversary of Professor A.I. Pigalev 5

PHILOSOPHY

Yarkeev A.V. The Birth of the State of Exception Out
of the Spirit of Eternity of the Political Body 11

Ivanov A.G. Mythology of a Bright Future:
The Russian State's Response
to the Public Demand for Justice 22

Bolshunova S.A. The Category "Meaning"
in Socio-Humanitarian Sciences, Psychology
and Psychotherapeutic Practices 30

Kryuchkova S.E., Khrapov S.A. Philosophy
in a Modern University: Problems of Teaching
Methodology and Prospects in the Context
of a New Education Model "2+2+2" 43

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Rostovskaya T.K., Kalachikova O.N. The Value
of the First Registered Marriage as a Determinant
of a Successful Young Family:
A Sociological Analysis 54

Bagirova A.P., Yan D. "Left Behind Children"
as Subjects of Parental Labor in China:
Theoretical and Methodological Foundations
of Sociological Study 66

Shelest M.V. Artificial Termination
of Pregnancy as a Social Practice:
The Process of Formation in Russia 78

Rodin L. Power and Animals:
A Foucauldian Theme
in Critical Animal Studies 87

ACADEMIC DISCUSSIONS

Uglinskaya N.A. Conceptual Foundations
of Denying the Substantial Character of the Crisis
of Culture in Postmodern Theories 97

DIALOGISM AND SYMBOLISM IN MODERN CULTURAL AND PHILOSOPHICAL DISCOURSE: TO THE 70th ANNIVERSARY OF PROFESSOR A.I. PIGALEV

Dmitriy R. Javorskiy

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article presents an overview of the scholar activities of Professor Alexander Ivanovich Pigalev. The main stages of the evolution of his philosophical views are shown, a brief description of the main works - monographs "Philosophical nihilism and the crisis of culture", "Culture as totality: (Methodological aspects)", "The spectral reality of culture: (The fetishism and the apparency of an invisibility)", "Postmodern Apocalypticism" is given. The results of A.I. Pigalev's work on the translation and popularization of the ideas of the German-American philosopher-dialogist Eugen Rosenstock-Huessy are demonstrated. The innovative nature of the "sociology of the symbol" – an approach to the analysis of cultural categories (such as Being, God, Nature, Spirit), implemented by A.I. Pigalev in articles published in the two-volume encyclopedia "Cultural Studies" and in the cultural philosophical dilogy, consisting of monographs "Culture as integrity" and "The spectral reality of culture", is particularly emphasized. At the end, a list of the most important scholar works of A.I. Pigalev is given.

Key words: dialogism, cultural crisis, metaphysics, nihilism, postmodernism, sociology of symbol, philosophy of culture.

Citation. Javorskiy D.R. Dialogism and Symbolism in Modern Cultural and Philosophical Discourse: To the 70th Anniversary of Professor A.I. Pigalev. *Logos et Praxis*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 5-10. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.1>

ДИАЛОГИЗМ И СИМВОЛИЗМ В СОВРЕМЕННОМ КУЛЬТУРФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ: К 70-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА А.И. ПИГАЛЕВА

Дмитрий Ромуальдович Яворский

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлен обзор научной деятельности профессора ВолГУ, доктора философских наук Пигалева Александра Ивановича. Показаны основные этапы эволюции его философских взглядов, дается краткая характеристика основных научных трудов – монографий «Философский нигилизм и кризис культуры», «Культура как целостность: (Методологические аспекты)», «Призрачная реальность культуры: (Фетишизм и наглядность невидимого)», «Апокалиптика постмодерна». Продемонстрированы результаты работы А.И. Пигалева по переводу и популяризации идей немецко-американского философа-диалогиста Ойгена Розенштока-Хюсси. Особо подчеркивается новаторский характер «социологии символа» – подхода к анализу категорий культуры (таких как Бытие, Бог, Природа, Дух), реализованного А.И. Пигалевым в статьях, опубликованных в двухтомной энциклопедии «Культурология», и в культурфилософской дилогии, состоящей из монографий «Культура как целостность» и «Призрачная реальность культуры». В конце дается перечень наиболее важных научных трудов А.И. Пигалева.

Ключевые слова: диалогизм, кризис культуры, метафизика, нигилизм, постмодерн, социология символа, философия культуры.

Цитирование. Яворский Д. Р. Диалогизм и символизм в современном культурфилософском дискурсе: к 70-летию профессора А.И. Пигалева // *Logos et Praxis*. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 5–10. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.1>

В 2022 г. отметил юбилей доктор философских наук, профессор Александр Иванович Пигалев, в настоящее время работающий ведущим научным сотрудником кафедры философии и теории права Волгоградского государственного университета.

А.И. Пигалев родился 7 января 1952 г. в Волгограде. Начало его научного пути связано с физическим факультетом Горьковского государственного университета (ныне Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского), куда Александр Иванович поступил в 1969 году. Уже в студенческие годы в его судьбе произошел философский поворот: дипломная работа выпускника физфака была посвящена философским проблемам естествознания, а преподавательская деятельность А.И. Пигалева началась на кафедре философии Горьковского университета. В 1976 г. он поступил в аспирантуру философского факультета МГУ, где продолжил исследования в области идеологических импликаций естествознания и защитил кандидатскую диссертацию на тему «Социально-идеологические основания естественнонаучного теоретического знания». В 1979 г. Александр Иванович вернулся в Волгоград, где работал сначала на кафедре философии Волгоградского политехнического института, а с 1983 г. начал преподавать в только что основанном Волгоградском государственном университете. В это время А.И. Пигалев работает над докторской диссертацией, посвященной феномену философского нигилизма. Диссертация «Нигилизм и проблема кризиса культуры в современной западной философии» была защищена в Институте философии РАН в 1993 году. Двумя годами ранее, в 1991 г., вышла первая монография Александра Ивановича «Философский нигилизм и кризис культуры» [Пигалев 1991].

Выход этой работы ознаменовал смещение исследовательского интереса А.И. Пигалева на область истории философии и философии культуры. Но еще важнее представляется мировоззренческий поворот. Хотя в це-

лом первая монография выдержана в традициях отечественной версии марксизма (философские события XX в. объясняются в ней трансформациями в социальных практиках современного буржуазного общества), однако в выводах монографии уже намечен выход за рамки привычных идеологем того времени. А.И. Пигалев видит причины кризиса культуры и кризиса философской мысли в новой ситуации, связанной с утратой современным человеком понимания смысла собственной деятельности и утратой им эпистемологического контроля над ней: «Речь идет об осознании того факта, что смысл результатов человеческого действия выходит за пределы понимания индивида, его целей, интересов, потребностей. Невозможность соотнесения со всеобщей мерой – трансцендентальным субъектом – требует выработки умения изменять человеческую меру в столкновении с продуктами культуры, которые, несмотря на свое “человеческое” происхождение, превышают возможности понимания индивида (имеется в виду, конечно, не их непознаваемость, а несоизмеримость их способа бытия и классической рациональности)» [Пигалев 1991, 134]. Глубокое влияние на философский инструментарий А.И. Пигалева в этот период оказали идеи М.К. Мамардашвили [Мамардашвили, Соловьев, Швырёв 1972]. Мысль об утрате субъектом классического рационализма контроля над реальностью, прежде всего социальной, нередко звучала в его публичных лекциях. Одну из своих последующих монографий Александр Иванович посвятил памяти Мераба Мамардашвили, «проложившего путь» новым трактовкам культуры и социальной [Пигалев 2003].

Все это подготовило почву для обращения А.И. Пигалева к проблематике религиозной философии, для которой осознание пребывания человека перед лицом непознаваемого, неконтролируемого, таинственного – норма мышления. В начале 1990-х гг. уже переиздавалось множество трудов русских философов Серебряного века, широко издавались западноевропейские религиозные философы-экси-

стенциалисты, неотомисты. Однако Александр Иванович (будучи знатоком русской религиозной философии – ей посвящен ряд его статей, а также спецкурс, который читался на факультете философии и социальных технологий Волгоградского университета) выбрал направление, которое было тогда мало известно в России – диалогизм, а среди его представителей, пожалуй, наименее известного – немецко-американского мыслителя Ойгена Розенштока-Хюсси. А.И. Пигалев опубликовал два сборника переводов этого автора: «Бог заставляет нас говорить» и «Язык рода человеческого», принял участие в переводе книги «Великие революции» («Out of Revolution»). Важным вкладом в осмысление и популяризацию идей философа-диалогиста стал учебник «Культурология», подготовленный Александром Ивановичем на основе курса лекций, прочитанных в Волгоградском государственном университете [Пигалев 2006]. В это время (с 1993 г.) А.И. Пигалев становится заведующим кафедрой культурологии и истории философии ВолГУ, под его научным руководством ведут исследования и защищают диссертации аспиранты и докторанты.

Результаты исследований А.И. Пигалева в области философии культуры представлены в статьях, вошедших в двухтомную энциклопедию «Культурология» (всего им опубликовано в энциклопедии 46 статей) [Культурология 2007], а также в культурфилософской диалогии «Культура как целостность» и «Призрачная реальность культуры». В этих работах Александр Иванович реализовал разработанный им подход к анализу культуры – социологию символа. Этот подход вобрал в себя принцип социальный редукции, содержащийся еще в монографии «Философский нигилизм и кризис культуры». Глядя сквозь призму социологии символа, А.И. Пигалев предлагает толковать религиозную, философскую, научную и иную символику как «превращенные формы» социальных процессов с учетом эффекта «обратной связи»: речь идет не только о том, что социальные процессы, ускользающие от понимания субъекта, кристаллизуются в его сознании в виде символов (Бог, Природа, Бытие, Личность, Дух и т. п.), но и о том, что сами эти символы оказывают влияние на социальные процессы. Как пишет сам автор:

«Согласно предлагаемому подходу, то, с помощью какой системы символов формализуется и осмысливается действительность, не является чем-то необъяснимым, обусловливается не структурами души, таящимися в ее загадочных глубинах, а конфигурациями (диспозициями) системы межличностных отношений» [Пигалев 2001, 19–20]. Особое внимание Александр Иванович уделяет феномену языка, философский анализ которого в концентрированном виде реализует задачи социологии символа.

Развивая свою культурфилософскую концепцию, А.И. Пигалев продолжил обогащать собственный методологический инструментарий идеями современных мыслителей. В этот период его особенно интересует фундаментальная антропология Рене Жирара и оригинальная эпистемология Грегори Бейтсона. Концепция Р. Жирара позволила уточнить связь религиозных практик, в частности жертвоприношения, со структурой метафизики в контексте ее критики [Жирар 2000]. Холистическая концепция Г. Бейтсона, а также теория систем в целом позволили интерпретировать феномены культуры как системные эффекты общественных отношений [Бейтсон 2000].

После выхода книги «Призрачная реальность культуры» А.И. Пигалев сфокусировал внимание на критическом анализе западноевропейской философии как метафизики, на порожденных ею культуре модерна и процессе глобализации, а также на современных концепциях «управления реальностью». В четвертой монографии «Апокалиптика постмодерна», а также в статьях, опубликованных и продолжающих публиковаться в различных российских и зарубежных журналах (см. избранную библиографию), Александр Иванович показывает, что культура модерна и релевантная ей философия (остающаяся, несмотря на самокритику, в структуре метафизики) реализуют локальный проект, декларирующий свой универсальный характер. Трансляция этого локального культурного проекта в иные культурные очаги вызывает сложные и противоречивые эффекты, которые можно охарактеризовать как кризисные. Как пишет сам А.И. Пигалев, настоящий кризис культуры «возник только перед лицом реально осуществляющегося процесса глобализации» [Пигалев 2012, 6].

То есть в процессе глобализации происходит не только взаимное обогащение культур (как хотелось бы представить дело убежденным глобалистам), но и деформация культур-реципиентов. В статьях, опубликованных за несколько последних лет, деконструируются некритически транслируемые универсалистско-гуманистические мифы модерна, показывается, что современное состояние европейской культуры представляет собой предел эволюции «модерна».

Коллеги желают Александру Ивановичу творческого долголетия и ожидают новых идей, текстов, побуждающих к размышлению и вдохновляющих на философское творчество.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

А.И. ПИГАЛЕВА

Монографии

1. Философский нигилизм и кризис культуры. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991. 150 с.
2. Культура как целостность: (Методологические аспекты). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001. 464 с.
3. Призрачная реальность культуры: (Фетишизм и наглядность невидимого). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. 354 с.
4. Апокалиптика постмодерна. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. 231 с.

Переводы

1. Розеншток-Хюсси О. Бог заставляет нас говорить. М.: Канон+, 1997. 288 с.
2. Розеншток-Хюсси О. Избранное: Язык рода человеческого. М.; СПб.: Унив. кн., 2000. 608 с.
3. Терещенко М. Такой хрупкий покров человечности: Банальность зла, банальность добра. М.: РОССПЭН, 2010. 303 с.

Статьи

1. Рене Жирар и Мартин Хайдеггер: о смысле преодоления метафизики // Вопросы философии. 2001. № 10. С. 152–168.
2. Поток желания и сеть реальности // Вестник Волгоградского государственного уни-

верситета. Серия 7, Философия. Социология и социальные технологии. 2003. № 3 (3). С. 77–87.

3. Бог и обратная связь в сетевой парадигме Грегори Бейтсона // Вопросы философии. 2004. № 6. С. 148–159.

4. Глобализационные процессы в свете новых подходов к анализу культуры // Вестник Волгоградского государственного университета. 2005. № 2 (11). С. 22–31.

5. Гедонистическая магия против психологии аддиктивного поведения // Мир психологии. 2008. № 4 (56). С. 13–23.

6. Знак и психика: виртуальная прагматика постмодернистских психотехник // Мир психологии. 2008. № 2 (54). С. 26–37.

7. Образ и смысл // Мир психологии. 2009. № 4 (60). С. 119–130.

8. Категория формы как инструмент исследования мышления // Мир психологии. 2009. № 2 (58). С. 171–181.

9. Тема творчества в сценариях конца истории // Мир психологии. 2010. № 2 (62). С. 25–37.

10. Магия осознанного намерения в современных стратегиях управления реальностью // Вопросы философии. 2010. № 5. С. 36–46.

11. Постмодернистская апокалиптика как упреждающее обновление цивилизационного проекта // Вопросы философии. 2011. № 5. С. 30–40.

12. Социальная самоорганизация, синергетика и конец истории // Мир психологии. 2011. № 2 (66). С. 38–51.

13. Социальное пространство и культура: философские аспекты // Мир психологии. 2012. № 4 (72). С. 30–41.

14. Модернизация и человек // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. Социология и социальные технологии. 2012. № 3 (18). С. 36–44.

15. Культура и целерациональность // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия 7, Философия. Социология и социальные технологии. 2012. № 3 (18). С. 36–44.

16. Деконструкция денег и постмодернистская концепция человека // Вопросы философии. 2012. № 8. С. 50–60.

17. Эзотерическая метаистория между секретностью и разоблачением иллюзорнос-

ти реальности // Вопросы философии. 2013. № 9. С. 63–74.

18. Знание и образование при переходе от модерна к постмодерну // Мир психологии. 2013. № 3 (75). С. 15–28.

19. Искусственные языки экономического человека и закон необходимого разнообразия // Мир психологии. 2014. № 2 (78). С. 213–224.

20. The Universal Harmony Theory from Pithagoreanism to Early European Science and Beyond // *Existentia*. 2014. Т. 24, № 1–2. С. 99–122.

21. Память в социокультурном контексте: философские аспекты // Мир психологии. 2015. № 2 (82). С. 167–179.

22. Метафора пространства в замкнутой системе // Мир психологии. 2015. № 4 (84). С. 19–31.

23. Физика и экономика: о принципах сохранения в научно-исследовательских программах // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 45, № 3. С. 167–183.

24. Философия языкового планирования в программах идеологического обоснования модерна // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. Социология и социальные технологии. 2015. № 3 (29). С. 18–29.

25. Концепция транскulturации как теоретическая рамка дискурса «наука и религия» // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2015. Т. 33. № 4. С. 228–246.

26. Игры экономического человека и конкурентная среда постмодерна // Вопросы философии. 2015. № 6. С. 189–200.

27. Системные эффекты во взаимодействии я-образа с социальной средой // Мир психологии. 2016. № 3 (87). С. 27–39.

28. The Overcoming of Aristotelianism by the Nominalist Movement as a Prerequisite for Modernity // *Existentia*. 2016. № 1–2. С. 141–185.

29. Аристотелевский фон «номиналистической революции» и философские основания европейской рациональности // Аристотелевское наследие как конституирующий элемент европейской рациональности : материалы Моск. междунар. конф. по Аристотелю. М.: Аквилон, 2017. С. 555–571.

30. О некоторых философских аспектах современных концепций снятия неопределен-

ности // Мир психологии. 2017. № 3 (91). С. 129–140.

31. Философия риторики и принципы культуры // Мир психологии. 2017. № 4 (92). С. 48–61.

32. Метафизика как структурная модель состояния редкости и постметафизические символические экономии // Вопросы философии. 2018. № 4. С. 16–26.

33. Метафизика как глобальная онтология изолированной системы // Метафизика. 2018. № 3 (29). С. 109–123.

34. Василий Кандинский и Арнольд Шёнберг: предвосхищение постмодерна в искусстве // *Logos et Praxis*. 2018. Т. 17, № 2. С. 26–35. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2018.2.3>

35. Философский дискурс и динамика символической власти в межкультурных контекстах // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2019. Т. 5 (71), № 2. С. 40–51.

36. Contextualizing Rosenzweig's and Levinas' Notion of the Other by Derrida's Construal of Difference // *RUDN Journal of Philosophy*. 2020. Vol. 24, no. 3. P. 379–397.

37. Репрезентация после модерна: от «другого начала» Хайдеггера к «посланию» Деррида // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 58. С. 85–96.

38. Границы визуального режима модерна: синкретические образы рядом с единообразием видения // *Праксема*. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 1 (23). С. 12–30.

39. Структуры понятийной репрезентации и символический обмен: новые контексты истолкования Марксом системных эффектов // *Logos et Praxis*. 2020. Т. 19, № 4. С. 5–20. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2020.4.1>

40. Икона как визуализация невидимого и основания суверенной власти // Визуальная теология. 2020. № 2. С. 105–123.

41. Достоевский и Ницше о преодолении нигилизма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 63. С. 285–293.

42. Премудрость Божия как вечная женственность: Данте и Вл.С. Соловьев о софийном единстве // Соловьевские исследования. 2021. № 4 (72). С. 54–69.

43. Иконоборчество как предмет визуальной теологии // Визуальная теология. 2021. № 2 (5). С. 11–24.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бейтсон 2000 – *Бейтсон Г.* Экология разума: избр. ст. по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000.
- Жирар 2000 – *Жирар Р.* Насилие и священное. М.: НЛО, 2000.
- Культурология 2007 – *Культурология.* Энциклопедия. В 2 т. М.: РОССПЭН, 2007.
- Мамардашвили, Соловьев, Швырёв 1972 – *Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырёв В.С.* Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // *Философия в современном мире.* Философия и наука. М.: Наука, 1972. С. 28–94.
- Пигалев 1991 – *Пигалев А.И.* Философский нигилизм и кризис культуры. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991.
- Пигалев 2001 – *Пигалев А.И.* Культура как целостность: (Методологические аспекты). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001.
- Пигалев 2003 – *Пигалев А.И.* Призрачная реальность культуры: (Фетишизм и наглядность невидимого). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003.

- Пигалев 2006 – *Пигалев А.И.* Культурология: учебник. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006.
- Пигалев 2012 – *Пигалев А.И.* Апокалиптика пост-модерна. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012.

REFERENCES

- Bateson G., 2000. *Ecology of Mind: Selected Articles on Anthropology, Psychiatry and Epistemology.* Moscow, Smysl Publ.
- Girard R., 2000. *Violence and the Sacred.* Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ.
- Cultural Studies. Encyclopedia. In 2 Vols.,* 2007. Moscow, ROSSPEN Publ.
- Mamardashvili M., Solovyov E., Shvyryov V., 1972. *Classics and Modernity: Two Epochs in the Evolution of Bourgeois Philosophy. Philosophy in Modern World. Philosophy and Science.* Moscow, Nauka Publ., pp. 28-94.
- Pigalev A., 1991. *Philosophical Nihilism and the Crisis of Culture.* Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta.
- Pigalev A., 2001. *Culture as Totality: (Methodological Aspects).* Volgograd, Izd-vo VolGU.
- Pigalev A., 2003. *The Spectral Reality of Culture: (The Fetishism and the Apparency of an Invisibility).* Volgograd, Izd-vo VolGU.
- Pigalev A., 2006. *Cultural Studies: Textbook.* Volgograd, Izd-vo VolGU.
- Pigalev A., 2012. *Postmodern Apocalypticism.* Volgograd, Izd-vo VolGU.

Information About the Author

Dmitriy R. Javorskiy, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Professor, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, d.r.yavorskiy@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9198-4847>

Информация об авторе

Дмитрий Ромуальдович Яворский, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, d.r.yavorskiy@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9198-4847>

THE BIRTH OF THE STATE OF EXCEPTION OUT OF THE SPIRIT OF ETERNITY OF THE POLITICAL BODY

Aleksey V. Yarkeev

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The philosophical project “Homo Sacer” by the modern Italian philosopher Giorgio Agamben (born in 1942) is based on a consistent highlighting of the process of Western European history that leads to the establishment of the state of emergency as a common technology of public administration today. This article offers an outline of the genesis of the state of emergency (emergency state) from the point of view of the evolution of ideas about the state in the aspect of the metaphor of the human body. In view of the fact that the logic of the state of emergency is based on the concept of a necessity (necessitas), which allows to suspend the normal functioning of law and order, it is necessary to raise the question of the origin of this relationship. The author believes that the source of the idea of the relationship between the state of emergency and necessity is the needs of the human body, the absolute urgency of which is the starting point of political organization (Plato, Aristotle). The system of views on the state as a body that emerged in the Greco-Roman worldview was clearly developed in the medieval civilization of the West. From this point on, we can talk about the emergence of the concept of “political body”, within which the understanding of key socio-political relations took place. The combination of the Aristotelian concept of the eternity of the world with the strengthening of the absolute power of the secular sovereign and practical needs led to the formation of the idea of the permanent state with its constant needs. The new state rationality, associated with the need to meet the needs of the state and thus ensure its self-preservation, has acquired the form of biopolitics, which actually blurs the border between the political and the biological. The state of emergency becomes a paradigm of public administration, motivated by the idea of the identity of natural processes and the existence of society. The constant and imperishable nature of these processes sets the basis for the production of state of emergency, which loses its connection to a certain point in time and becomes a potentially eternal and continuous state.

Key words: state, state of emergency, necessity, human body, biopolitics.

Citation. Yarkeev A.V. The Birth of the State of Exception Out of the Spirit of Eternity of the Political Body. *Logos et Praxis*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 11-21. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.2>

УДК 141.155
ББК 87.6

Дата поступления статьи: 23.03.2021
Дата принятия статьи: 15.04.2022

РОЖДЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ГОСУДАРСТВА ИЗ ДУХА ВЕЧНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕЛА

Алексей Владимирович Яркеев

Уральское отделение РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. Философский проект «Homo Sacer» современного итальянского философа Джорджо Агамбена (род. 1942) строится на последовательном высвечивании того процесса западноевропейской истории, который приводит в наши дни к учреждению чрезвычайного положения в качестве обычной технологии

государственного управления. В настоящей статье предлагается набросок генезиса государства чрезвычайного положения (чрезвычайного государства) с точки зрения эволюции представлений о государстве в аспекте метафоры человеческого тела. Ввиду того, что логика чрезвычайного положения основывается на понятии какой-либо необходимости (*necessitas*), позволяющей приостанавливать нормальное функционирование правопорядка, требуется поставить вопрос о происхождении данной взаимосвязи. Автор полагает, что источником идеи о взаимосвязи чрезвычайного положения и необходимости являются потребности человеческого тела, безусловная настоятельность которых оказывается исходным пунктом политического образования (Платон, Аристотель). Возникшая в греко-римском мировоззрении система взглядов на государство как на некое тело получила свое ярко выраженное развитие в средневековой цивилизации Запада. С этого момента можно говорить о возникновении понятия «политическое тело», в рамках которого происходило осмысление ключевых общественно-политических отношений. Сочетание аристотелевской концепции о вечности мира с укреплением абсолютной власти светского суверена и практическими нуждами привели к формированию идеи постоянного государства с его постоянными потребностями. Новая государственная рациональность, связанная с необходимостью удовлетворять потребности государства и обеспечивать тем самым его самосохранение, приобрела форму биополитики, фактически стирающей границу между политическим и биологическим. Чрезвычайное положение оказывается парадигмой государственного управления, мотивируемого представлением о тождестве естественных процессов и существования общества. Постоянный и непреходящий характер этих процессов задает основания производства чрезвычайности, которая утрачивает привязку к определенному моменту времени и становится потенциально вечным и непрерывным состоянием.

Ключевые слова: государство, чрезвычайное положение, необходимость, человеческое тело, биополитика.

Цитирование. Яркеев А. В. Рождение чрезвычайного государства из духа вечности политического тела // *Logos et Praxis*. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 11–21. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.2>

Актуальность темы определяется усиливающейся в глобальном масштабе тенденцией задавать существование общества на основе биологических процессов, что обуславливает превращение политики в биополитику (М. Фуко), а государства – в орган чрезвычайной власти, вынужденной принимать решения по вопросам, относящимся к области многочисленных угроз (демография, нозология, пандемии, экология, продовольственная безопасность и т. п.). В биополитике общество с его насущными потребностями явно или неявно уподобляется природному организму, или биологическому телу. Экспликация генезиса биополитического государства чрезвычайного положения видится целью настоящей статьи, в рамках которой предполагается: 1) рассмотреть генеалогию «тела» как политической метафоры; 2) выявить взаимосвязь между понятием необходимости, лежащим в основе чрезвычайного положения, и функционированием общественной системы в рамках парадигмы «политического тела».

Серия теоретических работ современного итальянского философа Дж. Агамбена под общим названием «*Nomo Sacre*» посвящена подробному исследованию генеалогии суве-

ренной власти, основанной на связи между правом и насилием, которая обнаруживается как таковая в ситуации чрезвычайного положения. Одна из книг этой серии вышла в русском переводе под заголовком «*Homo sacer. Чрезвычайное положение*» [Агамбен 2011]¹. Однако русский перевод несколько обедняет семантические возможности оригинального названия, так как канализирует рецепцию текста только в русле юридического представления о *временном* действии органов государственной власти в условиях внешней или внутренней угрозы. Вместе с тем в итальянском языке слово «*Stato*», а в английском «*State*» обозначают не только «состояние», «положение», но еще и «государство». Поэтому название работы «*Stato di eccezione*» («*State of Exception*») правомерно переводить не только как «Чрезвычайное положение», но и как «Государство чрезвычайного положения», или «Чрезвычайное государство». Речь, соответственно, идет о такой форме государства, для которого чрезвычайное положение как управленческая технология является не исключительной, а определяющей. По мнению Дж. Агамбена, чрезвычайное положение как специфическое выражение управленческого праксиса су-

существует в том или ином виде, пожалуй, столько же, сколько существует само государство как политический институт², однако чрезвычайная форма, присущая государству на постоянной основе, характеризует преимущественно современные западные демократии, центрированные политикой безопасности и перманентной борьбой с анонимной и диффузной террористической угрозой. Несмотря на то что с формально-юридической точки зрения чрезвычайное положение не объявляется, де-факто оно все больше становится господствующей парадигмой правопорядка и государственного управления.

В современной политической философии данная проблематика заостряется в связи с децизионизмом К. Шмитта, который в своей знаменитой работе 1922 г. «Политическая теология» определил суверена через исключительную компетенцию принимать решение о чрезвычайном положении [Шмитт 2000]. Само понятие суверенитета применимо лишь к опыту существования общества в форме государства. Сущность государственного суверенитета выражается в определении того, что подразумевается под общественным порядком и безопасностью и что представляет для них угрозу. Такая угроза квалифицируется как «случай крайней необходимости» (*extremus necessitates casus*), который является не только и даже не столько объективной данностью, сколько результатом суверенного решения, чью определяющую роль либеральная теория правового государства отказывается признавать.

В истории правовых и политических учений общим местом является мысль о том, что в основе чрезвычайного положения лежит понятие той или иной «необходимости», или «нужды» (*necessitas*). Согласно этому представлению, «необходимость не знает закона» (*necessitas legem non habet*, как гласит одна древняя латинская максима). Данная формула имеет двойное толкование: 1) «необходимость исключает всякий закон»; 2) «необходимость сама себе закон» [Агамбен 2011, 42]. Своеобразный «синтез» этих антитезисов: 3) «необходимость сама себе закон, исключая всякий закон». По всей видимости, впервые такая трактовка необходимости – если не принимать во внимание действие формулы

«*salus publica suprema lex*» времен римских диктаторов – в явном виде встречается в «Декрете Грациана» (*Decretum Gratiani*), сборнике документов церковного права середины XII века, заложившим основы канонического права. В нем *случай необходимости* трактуется как основа для права делать незаконное законным: «*si propter necessitatem aliquid fit, illud licite fit: quia quod non est licitum in lege, necessitas facit licitum. Item necessitas legem non habet*»³ (цит. по.: [Агамбен 2011, 43]). Чрезвычайное положение с этой точки зрения парадоксальным образом предстает как правовая форма того (а именно необходимости), что не может иметь правовой формы, поскольку исключительный случай и всеобщая норма несовместимы.

Совершенно очевидно, что онтологически самым близким и непосредственным источником необходимости для человека является его собственное тело даже для такого методического и метафизического скептика, как Р. Декарт, признающего подлинной реальностью лишь *cogito ergo sum*: «Природа же моя наивыразительнейшим образом говорит, что у меня есть тело, которому худо, когда я чувствую боль, которое требует еды и питья, когда я испытываю голод, жажду и прочее» [Декарт 2018, 232]. Неудивительно, что Р. Декарт, говоря о прогрессе и открывающихся возможностях практических (научных) знаний, связывает их полезность прежде всего с реальностью физического тела человека, от физиологического состояния и работы органов которого зависит деятельность ума. Первейшим благом и основой всех прочих благ является поэтому здоровье, сохранение которого ложится на плечи медицины, способной, следовательно, сделать людей более разумными и умелыми [Декарт 2018, 132].

Уже в политической философии Платона и Аристотеля, к текстам которых восходит западная политическая традиция, подчеркивается основополагающее значение естественной необходимости телесных потребностей для человеческого сосуществования: «Люди ведут такой образ жизни, какой их заставляет вести нужда» [Аристотель 1984, 389]. «Испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совме-

стное поселение и получает у нас название государства... Как видно, его (государство. – А. Я.) создают наши потребности» [Платон 2018, 76]. Следовательно, отмечает Аристотель, государство все же изначально возникает ради удовлетворения потребностей самой жизни (это причина появления государства), хоть и существует в конечном счете ради достижения благой жизни (это цель государства): «Общепризнанно, что в том государстве, которое желает иметь прекрасный строй, граждане должны быть свободны от забот о предметах первой необходимости» [Аристотель 1984, 428], поскольку «без предметов первой необходимости нельзя не только хорошо жить, но и вообще жить» [Аристотель 1984, 381]. Соответственно, бедность как состояние крайней нужды является источником мятежей и преступлений в государстве [Аристотель 1984, 416–417], «ведь маловероятно, чтобы такие люди не стремились к изменению порядков» [Аристотель 1984, 420]. Таким образом, естественное состояние человеческих потребностей есть то, с чем сталкивается политика в качестве неизбежной данности, но что она, по Аристотелю, должна исключить и переместить в сферу домашнего хозяйства (*oikos*), предназначив политическую область (*polis*) для достижения прекрасной жизни (*dzen kalos*). Тем самым жизнь тела (*zoe*) как состояние естественной необходимости *включается* в политическую жизнь (*bios politikos*) посредством *исключения*, образуя диспозитив *постоянного* присутствия *исключительного случая* в самой основе политического образования («политического тела»).

Последовательная политизация физического тела человека привела, в свою очередь, к «отелесняванию» политической сферы, к оформлению политических отношений в метафорических конструкциях человеческого тела. Так, Аристотель полагал, что когда люди объединяются (в государство), то из многих получается как бы один человек, имеющий множество рук, ног и восприятий [Аристотель 1984, 464]. Платон и вовсе уподоблял благоустроенное государство телу, ставя в зависимость его страдания или здоровье от состояния его частей [Платон 2018, 369]. Сходные рассуждения на эту тему можно найти также

у Ксенофонта, Фукидида, Демосфена. Широкой известностью и популярностью пользовалась басня о животе и членах тела, приписываемая легендарному баснописцу Эзопу. В басне другие члены тела восстают против живота, который, по их мнению, ничего не делает, но получает при этом всю пищу. Они отказываются выполнять свои функции, но через некоторое время понимают, что слабы и больны. Таким образом, они узнают, что сотрудничество между всеми членами тела, включая невидимый живот, жизненно важно для здоровья тела. Социально-политическая мораль этой басни была совершенно очевидной: общество, как и тело, функционирует лучше, когда все выполняют возложенные на них задачи и работают сообща [Musolff 2010, 82]. Вместе с тем для древнегреческого представления о государстве метафора тела все же была, скорее, пока еще довольно-таки условной и маргинальной. Что же касается идеи вечности, то античный полис основывался на мысли о бессмертии человеческих творений, деяний и речей, но исключал опыт вечного, который в своем роде был равносителен смерти: город населен смертными людьми, и прикоснуться к вечности можно лишь покинув множественность человеческого общества, что на политическом языке и означает умереть, то есть перестать быть среди людей [Арендт 2017, 32]. Однако конец античного полиса и закат Римской империи ознаменовали собой начало метафизического переворота в воззрениях на соотношение вечности и бессмертности человеческих дел. Отныне никакое дело смертных людей не может больше уповать на бессмертие. И это мнение сопровождалось распространением и укоренением христианства, которое усилило идею вечности (вечной жизни).

В Средние века вместе с вопросом о соотношении правления светской и духовной власти, государства и церкви в политическую сферу была «имплементирована» метафора человеческого тела с его строением, функционированием и потребностями, в границах которой происходило осмысление ключевых вопросов политических отношений. Несмотря на то что довольно развитая система метафор, связанных с человеческим телом, сложилась в Античности, именно средневековая цивили-

зация Запада, унаследовав ее, безусловно, от греко-римской цивилизации, придала ей решающее значение, особенно в связи с политическими представлениями. Индивидуальное человеческое тело является и физическим телом, и абстрактной инстанцией – видимым воплощением государства, его средоточием, поскольку символическая репрезентация ориентируется на физические формы. «Тело, обладающее иерархическим устройством управления и функционирующее как конвергентное единство, является одним из традиционных референтов государства, идет ли речь о его подчинении монарху или о личной власти последнего. В глазах как простолюдинов, так и высших кругов именно органика, ее формы и фигуры, наделяют власть жизнью и осмысленностью» [История тела 2012, 298].

Использование метафоры тела началось в эпоху раннего Средневековья и, пройдя путь последовательной политизации, приобрело широкое применение (к данной аналогии часто прибегали публицисты, канонисты, правоведы, теологи, философы, поэты). В политической идеологии эпохи Каролингов укоренилась идея мистического тела Христа (*Corpus Christi Mysticum*): Империя представляет собой единое тело, головой которого является Христос, правящий на земле посредством двух лиц – папы и императора / короля. Источником данной идеи было учение апостола Павла о христианском сообществе как Теле Христовом, в котором различные члены должны взаимодействовать друг с другом ради общего спасения. Своей классической завершенности в применении к политике образ тела достиг в трактате «Поликратик» (*Policraticus*) Ионна Солсберийского (1159–1160), который вслед за античными образцами сравнил государство со здоровым человеческим телом, иерархически («сверху вниз») уподобив каждый его орган определенной части государства. Высшие функции распределялись между головой-правителем и сердцем-советниками (гипотетическим сенатом, который для XII в. был явным анахронизмом), судьи и другие представители правителя на местах символизировались глазами, ушами и языком, чиновники и воины соотносились с руками, финансовые чиновники – с желудком и кишечником, а крестьяне, которые находились в самом низу, дер-

жали тело в стоячем положении и позволяли ему двигаться, – с ногами [Ле Гофф, Трюон 2008, 162]. Особенно красноречивая полемика, имеющая непосредственное отношение к политическому использованию метафоры человеческого тела, разгорелась на рубеже XIII–XIV вв. между французским королем Филиппом IV Красивым и папой Бонифацием VIII. Особый интерес здесь представляет анонимный трактат «*Rex Pacificus*» (1302), автор которого писал, что если представить государство в виде человека, то у него будет два главных органа – голова и сердце. Папа является головой; он дает остальным частям тела (верующим) истинную доктрину и побуждает их совершать добрые дела. Нервы, отходящие от головы, образуют церковную организацию. Они объединяют части тела между собой и связывают их с верховным владыкой, то есть Христом, от чьего имени выступает папа. Светский же государь представляет собой сердце, снабжающее кровью (ордонансы, законы, правосудие и пр.) по венам все части социального организма. Далее анонимный автор делал вывод: ввиду того, что кровь обеспечивает жизненную силу тела, сердце с его венозной системой является более важным, чем голова с ее нервами. Тем самым король оказывался главнее папы. Рассуждение, помимо прочего, дополнялось еще и тем соображением, что у зародыша сердце появляется раньше головы, а это свидетельствует в пользу первенства короля. Еще один аргумент относился к этимологии слова «царь», которое в греческом языке (*basileus*) происходило от слова *basis* (основа). Соответственно, фундаментом, на котором держится общество, является король [Ле Гофф, Трюон 2008, 164]. При этом все-таки автор приходил к компромиссному решению, признавая автономию и независимость светской и духовной власти. Однако это разрушало единство «политического тела», сконструированного по аналогии с телом человека. Объяснить единство «политического тела» позволила концепция двух кругов человеческого организма (голова с исходящими из нее нервами и сердце с исходящими из него венами и артериями), восходящая к Исидору Севильскому.

Новую политическую физиологию, опирающуюся на учение Исидора, предложил

Г. де Мондевил, личный хирург Филиппа IV. У него центральное положение в политическом теле отводилось сердечной мышце, репрезентирующей власть короля. Подобно тому, как сердце в человеческом теле располагается в середине груди, обеспечивая все остальные части тела кровью и теплом, точно таким же образом король находится в центре своего королевства. «Такое положение отражало эволюцию монархического государства. Вертикальная иерархия, которую символизировала голова, отступала на второй план, и тем более – идеал единства, рассыпавшийся союз духовного и светского, соответствовавший устаревшей доктрине Церкви. На первое место вышла централизация, которую проводил государь. <...> Тем не менее голова не утрачивала своего значения и вновь оказывалась на вершине политического тела. В 1418–1419 гг. юрист из Нима Жан де Тервермей, разрабатывавший теорию монархии, написал три трактата, (в которых. – А. Я.) утверждал, что “мистическое или политическое тело королевства” должно слушаться головы, поскольку именно она воплощает в себе основополагающий принцип единства и обеспечивает порядок в обществе и государстве. Таким образом, голова становилась главной частью тела, в подчинении которой оказывались все остальные. При этом говорилось, что общество о двух головах являло бы собой нечто чудовищное и низверглось бы в анархию. А следовательно, папе оставалась лишь как бы второстепенная голова (*caput secundarium*). . .» [Ле Гофф, Трюон 2008, 166–167]. В результате на первый план выходит власть короля, и уже с конца XIII в. более ходовым становится словосочетание «тело королевства». Королевство превращается в более-менее однородную и тесно объединенную общность, в которой власть все больше сливается с суверенностью, воплощенной в физическом теле короля. Так, король становится носителем двух тел – смертного и бессмертного. На рубеже XVI в. английские юристы выразили эту идею в виде концепции «двух тел короля», которая знаменует начало нового представления о государстве, сформулированного Ж. Боденом в тезисе, что верховная власть есть абсолютное и непрерывное могущество. Эта власть сосредоточена в мистическом, или политическом, теле коро-

ля. Умирают конкретные человеческие тела, но тело суверенной власти не умирает никогда, «иначе же государство умирает и распадается со смертью этого короля» [Гоббс 2020, 191].

Тем самым теория «двух тел короля» несла в себе идею непрерывности (*continuity*), получившей эксплицитное выражение на Западе еще в XIII в. в результате восприятия аристотелевского учения о вечности мира, которое совпало с независимыми тенденциями, относящимися к «непрерывности» политико-правовых институций. Как бы то ни было, но философско-схоластические и политико-правовые дебаты на эту тему вкупе с практическими нуждами королевств и обществ привели к проникновению идеи непрерывности и вечности времени в повседневную технику управления военно-политическими, финансово-экономическими, конституционно-правовыми и пр. вопросами. Фундаментальным следствием данного обстоятельства стало то, что принцип *casus necessitatis* (случай общественной необходимости) утвердился в качестве основы новой формы государства – постоянного государства с его постоянными потребностями и нуждами, его *necessitas* [Канторович 2015, 394]. Так, существовавшее до этого публичное налогообложение всегда носило экстраординарный характер и осуществлялось *ad hoc*: налоги собирались в связи с каким-то событием, имеющим отношение либо к частной и личной жизни сеньора, либо к ситуации необходимости защиты королевства от внутренних или внешних врагов. С момента привязки государства к вечному колесу времени налогообложение, сохраняя по инерции фиктивность собственной исключительности, становится постоянным, выражая право суверенной власти удовлетворять постоянные потребности «политического тела». «Понятие *necessitas*, таким образом, приобрело другой, по сути совершенно новый, смысл. Как основа для налогообложения *casus necessitatis* изначально был связан с чрезвычайными ситуациями, возникающими обычно вовне: необходимостью защищать *patria* от вражеского набега или же вести войну с политическими и религиозными противниками – против мятежников, еретиков, даже против духовной власти. Однако на рубеже XIII и XIV вв. понятие

necessitas стало все больше применяться к ординарным, так сказать бюджетным, потребностям управления; и чтобы удовлетворить эти управленческие потребности, правительства приходят к новой фикции – *perpetua necessitas* (“постоянной необходимости”), подразумевая при этом (не без сходства с современными концепциями “перманентной революции”) постоянное наличие чего-то такого, что по определению проявляется как исключение, как некоторое единичное условие или же некое сиюминутное отклонение от правила» [Канторович 2015, 394]. Таким образом, понятие *necessitas* сместилось с внешних угроз на внутренние нужды управления, а сами внутренние потребности стали постоянными. Но и необходимость защиты *patria* становится отныне тоже перманентной, что в конечном счете привело к формированию регулярной армии, рекрутируемой на основе всеобщей воинской повинности.

Упразднение церковной власти (то есть власти, непосредственно производной от Бога) в понятии суверенитета привело к выдвиганию на первый план власти народа. Народ суть нечто единое, обладающее единой волей и способностью единого действия. Народ – это суверен (государство), независимо от того, кто конкретно и в каком количестве находится непосредственно у руля власти. Принцип непрерывного и вечного существования народа «*populus qui non moritur*» («народ, который не умирает») восходит к представлению о вечности Римской империи, о вечности города Рима, из чего следовало, что римский народ будет существовать всегда, независимо от того, кто сменил изначальный римский *populus* или кто играет его роль в данный момент. Как отмечает Э. Канторович, римляне «послужили прототипом для идеи вечности некоего народа. Этот фундаментальный закон (*lex regia*, провозглашающий неотъемлемые права и величие римского народа. – *А. Я.*), конечно, был универсально применим к условиям любого *regnum* и к любому народу; он и в самом деле появлялся в сочинениях юристов всех европейских стран. <...> Тем самым здесь постоянство существования римского народа и вечность его *maiestas* в юридическом плане имплицитно даруется любому *regnum* и любому народу» [Канторович 2015, 407–408].

В XVII в. Т. Гоббс придает народу как суверену еще более определенное сходство с человеческим телом, применяя его метафору к пониманию государства, называемого «искусственным человеком», туловище и члены которого составлены из множества людей [Гоббс 2020, 7–8]. Императив вечности и непрерывности жизни тела этого «искусственного человека» выражен Т. Гоббсом в пункте о праве наследования: ввиду того, что человеческий материал суверенной власти смертен, то в целях сохранения мира среди людей требуется принять меры для создания искусственной вечности жизни политического тела, которая гарантировала бы вечную, а не временную безопасность [Гоббс 2020, 192–193]. Таким образом, Т. Гоббс, с одной стороны, рассматривает общество в форме государства устроенным подобно естественному человеческому телу, но в то же самое время понимает его как произведенное таким способом, каким создается искусственный механизм (машина).

Гоббсовская аналогия между человеческим телом и политическим телом народного суверенитета наглядно иллюстрируется с помощью гравюры, размещенной на фронтиспирсе первого издания «Левиафана» (1651 г.). Согласно большинству исследователей, художник А. Босс, создавший изображение Левиафана, следовал инструкциям самого Т. Гоббса. По мнению Дж. Агамбена, эта иллюстрация является, пожалуй, самым знаменитым и загадочным образом в истории политической философии Нового времени. Как он полагает, самым удивительным в изображении является то, что «искусственный человек», или государство, находится не в городе, а за его пределами. Иными словами, оно не совпадает с физическим телом города [Агамбен 2021, 49]. Отсюда вытекает еще один удивительный факт: город полностью лишен своих жителей. Впрочем, данное обстоятельство объясняется как раз тем, что жители города, составляющие тело государства, оказываются в силу этого за его – города – пределами. Ответ же на вопрос, почему тело государства располагается вне городской территории, дает сам Т. Гоббс, проводя различие между «народом» (*populus*) и «множеством» (*multitudo*). Таким образом, мы вновь сталкиваемся с

диспозитивом «двух тел»: с одной стороны, коллективное тело множества граждан, рождающихся и умирающих, с другой – политическое тело народа, который не умирает никогда. «У множества нет политического значения, оно представляет собой неполитический элемент, на чьем исключении основывается город; и тем не менее в городе есть только множество, поскольку народ всегда уже рассеялся в суверене» [Агамбен 2021, 62]. Еще одна примечательная черта гравюры относится к присутствию в пустом городе нескольких хорошо идентифицируемых фигур. Речь идет о вооруженных стражниках и двух докторов, стоящих перед собором в характерных для того времени противочумных масках с клювом. Это обстоятельство дает основание сделать вывод, что город изображен в состоянии чрезвычайного положения, связывающего воедино здоровье, (право)порядок и суверенитет. Все обстоит так, словно реальное множество подданных уподобляется опекаемой и управляемой массе зараженных, которых можно представить только посредством надзирающих стражей правопорядка и лечащих докторов. Согласно Т. Гоббсу, в конечном счете все обязанности суверена могут быть резюмированы в одной максиме: *salus populi suprema lex* (благополучие народа – высший закон)⁴. «Эмблема с фронтисписа, – отмечает Дж. Агамбен, – не только замечательно иллюстрирует парадоксальный статус гоббсовского множества, но также является провозвестником биополитического поворота, к совершению которого готовилась суверенная власть» [Агамбен 2021, 63–64].

Рождение биополитики как новой парадигмы государственного управления связано со становлением биологии как науки и с проникновением в политику биологических представлений, касающихся понимания природы как места эволюционной борьбы за выживание (социал-дарвинистские и мальтузианские интенции социально-политической онтологии в значительной степени были также обусловлены бурным развитием капиталистической конкуренции). Общество фактически отождествляется с природным организмом, подчиняющимся законам эволюции [Спенсер 2014]. Сам термин «биополитика» впервые появляется в одной из работ Р. Челлена [Kjellen 1920, 93–94],

широко известного своими геополитическими исследованиями. Уже в работе «Государство как форма жизни» Р. Челлен рассматривал геополитический императив «жизненного пространства» в его тесной связи с представлением о государстве как органическом теле, движимом витальными потребностями [Kjellen 2018].

В рамках биополитики формируется новый тип государственной рациональности, со стороны которой единственным объектом заботы становится само государство, а ее единственной целью – выживание и самосохранение государства. Отныне государство со своими постоянными потребностями существует только для самого себя и только по отношению к самому себе [Фуко 2011]. Утверждение императива самосохранения в качестве принципа существования государства обосновывает придание управленческим практикам формы чрезвычайных мер. Право на самосохранение конституирует существование государства в модальности исключительного случая (*extremus necessitates casus*), позволяющего приостанавливать действие права, что как раз и находит свое выражение в концепции чрезвычайного положения как суверенного решения: «В исключительном случае государство приостанавливает действие права в силу, как принято говорить, права на самосохранение» [Шмитт 2000, 25].

Именно к этому отрезку времени западноевропейской истории (XVIII–XIX вв.) относится возникновение революции как социального движения, связанного с биологической необходимостью обеспечивать непрерывно возобновляющиеся потребности человеческого тела [Арендт 2011, 75]. Революционное освобождение фактически предъявило себя в облике свободного осуществления естественных процессов, обеспечение которых посредством заботы о населении легло на плечи государственного управления [Фуко 2010]. Революция, буквально ставящая своей целью удовлетворение человеческих потребностей, превращается тем самым в перманентную форму существования общества. Говоря словами Э. Юнгера, состояние все возрастающей «готовности к мобилизации» вылилось в «тотальную мобилизацию» как тривиальное состояние общественной системы [Юнгер 2000].

Ввиду того, что биологическая необходимость является постоянно действующей силой, необычайное положение как пространство существования этой силы становится нормой, а государство превращается в синоним перманентной революции [Жувенель 2011]. Функция государства теперь состоит в том, чтобы *обеспечивать безопасность* тех естественных процессов, которые являются имманентными существованию населения.

Как полагает Дж. Агамбен, формула «по соображениям безопасности» действует в современном мире как универсальный пароль, позволяющий государственной власти действовать необычайным образом на постоянной основе на различных участках и направлениях общественной жизни [Agamben web], руководствуясь соображениями не легитимности, а эффективности. Этактизация биологической жизни как полное стирание границы между биологическим телом и политическим телом (то есть, собственно говоря, между биологией и политикой) парадигматически определяет основания производства необычайности, которая утрачивает привязку к определенному моменту времени и становится потенциально вечным и непрерывным состоянием.

Как не существует языка вне общества, так и не существует общества вне языка. Посредством понятийно-языковых конструкций перформативно создается социальная реальность в акте ее номинации. Поэтому рассуждения о социальной реальности в том или ином ключе никогда не бывают нейтральными по отношению к ней. Социум в перспективе нерелексивного использования метафоры биологического тела (организма) обречен воспроизводить такую модель общественного благополучия, которая на уровне своих последствий будет порождать авторитарные формы администрирования, государственно-политические репрессии и насилие, отказ от гражданских прав и свобод. Единственным выходом из сложившегося «необычайного положения» является критическая деконструкция того метафорического базиса, который конституирует специфический способ отношения к общественно-политической реальности, учреждая ее «нормальность» в модальности непреходящего эксцесса и кризиса. Соответ-

ственно, современная политическая философия и вырастающая из нее практика управления не смогут избежать фатальных противоречий и деполитизирующих общество опасных и губительных тенденций, если не осознают свои «эпистемологические» корни, связанные с метафорой телесности (организма) и телесных потребностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Оригинальное итальянское издание: Agamben G. *Homo Sacer. Stato di eccezione*. Torino, 2003. Издание на английском языке: Agamben G. *State of Exception*. Chicago, 2005.

² Как отмечает Р. Лахман, догосударственные политические образования (античные полисы, древние империи, средневековые королевства), не претендовавшие на утверждение монополии на легитимное применение насилия (а если и претендовали, то де-факто не могли провести его в жизнь), «не формулировали определения исключений и не объявляли необычайных положений, <...> потому что у них не было достаточного потенциала для утверждения регулярных и прочных правил, применимых ко всем обитателям их царств» [Лахман 2020, 22].

³ «если из-за необходимости что-то становится, то оно становится законным: поскольку то, что не законно в законе, необходимость делает законным. Точно так же необходимость закона не имеет» (лат.).

⁴ *Salus* (лат.) означает также «здоровье» и «безопасность».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агамбен 2011 – Агамбен Дж. *Homo sacer*. Необычайное положение. М.: Европа, 2011.
- Агамбен 2021 – Агамбен Дж. *Stasis*. Гражданская война как политическая парадигма. *Homo sacer*, II, 2. СПб.: Владимир Даль, 2021.
- Арендт 2011 – Арендт Х. О революции. М.: Европа, 2011.
- Арендт 2017 – Арендт Х. *Vita Activa*, или О деятельной жизни. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.
- Аристотель 1984 – Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984.
- Гоббс 2020 – Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. СПб.: Азбука-Аттикус, 2020.
- Декарт 2018 – Декарт Р. Рассуждение о методе. СПб.: Азбука-Аттикус, 2018.

- Жуvenель 2011 – Жуvenель Б. Власть: Естественная история ее возрастания. М.: ИРИСЭН: Мысль, 2011.
- История тела 2012 – История тела. В 3 т. Т. 1. От Ренессанса до эпохи Просвещения. М.: НЛЮ, 2012.
- Канторович 2015 – Канторович Э. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015.
- Лакман 2020 – Лакман Р. Государства и власть. М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2020.
- Ле Гофф, Трюон 2008 – Ле Гофф Ж., Трюон Н. История тела в средние века. М.: Текст, 2008.
- Платон 2018 – Платон. Государство. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2018.
- Спенсер 2014 – Политические сочинения. В 5 т. Т. 1: Личность и государство: опыты о государстве, обществе и свободе. М.; Челябинск: Социум, 2014.
- Фуко 2010 – Фуко М. Рождение биополитики. СПб.: Наука, 2010.
- Фуко 2011 – Фуко М. Безопасность, территория, население. СПб.: Наука, 2011.
- Шмитт 2000 – Шмитт К. Политическая теология. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000.
- Юнгер 2000 – Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. СПб.: Наука, 2000.
- Agamben web – Agamben G. For a Theory of Destituent Power // <https://criticallegalthinking.com/2014/02/05/theory-destituent-power/>
- Kjellen 1920 – Kjellen R. Grundriss zu einem System der Politik. California: University of California Libraries, 1920.
- Kjellen 2018 – Kjellen R. Der Staat als Lebensform. L.: Forgotten Books, 2018.
- Musolff 2010 – Musolff A. Metaphor, Nation and the Holocaust. The Concept of the Body Politic. N. Y.; L.: Routledge, 2010.
- Arendt H., 2011. *On Revolution*. Moscow, Evropa Publ.
- Arendt H., 2017. *Vita Activa, or About an Active Life*. Moscow, Ad Marginem Press.
- Aristotle., 1984. *Essays. In 4 Vols. Vol. 4*. Moscow, Mysl' Publ.
- Hobbes T., 2020. *Leviathan: Or The Matter, Form, and Power of a Commonwealth, Ecclesiastical and Civil*. Saint Petersburg, Azbuka-Attikus Publ.
- Descartes R., 2018. *Discourse on Method*. Saint Petersburg, Azbuka-Attikus Publ.
- Jouvenel B., 2011. *On Power: The Natural History of Its Growth*. Moscow, IRISEHN, Mysl' Publ.
- The History of the Body: In 3 Vols. Vol. 1. From the Renaissance to the Age of Enlightenment*, 2012. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ.
- Kantorowicz E., 2015. *The King's Two Bodies: A Study in Medieval Political Theology*. Moscow, Institut Gajdara Publ.
- Lachmann R., 2020. *States and Power*. Moscow, Delo Publ.
- Le Goff J., Truong N., 2008. *The History of the Body in the Middle Ages*. Moscow, Tekst Publ.
- Plato, 2018. *Republic. State*. Saint Petersburg, Azbuka-Attikus Publ.
- Spencer H., 2014. *Political Writings. In 5 Vols. Vol. 1: Personality and the State: Experiments on the State, Society and Freedom*. Moscow; Chelyabinsk, Socium Publ.
- Foucault M., 2010. *The Birth of Biopolitics*. Saint Petersburg, Nauka Publ.
- Foucault M., 2011. *Security, Territory, Population*. Saint Petersburg, Nauka Publ.
- Schmitt C., 2000. *Political Theology*. Moscow, KANON-press-TS Publ.
- Junger E., 2000. *The Worker: Domination and Gestalt; Total Mobilization; On Pain*. Saint Petersburg, Nauka Publ.
- Agamben G. *For a Theory of Destituent Power*. URL: <https://criticallegalthinking.com/2014/02/05/theory-destituent-power/>
- Kjellen R., 1920. *Grundriss zu einem System der Politik*. California, University of California Libraries.
- Kjellen R., 2018. *Der Staat als Lebensform*. London, Forgotten Books.
- Musolff A., 2010. *Metaphor, Nation and the Holocaust. The Concept of the Body Politic*. New York, London, Routledge.

REFERENCES

- Agamben G., 2011. *Homo Sacer. State of Exception*. Moscow, Evropa Publ.
- Agamben G., 2021. *Stasis. Civil War As a Political Paradigm. Homo Sacer, II, 2*. Saint Petersburg, Vladimir Dal' Publ.

Information About the Author

Aleksey V. Yarkeev, Doctor of Sciences (Philosophy), Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, S. Kovalevskoy St, 16, 620108 Yekaterinburg, Russian Federation, alex_yarkeev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0068-468X>

Информация об авторе

Алексей Владимирович Яркеев, доктор философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права, Уральское отделение РАН, ул. С. Ковалевской, 16, 620108 г. Екатеринбург, Российская Федерация, alex_yarkeev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0068-468X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.3>

UDC 172.1:364.614.8
LBC 87.703.2

Submitted: 20.08.2021
Accepted: 15.04.2022

MYTHOLOGY OF A BRIGHT FUTURE: THE RUSSIAN STATE'S RESPONSE TO THE PUBLIC DEMAND FOR JUSTICE¹

Andrey G. Ivanov

Lipetsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Lipetsk, Russian Federation

Abstract. The article shows how the Russian state is trying to respond to the current demand for justice in society. Social justice, being a common value, seems to be a difficult concept to define, around which it is easy to build both various kinds of myths and popular images of the future. It is noted that the key images of the future of the country are associated with the implementation of the basic functions of the state and with the ideas about the structure of power. Using the achievements of the actor-network-theory, the author demonstrates how the Russian authorities form a version of the assembly from a complex that includes fixing existing problems and proposals for smoothing out injustices. Defining in this complex are the main faults that show failures in the functioning of the public administration system, and decisions concerning future development arise as attempts to overcome the faults. The result of such an installation is a scenario for the development of the country, which can be called the proposed mythology or the mythology of a bright future, in which myths give significance and meaning to images, making them clearer and more definite. After considering three scenarios that correspond to the demand for justice – total control, genuine democracy, a wise ruler – it is concluded that in the Russian Federation, the trajectories of creating potential images of a bright future are fixed on the heroic myth which fits into the «wise ruler» scenario, which is usually personified by a national leader. In order for the public to share the response option presented by the authorities to the request for justice, it is necessary to turn the narrative into a social myth. In the Russian state, this role is performed by a constantly circulating and appropriately shaped narrative, the central component of which is the figure of a hero (leader), demonstrating the determination to fight social injustice. It is this kind of mythology of a bright future that can take on the role of a mediator, a liaison between the state and citizens, between the past and the future of the country.

Key words: myth, social justice, image of the future, public administration system, actor-network theory, the heroic myth.

Citation. Ivanov A.G. Mythology of a Bright Future: The Russian State's Response to the Public Demand for Justice. *Logos et Praxis*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 22-29. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.3>

УДК 172.1:364.614.8
ББК 87.703.2

Дата поступления статьи: 20.08.2021
Дата принятия статьи: 15.04.2022

МИФОЛОГИЯ СВЕТЛОГО БУДУЩЕГО: ОТВЕТ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА НА ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЗАПРОС НА СПРАВЕДЛИВОСТЬ¹

Андрей Геннадиевич Иванов

Липецкий филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Липецк, Российская Федерация

Аннотация. В статье показано, как российское государство пытается ответить на существующий в настоящее время в обществе запрос на справедливость. Социальная справедливость, являясь общей ценностью, представляется трудно определяемым понятием, вокруг которого легко выстраивать как разного рода мифы, так и востребованные образы будущего. Отмечается, что ключевыми являются образы будущего страны, связанные с реализацией базовых функций государства и с представлениями об устройстве власти.

Используя наработки акторно-сетевой теории, автор демонстрирует, как российские власти из комплекса, включающего фиксацию имеющихся проблем и предложения по сглаживанию несправедливостей, формируют вариант сборки. Определяющими в этом комплексе являются основные разломы, показывающие сбои в функционировании системы государственного управления, а решения, касающиеся будущего развития, возникают как попытки преодолеть разломы. Результатом такого монтажа оказывается сценарий развития страны, который можно назвать предлагаемой мифологией или мифологией светлого будущего, в которой мифы придают значимость и смысл образам, делая их более четкими и определенными. После рассмотрения трех сценариев, соответствующих запросу на справедливость («тотальный контроль», «подлинная демократия», «мудрый правитель») делается вывод, что в Российской Федерации траектории создания потенциальных образов светлого будущего замыкаются на героическом мифе, вписывающемся в сценарий «мудрый правитель», олицетворением которого обычно является национальный лидер. Для того чтобы ответственность разделила предъявляемый властями вариант ответа на запрос на справедливость, необходимо превращение нарратива в социальный миф. В российском государстве эту роль выполняет постоянно циркулирующий и соответствующим образом оформленный нарратив, центральным компонентом которого выступает фигура героя (лидера), демонстрирующая решимость бороться с социальной несправедливостью. Именно такая мифология светлого будущего способна взять на себя роль медиатора, посредника между государством и гражданами, между прошлым и будущим страны.

Ключевые слова: миф, социальная справедливость, образ будущего, система государственного управления, акторно-сетевая теория, героический миф.

Цитирование. Иванов А. Г. Мифология светлого будущего: ответ российского государства на общественный запрос на справедливость // *Logos et Praxis*. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 22–29. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.3>

В последнее время в российском обществе наблюдается запрос на справедливость. Говорить о констатации существования в обществе запроса на социальную справедливость позволяют как обращения к теме со стороны представителей власти, так и высказывания различных общественников, а также данные социологических исследований.

Так, Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин в 2018 г. отмечал, что по данным социологических исследований «...ожидания и даже требования социальной справедливости выходят у населения на первый план и что несправедливости в разных сферах жизни воспринимаются людьми крайне болезненно.

Социальное напряжение, порождаемое чувством несправедливости, усугубляется естественной усталостью населения от трех десятилетий реформ, а также беспрецедентным (и добавлю – неправовым, то есть противоречащим нормам международного права) экономическим, и прежде всего санкционным давлением на Россию со стороны США и Западной Европы.

<...> ...социологи и юристы признают, что по таким принятым в международной практике показателям уровня жизни, как прожиточный минимум, минимальный размер опла-

ты труда и индекс развития человеческого потенциала, налицо разрыв между правовыми предписаниями, характеризующими те или иные аспекты социальной справедливости, и фактическими показателями.

В настоящее время проблема социальной поляризации приобретает еще большую остроту в свете грядущих социальных последствий масштабной автоматизации, роботизации и компьютеризации производства. Нельзя недооценивать то обстоятельство, что миллионы людей могут потерять работу, а с ней – не только материальное благополучие, но и социально-правовой статус и возможности реального доступа к системе политического участия. Последние законодательные решения по пенсионной реформе объективно затрагивают очень широкий спектр социально-экономических прав малоимущих слоев населения страны и, как показывают данные социологии, остро воспринимаются как несправедливые.

Все это говорит о том, что мы еще далеки от реализации положения статьи 7 Конституции РФ, которая гласит: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека»» [Зорькин 2018, 5].

Это не просто большая цитата из официального дискурса. Сегодня не часто из уст должностного лица услышишь конструктивную критику сложившейся системы управления обществом. А ведь государственный деятель в контексте размышлений о справедливости особо обращает внимание на проблему неравенства и социальной поляризации. Более того, в дальнейшем В.Д. Зорькин апеллирует к общезначимому правовому подходу к трактовке справедливости как равенства в свободе [Зорькин 2019]. Конечно, не может не радовать, что видные российские политические и государственные деятели исходят из некоего представления о справедливости, из того, что она, в принципе, может существовать.

Тогда же – в 2018 г. – ВЦИОМ представил данные исследования об отношении россиян к социальной справедливости в стране, из которых следует, что для того, чтобы российское общество стало более справедливым, государству, прежде всего, необходимо бороться с коррупцией (14 %), следовать принципу «закон един для всех» (11 %), больше внимания уделять простым людям (11 %), повысить зарплаты и пенсии (9 %) [Социальная справедливость... web].

Между тем сама социальная справедливость оказывается трудно уловимым понятием. Так, сложно представить себе конфигурацию справедливого общества или государства, обходясь при этом без обращений к разного рода утопиям и мифам. Гораздо проще составить перечень творящихся в общественном пространстве несправедливостей, что, собственно, и показали результаты вышеприведенного опроса.

Повторяют эту мысль, пусть и в несколько иной форме, и исследователи общественной жизни: «Выдающиеся экономисты Фридрих фон Хайек и Фрэнк Найт были едины в одном: понятие “социальная справедливость” безнадежно неопределимо и бессмысленно. Единственное, что может предпринять разумная политика, – это локализовать конкретные проявления несправедливости и разработать процедуры, которые помогут сгладить эти моменты» [Больц 2019, 133]. Далее немецкий теоретик медиа и коммуникации заключает, что «современное общество сакрализовало свои принципы справедливости» [Больц 2019, 133].

При всем этом сама социальная справедливость возглавляет список ценностей, на которых, по мнению россиян, должно строиться будущее страны [Шкуренок web]. Здесь мы подходим к вопросу о том, какие же образы будущего востребованы в настоящее время.

На наш взгляд, хотя образы будущего следует разделять на представления о личном будущем, о будущем своей семьи и о будущем своего государства, ключевыми практически для любого человека являются образы будущего страны, в которой ему предстоит жить. В связи с этим целесообразно соотнести страновые образы будущего с так называемыми базовыми функциями государства, которые в целом являются схожими у многих стран. К базовым функциям государства обычно относят следующие:

- определение стратегии развития, определение национальной стратегии;
- обеспечение правовых основ функционирования общества, в частности, гарантирование прав собственности;
- организация денежного обращения, регулирование кредитно-финансовых отношений;
- защита государственного суверенитета, обеспечение безопасности;
- поддержание общественного порядка;
- развитие экономической инфраструктуры, проведение научно-технической и промышленной политики;
- развитие социальной сферы, реализация социальной политики.

Успешная реализация этих функций обеспечивает позитивные ожидания и положительный образ государства, прежде всего в социально-экономическом измерении. К этому следует добавить, конечно, политические компоненты. Так, в политические аспекты образа будущего входят «... представления граждан об идеальных лидерах, власти, государстве, политических институтах» [Шестопал 2021, 99]. Из совокупности социально-экономических и политических составляющих складывается страновой образ будущего, определяющий многое для отдельного гражданина.

Кроме того, следует проводить различие между тремя видами будущего: вероятным, возможным и предпочтительным [Kicker 2009]. И в данном отношении государству, ко-

нечно, следует найти оптимальный баланс между сложившимся положением дел и потенциальными возможностями, не оторваться от реальности, обещая предпочтительное будущее.

Сосредоточимся на том, каким сегодня видит российское государство относительно справедливое будущее, в частности, на какие вызовы оно стремится ответить в первую очередь. Один из подходящих вариантов в данном случае – это воспользоваться девизом акторно-сетевой теории «Следуй за актерами» и оценить значимость приоритетов и эффективность деятельности основных акторов – представителей органов власти и прежде всего главы государства. Как известно, основные направления внутренней и внешней политики страны ежегодно излагаются Президентом Российской Федерации в Послании Федеральному Собранию, служащем своеобразной дорожной картой для будущих действий.

Здесь последовательно должны решаться три разные задачи: «...развертывания, стабилизации и построения. Сначала мы должны научиться так развертывать разногласия, чтобы точно просчитать количество новых участников каждой будущей сборки (часть первая); затем мы должны быть в состоянии исследовать, как сами акторы стабилизируют эти неопределенности, выстраивая форматы, стандарты и метрологии (часть вторая); и, наконец, мы хотим увидеть, как смонтированные таким образом сборки способны обновить наше ощущение бытия в том же коллективе» [Латур 2020, 343].

Соглашаясь с Б. Латуром, следует считать выступление главы государства неким развертыванием, когда определяется, какому органу власти (или общественной организации) и когда предстоит решать конкретную задачу. Обратим внимание, что в России начиная с конца 2010-х гг. (а наиболее явно это было заметно в Послании Федеральному Собранию 2018 г.) проблемы и задачи, которые предстоит решать в будущем, дополняет иконографика технологического будущего. В таком конструировании будущего страны важно не забывать о востребованности справедливости и о сделанном в последней работе Дж. Урри предупреждении о том, что «...прогнозирование будущего зачастую чрезмерно сосредото-

чено на функциональности технологий, игнорируя социально-эмоциональные основы меняющихся обычаев и привычек» [Урри 2019, 138].

В те дни, когда писались эти строки (август 2021 г.), в СМИ появлялись сообщения о предложениях высших должностных лиц России, в той или иной степени связанных с социальной справедливостью: В.В. Путин поручил наладить мониторинг доходов бедного населения раз в полгода [Котляр web]; С.К. Шойгу предложил построить в Сибири новые крупные города и перенести туда столицу [Николаев web]. Конечно, можно это связать с новым электоральным циклом, открывающимся парламентскими выборами в сентябре 2021 г., на которых, в частности, будет видно, находят ли в том числе и такие решения отклик у населения; но скорее это похоже на такое отмечаемое Н. Больцем несовершенство социального государства как сглаживание моментов несправедливостей: «Типичные парадоксы государства всеобщего благосостояния – это система перераспределения и налог на богатство» [Больц 2019, 147]. С другой стороны, популярный сегодня экономист П. Коллиер, наоборот, настаивает на том, что современным рыночным отношениям как раз и необходима отладка механизма через корректировку налоговой системы и сглаживание противоречий между классами, процветающими метрополисами и депрессивными городами: «Задача государственной политики заключается в том, чтобы поощрять процессы, которые однозначно благотворны, обеспечивать компенсацию процессов, благотворных для большинства, но наносящих значительный ущерб определенным группам населения, и ограничивать процессы, вызывающие перераспределение доходов, которое сложно компенсировать» [Коллиер 2021, 336].

Сглаживание несправедливостей является следствием того, что можно назвать разломами, характеризующимися сбоями функционирования системы управления страной. Разломы, с одной стороны, высвечивают имеющиеся недостатки работы такой системы, с другой – инициируют совокупность корректирующих действий, многие из которых связаны с управлением будущим. В частности, рассуждая об альтернативных вариантах возмож-

ного будущего, основанного на инновационных идеях и принципах, Дж. Урри справедливо замечает следующее обстоятельство: «Значительная часть этих инноваций возникает в “заворах” и “трещинах” в доминирующей системе, прежде всего – в капитализме...» [Урри 2019, 271].

Назовем эти основные «разломы» на примере системы государственного управления Российской Федерации: несистемность государственного управления; несовершенство федерализма; сохранение некоторых черт административно-командной системы; непрозрачность системы управления; недостаточная эффективность взаимодействия между органами публичной власти и обществом.

Решения, касающиеся будущего развития общества, рождаются именно как попытки преодолеть такого рода разломы или, говоря в терминах акторно-сетевой теории, как действия акторов по стабилизации неопределенностей.

Остается предложить «варианты сборки» и сравнить их с тем, что сегодня делается государством в направлении утверждения общества социальной справедливости. В настоящее время нами просматриваются, как минимум, три варианта или сценария развития российского государства, которые в той или иной мере соответствовали бы общественному запросу на справедливость и предлагали определенный образ будущего. Назовем их условно следующим образом: 1) «тотальный контроль»; 2) «подлинная демократия»; 3) «мудрый правитель». Каждый вариант построения будущего является «предлагаемой мифологией», так как: а) в любом случае присутствует претензия на тотальность; лишь мифология способна дать полную, исчерпывающую картину мира; б) видна определенная работа элит (предлагаемая мифология в данном случае – это своеобразное упреждающее мифотворчество политического класса или мифотворчество, работающее на опережение).

Тотальный контроль связан с мифом о государстве (восходящем к аристотелевской традиции идеального государства). При таком варианте развития событий справедливость оказывается своеобразной насмешкой над самыми известными антиутопиями XX века. Частично это видно уже сейчас, когда в пери-

од пандемии карт-бланш на введение самого разного рода ограничений (от QR-кодов до прямых запретов на профессиональную деятельность) имеет не только само государство, но и его территории. При этом цифровое будущее выглядит не только технологичным, но и справедливым в том смысле, например, что большие данные (big data) не делают исключений и предпочтений.

Подлинная демократия произрастает из мифа о народовластии, имеющего как практические, так и теоретические измерения: от реальных практик и прецедентов, когда гражданское общество меняет властные решения, вплоть до утопических проектов. Подобные утопии собраны в амбициозном проекте «Россия 2050: Утопии и прогнозы», где, например, в статье А. Баунова «Античная Россия (будущего)» дана яркая картина такой России, в которой буквально все вопросы решаются гражданами, и в каждый день выделяется «время голосований»: «Решения, не выставленные на прямое голосование, стали все чаще восприниматься как второсортные, сомнительные, коррупционные, менее легитимные, чем те, что выставили. И потихоньку, чтобы не иметь проблем, начали двигаться к тому, чтобы голосовать обо всем» [Баунов 2021, 88]. Главное здесь – это функционирование так называемой обратной связи, залог успеха которой состоит, в том числе, и в совпадении ожидаемого или распространенного в массовом сознании мифа и мифа, предлагаемого или конструируемого элитой.

Сценарий «мудрый правитель» связан с героическим мифом и с платоновским пониманием идеального государства. Героический миф, в свою очередь, инспирируется архетипом героя в проекции на сферу самоорганизации социума: «Героический миф – миф о рождении, смерти и возрождении героя, в котором воплощены чаяния поколений и сплетены высшая форма коллективности и высшая форма индивидуальности, – постоянно циркулирует в любом обществе» [Суравнева, Федоров 2008, 83].

В настоящее время российские власти берут на вооружение отдельные элементы из всех трех выделенных нами сценариев конструирования «мифологии светлого будущего». Однако при этом все траектории создания по-

тенциальных образов светлого будущего замыкаются на мифе о герое, вписывающимся в сценарий «мудрый правитель», олицетворением которого обычно является национальный лидер: «...фигура героя присутствует как в семейных историях... так и на социетальном уровне, в масштабе всего общества» [Иванов 2019, 85]. То есть фигура героя пронизывает представления и о семейном, и страновом будущем, но также отвечает и ожиданиям справедливости. Тут стоит вспомнить мифолога-классика М. Элиаде, обратившего внимание на то, что К. Маркс использовал известный эсхатологический миф о справедливом герое-искупителе, в роли которого у немецкого мыслителя выступал пролетариат [Элиаде 2000, 173]. Оказываются задействованными и другие сценарии: так, функционирование Портала государственных услуг Российской Федерации сочетает в себе и претензии на тотальный контроль, и элементы подлинной демократии. Тем не менее фигура героя, мудрого правителя удерживает хрупкий баланс сценариев, отвечает за окончательный монтаж сборок, актуализируясь во время ежегодных Посланий Федеральному Собранию, прямых линий, пресс-конференций. Посредством постоянной, имеющей собственную цикличность демонстрации нарративов и ответов национального лидера создается ощущение присутствия заботы, учета интересов граждан, что способствует созданию контуров образов светлого будущего. Отдельно здесь следует выделить «включение фреймированных событий в общий нарратив» [Токарева 2021, 43], что способно только усиливать суггестивную функцию мифа. К таким событиям в России, например, вполне можно отнести факты повышения прожиточного минимума и, соответственно, постоянные упоминания об этом, в том числе и в контексте борьбы с бедностью, провозглашаемой главой государства.

При определении роли мифов в конструировании и трансляции образов мы будем соотносить наши предположения с известной схемой Р. Барта. В модели французского исследователя показывается, что миф возникает на основе уже ранее существовавшей семиологической цепочки, в которой знак представляет собой итог ассоциации образа (формы, означающего) и понятия (смысла, означаемо-

го); но далее этот знак оказывается лишь означающим (образом, формой), который в ассоциации с новым означаемым и дает миф [Барт 2004, 239]. Получается, что просто образ еще далеко не миф, но содержит потенциальную возможность стать таковым; что образу для того, чтобы он смог стать мифом, необходимо придать некий смысл (как форме придается определенное содержание). И не важно, кто этот смысл придает; главное, чтобы смысл стал общезначимым, одинаково понимаемым многими. В таком случае и образ, и оформленный вокруг него миф, получают все шансы прочно укрепиться в массовом сознании. Поэтому важно и нужно увидеть в мифе образ, или вернуться к образу, хранящемуся в мифе, который обосновывается через так называемое мифическое понятие, являющееся представлением о реальности. И тогда соответствующие образы станут более очевидными, а представление о реальности, включая и будущее, – более четким и светлым.

Лучшего понимания такого неопределенного феномена как социальная справедливость легче добиться на эмпирическом материале, решая предложенные Б. Латуром задачи развертывания, стабилизации и построения. Дело в том, что государство эксплуатирует социальные мифы для конструирования различных идеологий, для сглаживания общественных противоречий, в том числе и обусловленных несправедливым распределением благ. К этому следует добавить, что на примере российского государства видна готовность транслировать свой ответ на общественный запрос на справедливость, предлагая образы будущего, учитывающие возможные альтернативы представлений о справедливом устройстве при доминировании сценария «мудрый правитель».

Также следует заключить, что простого составления перечня проблем («разломов») и даже предложения способов их разрешения зачастую бывает недостаточно. Необходимо предъявить общественности такой вариант сборки как способный вырасти до социального мифа оформленный нарратив, центральным компонентом которого выступает фигура героя (лидера), демонстрирующая решимость бороться с социальной несправедливостью. Именно такая мифология светлого будущего возьмет на себя роль медиатора, посредника

между государством и гражданами, между прошлым и будущим страны.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31064 «Социальный миф как фактор конструирования образа будущего России: возможности, границы применения».

The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project No. 21-011-31064 “Social myth as a factor in constructing the image of the future of Russia: opportunities, limits of application”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барт 2004 – *Барт Р.* Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004.

Баунов 2021 – *Баунов А.* Античная Россия (будущего) // *Россия 2050: Утопии и прогнозы.* М.: Новое издательство, 2021. С. 83–92.

Большц 2019 – *Большц Н.* Размышление о неравенстве. Анти-Руссо. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019.

Зорькин 2018 – *Зорькин В.Д.* Буква и дух Конституции // *Российская газета.* 2018. № 226 (7689). С. 1–5.

Зорькин 2019 – *Зорькин В.Д.* Справедливость – императив цивилизации права // *Вопросы философии.* 2019. № 1. С. 5–14.

Иванов 2019 – *Иванов А.Г.* Мифологема героя в структуре социального мифа // *Вестник Томского государственного университета.* 2019. № 441. С. 80–88. DOI: 10.17223/15617793/441/11

Коллиер 2021 – *Коллиер П.* Будущее капитализма. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2021.

Котляр web – *Котляр М.* Бедность под контролем: достаток малообеспеченных россиян начнут мониторить с осени // <https://www.gazeta.ru/social/2021/08/06/13840556.shtml>

Латур 2020 – *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом ВШЭ, 2020.

Николаев web – *Николаев П.* Шойгу предложил освоить Сибирь заново // https://www.gazeta.ru/politics/2021/08/05_a_13837424.shtml

Социальная справедливость... web – Социальная справедливость в России // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/soczialnaya-spravedlivost-v-rossii>

Суравнева, Федоров 2008 – *Суравнева И.М., Федоров В.В.* Феномен героизма. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

Токарева 2021 – *Токарева С.Б.* Конструирование образа России в публичном и общественно-политическом дискурсе: от семантического описания к метафорическому фреймингу событий // *Logos et Praxis.* 2021. Т. 20, № 1. С. 36–48. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.5>

Урри 2019 – *Урри Дж.* Как выглядит будущее? М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019.

Шестопал 2021 – *Шестопал Е.Б.* Образ идеального будущего: нормативные представления российских граждан о власти // *Вестник Томского государственного университета.* 2021. № 464. С. 99–112. DOI: 10.17223/15617793/464/12

Шкуренко web – *Шкуренко О.* В поисках социальной справедливости [Коммерсантъ. 22 февраля 2020] // <https://www.kommersant.ru/doc/4266723>

Элиаде 2000 – *Элиаде М.* Аспекты мифа. М.: Акад. проект, 2000.

Kicker 2009 – *Kicker D.* Wendell Bell and Oliver W. Markley: Two Futurists’ Views of the Preferable, the Possible and the Probable // *Journal of Futures Studies.* 2009. № 13 (3). P. 161–178.

REFERENCES

Barthes R., 2004. *Mythologies.* Moscow, Sabashnikovs Publ.

Baunov A., 2021. Ancient Russia (of the Future). *Russia 2050: Utopias and Forecasts.* Moscow, Novoe izdatel'stvo, pp. 83-92.

Bolz N., 2019. *Discourse on Inequality. Anti-Rousseau.* Moscow, HSE Izd. dom.

Zorkin V.D., 2018. The Letter and Spirit of the Constitution. *Rossiyskaya gazeta,* no. 226 (7689), pp. 1-5.

Zorkin V.D., 2019. Justice – Imperative of the Civilization of Law. *Voprosy Filosofii,* no. 1, pp. 5-14.

Ivanov A.G., 2019. The Hero Mythologem in the Structure of a Social Myth. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta,* no. 441, pp. 80-88. DOI: 10.17223/15617793/441/11

Collier P., 2021. *The Future of Capitalism.* Moscow, Gaidar Institute Publ.

Kotlyar M., 2021. *Poverty Under Control: The Prosperity of Low-Income Russians Will Begin to Monitor in the Autumn.* URL: <https://www.gazeta.ru/social/2021/08/06/13840556.shtml>

Latour B., 2020. *Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory.* Moscow, HSE Izd. dom.

Nikolaev P., 2021. *Shoigu Proposed to Master Siberia Anew.* URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/08/05_a_13837424.shtml

- Social Justice in Russia*. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/soczialnaya-spravedlivost-v-rossii>
- Suravneva I.M., Fedorov V.V., 2008. *The Phenomenon of Heroism*. Moscow, LKI Publ.
- Tokareva S.B., 2021. Constructing the Image of Russia in Public and Political Discourse: From Semantic Description to Metaphoric Framing of Events. *Logos et Praxis*, vol. 20, no. 1, pp. 36-48. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.5>
- Urry J., 2019. *What is the Future?* Moscow, RANEPА Izd. dom «Delo».
- Shestopal E.B., 2021. Image of an Ideal Future: Russians' Normative Concepts of Authorities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 464, pp. 99-112. DOI: 10.17223/15617793/464/12
- Shkurenko O., 2020. In Search of Social Justice. *Kommersant*, February 22, 2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4266723>
- Eliade M., 2000. *Aspects of Myth*. Moscow, Akad. proekt Publ.
- Kicker D., 2009. Wendell Bell and Oliver W. Markley: Two Futurists' Views of the Preferable, the Possible and the Probable. *Journal of Futures Studies*, no. 13 (3), pp. 161-178.

Information About the Author

Andrey G. Ivanov, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Professor, Department of Public, Municipal Administration and Management, Lipetsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Internatsionalnaya St, 3, 398050 Lipetsk, Russian Federation, agivanov2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1136-251X>

Информация об авторе

Андрей Геннадиевич Иванов, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры государственной, муниципальной службы и менеджмента, Липецкий филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Интернациональная, 3, 398050 г. Липецк, Российская Федерация, agivanov2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1136-251X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.4>

UDC 124.2
LBC 87.6

Submitted: 26.10.2021
Accepted: 15.04.2022

THE CATEGORY “MEANING” IN SOCIO-HUMANITARIAN SCIENCES, PSYCHOLOGY AND PSYCHOTHERAPEUTIC PRACTICES

Sofiya A. Bolshunova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation;
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract. This article is devoted to the study of the “meaning” as a basic category in socio-humanitarian sciences and psychotherapeutic practices. For discussion, the authors propose the following thesis: meaning is the ultimate category in the socio-humanitarian sciences like matter in the physicalist sciences. The “turn to meaning” is justified. It is already observed in the works of Z. Freud, who claimed that symptomatic actions have a hidden meaning, as well as in the works of M. Weber, who focused his attention on meaningfully oriented human actions. The sociological category of “meaning” was further developed by A. Schutz. The “meaning” category is also reviewed in phenomenology and poststructuralism of J. Derrida and J. Deleuze. Russian philosophy, psychology and cultural studies based on V.M. Mezhuyev analyzed as well. The analysis of the above sources allows us to confirm the thesis put forward and recognize the meaning as a key category of socio-human sciences. Meaning is considered by the authors as a category of subjective ontology, and all sociological and psychological phenomena are recognized as explication of meanings. Moreover, subjectivity (agency) is understood as the ability of an individual to manage himself and the circumstances of his own life with meaning. Since meaning is a general category for the socio-humanitarian sciences, it can be considered as a category of the logic of these sciences. The logically possible is equivalent to the meaningful. The last section of the article examines the category “meaning” in psychotherapeutic practices: psychoanalysis, humanistic therapy, cognitive behavioral therapy, narrative practice. It is shown that all these approaches tend to endow the client with agency, i.e. to form his ability to interpret his own life, find meanings and, thus, to deal meaningfully with himself and the circumstances of his own life. This analysis allows us to see the connection between the theoretical category of meaning and its significance in the practice of social and individual life.

Key words: meaning, agency, primary intension, turn to meaning, hermeneutics, Dasein, enactivism, existentialism, psychotherapy.

Citation. Bolshunova S.A. The Category “Meaning” in Socio-Humanitarian Sciences, Psychology and Psychotherapeutic Practices. *Logos et Praxis*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 30-42. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.4>

УДК 124.2
ББК 87.6

Дата поступления статьи: 26.10.2021
Дата принятия статьи: 15.04.2022

КАТЕГОРИЯ «СМЫСЛ» В СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ, ПСИХОЛОГИИ И ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ

София Андреевна Большунова

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация;
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию значения категории «смысл» в социогуманитарных науках и психотерапевтических практиках. Для обсуждения автором предлагается следующий тезис: «смысл» является предельной категорией в социогуманитарных науках, подобно «материи» в физикалистских. Обосновывается «поворот к смыслу», который наблюдается уже в работах З. Фрейда, утверждавшего, что симптоматические действия имеют скрытый смысл, а также в трудах М. Вебера, сконцентрировавшего свое внимание на

осмысленно ориентированных человеческих действиях. Дальнейшее развитие социологическая категория «смысл» получила у А. Шюца. Также рассматривается отношение к смыслу в феноменологии на примерах работ Э. Гуссерля, в постструктурализме Ж. Деррида и Ж. Делеза, в культурологии (с опорой на труды В.М. Межуева), а также в отечественной философии и психологии. Анализ вышеперечисленных источников позволяет подтвердить выдвинутый тезис и признать «смысл» ключевой категорией социогуманированных наук. Смысл рассматривается авторами как категория субъектной онтологии, а все социологические и психологические явления признаются экспликацией смыслов. Более того, субъектность понимается как способность индивида со смыслом распоряжаться собой и обстоятельствами собственной жизни. Поскольку смысл является общей категорией для социогуманитарных наук, он может быть рассмотрен как категория логики этих наук: в данном контексте логически возможное эквивалентно осмысленному. В последнем разделе статьи рассмотрено значение категории «смысл» в психотерапевтических практиках: психоанализе, гуманистической терапии, когнитивно-поведенческой терапии, нарративной практике. Показано, что все перечисленные подходы стремятся к наделению клиента субъектностью, то есть к формированию у него способности к интерпретации собственной жизни, нахождению смысла и, таким образом, к осмысленному обхождению с собой и обстоятельствами собственной жизни. Данный анализ позволяет увидеть связь между теоретической категорией смысла и ее значением в практике социальной и индивидуальной жизни.

Ключевые слова: смысл, субъектность, первичные интенционалы, поворот к смыслу, герменевтика, Присутствие (Dasein), энактивизм, экзистенциализм, психотерапия.

Цитирование. Большунова С. А. Категория «смысл» в социогуманитарных науках, психологии и психотерапевтических практиках // *Logos et Praxis*. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 30–42. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.4>

Поворот к смыслу

Целью данной статьи является рассмотрение категории «смысл» в социогуманитарных науках, а также обоснование свершившегося поворота к смыслу, закрепившего за данной категорией статус предельной.

В 1901–1904-х гг. З. Фрейд пишет книгу «Психопатология обыденной жизни», методологическое значение которой до сих пор остается неверно истолкованным. Отчасти виноват в этом сам З. Фрейд, с подачи которого книга воспринимается как иллюстрация к следующему тезису: даже кажущиеся непреднамеренными психологические явления на самом деле мотивированны и детерминированны скрытыми от сознания мотивами [Фрейд 1923]. Собственно же установленный З. Фрейдом факт состоит в том, что даже кажущиеся ошибочными, случайными и т. п. проявления человека **имеют смысл**, что за редким исключением психоаналитику «удаётся найти скрытый **смысл** симптоматического действия» [Фрейд 1923, 241]. Сам отец психоанализа не без гордости заявляет, что именно он первым заподозрил в мелких функциональных расстройствах повседневной жизни здоровых людей смысл. Понятие мотива вводится З. Фрейдом лишь в порядке интерпретации этого фундаментального факта. Суть пред-

принятого психоаналитиком исследования заключается в оценке событий с позиции смысла. Событие является психологическим или не является таковым в зависимости от того, имеет ли оно смысл. Основной и напрашивающийся вывод из книги может быть сформулирован так: смысл конституирует психологический статус явления, позволяет отнести его к психологическим явлениям как таковым. Установить психологический статус событий – значит обнаружить их смысл, и именно смыслодетерминированность делает события психологическими. Обратим внимание, что в последней, собственно методологической главе книги З. Фрейд подчеркивает, что его современники отрицают преднамеренность множества психических актов и таким образом преуменьшают значение детерминации в душевной жизни человека. На самом же деле у человека нет возможности сознательно и произвольно сочинять бессмыслицу.

Аналогичный поворот к смыслу в то же время совершается в социологии М. Вебером. Задачу социологии он видит в интерпретирующем понимании осмысленно ориентированных человеческих действий [Вебер 1990]. Более того, согласно М. Веберу, нечто является действием постольку, поскольку действующий индивид связывает с ним некий смысл. Параллельно Э. Гуссерль пишет «Логические

исследования», ставшие отправной точкой развития феноменологии, а в 1932 г. А. Шюц, ученик Э. Гуссерля, публикует работу по феноменологической социологии. Заголовок недавнего издания трудов А. Шюца в России – «Мир, светящийся смыслом» – точно отражает существо его идей [Шюц 2004]. Поворот к смыслу обнаруживается даже в подоплеке «лингвистического поворота» Л. Витгенштейна. Свою программную установку он формулирует так: мой «метод заключается в отказе от поисков истины, вместо которых мы задаемся вопросом о смысле» [Витгенштейн 2010, 24].

Итак, начавшийся на рубеже XX в. поворот к смыслу завершился во второй половине столетия признанием универсального значения категории смысл для всего спектра социогуманитарных наук. Наиболее жестко пишет об этом А.Ф. Лосев, утверждая, что философия исходит из утверждения: вещь обладает смыслом, каждая вещь имеет свой смысл. Данный тезис оценивается им как априорный, бездоказательный и даже принципиально недоказуемый, а возражения на этот счет он считает несущественными и не имеющими отношения к самой философии. И даже радикальнее: подобные «возражения есть не больше, как человеческая патология, с которой не нужно спорить, но которую надо лечить» [Лосев 1994, 472].

Всеобъемлющее значение смысла констатирует и Ж. Деррида, когда пишет: все, что предстает сознанию и существует для него, есть смысл; всякий опыт есть опыт смысла. Смысл рассматривается им как сама «феноменальность феномена» [Деррида 2007, 37]. Аналогичной позиции придерживается Ж. Делез. Он уподобляет смысл сфере, куда человек помещается изначально, как только начинает говорить. Только находясь в сфере смысла, индивид способен осуществлять возможные обозначения и даже продумывать их условия. Смысл предполагается сразу, когда человек начинает говорить, и без такого предположения речь не может быть начата. Любая десигнация подразумевает смысл, и поэтому, обозначая нечто, мы сразу оказываемся внутри смысла [Делез 2011]. В культурологии универсальность категории смысл подчеркивается В.М. Межуевым. Он пишет, что именно спо-

собность вещи излучать смысл, а, еще точнее, способность человека наделять вещь смыслом, превращает ее в предмет культуры. Все в мире исполнено человеческого смысла, даже природа [Межуев 2006]. В отечественной психологии уже в 1920–1930-х гг. категория смысл приобретает ключевое значение в деятельностных подходах А.Н. Леонтьева и М.М. Рубинштейна: «Учение о деятельности есть альфа, учение о смысле – омега психологии» [Леонтьев 1994, 209; Рубинштейн 1927]. С точки зрения теории деятельности, психологическое содержание поведения возникает в процессе образования смысловых связей. Наконец, новая феноменология У. Матурано и Ф. Варела охватывает категорией смысл и биологию (впрочем, уже А.Н. Леонтьев использовал понятие «биологический смысл») [Maturana, Varela 1980; Maturana 2002; Vörös web]. Признается, что даже простейшие организмы действуют в феноменологических (смысловых) ландшафтах, являющихся продуктом со-определения организма с миром. Нервная система, включая мозг, возникла и развивалась как орган, предназначенный к функционированию в феноменологических полях как своего рода «акцептор смыслов» (заметим, что такой подход устраняет гордиев узел неувязок между нейронауками и психологией). В 1991 г. на базе феноменологии У. Матурано и Ф. Варела создается энактивизм как новая парадигма социогуманитарных наук, даже своего рода универсальный логос этих наук (особенно культурологии, социологии и психологии) [Varela, Thompson, Rosch 1991; Villalobos, Ward web; Jesus web; Ward, Silverman, Villalobos web]. Энактивистами вполне осознается близость этой парадигмы к деятельностному подходу А.Н. Леонтьева [Drain 2018]. В связи с этим энактивизм можно характеризовать как деятельностно-феноменологический подход в гуманитарных науках [Durt, Fuchs, Tewes 2017].

Смысл – категория субъектной онтологии

Из сказанного следует, что смысл не является специфической категорией какой-либо из социогуманитарных наук, но в каждой из них он проявляется в форме какой-либо из своих метаморфоз, например, как личностный

и операциональный смысл в психологии, социальный смысл, экзистенциальный смысл и т. д. Собственно же смысл является категорией иного порядка, и не случайно именно борьба с психологизмом в логике приводит Э. Гуссерля к категории смысла. Смысл указывает на некую отличную от физикалистской онтологию социогуманитарных явлений (Д. Макдауэлл называет ее «второй природой») [McDowell 1994]. В физических и химических процессах нет ничего, что указывало бы на наличие в них чего-то подобного смыслу; физико-химические процессы ни в какой из своих частей не опосредуются смыслами, и смыслы не нужны для их описания и объяснения. Напротив, все социогуманитарные явления смыслоконституированы и смыслодетерминированы.

Нечто само по себе не является ни товаром, ни культовым предметом, ни даже пищей. Оно становится таковым в отношении с субъектом или в образуемых человеческими практиками отношениях. Сказать, например, что некая вещь в отношениях обмена становится / является товаром – то же самое, что сказать: она приобретает / имеет смысл товара. Этот смысл (товара) объективируется как стоимость, которую К. Маркс называет «объективной мыслительной формой», а на языке энактивизма стоимость является воплощением (embodiment) смысла. Товар, подчеркивает К. Маркс, вещь чувственно-сверхчувственная. Сверхчувственное в товаре – это его смысл. Все, что мы делаем с товаром, мы делаем сообразно с этим смыслом. Любая практика, например обмена, атрибутирует индивиду свойство субъектности как способности действовать с вещью сообразно с тем смыслом, которым она обладает в этой практике.

Здесь необходимо сразу развести понятия субъектности и субъективности. Государство, к примеру, может располагать субъектностью, то есть ему может атрибутироваться субъектность как субституту субъектности, но не субъективностью. Чиновник, напротив, даже оказавшись на вершине власти, может оставаться всецело субъективным и не располагать субъектностью. Под субъектностью мы понимаем способность распоряжаться обстоятельствами своей жизни, сво-

ей жизнью в целом и самим собой сообразно с их смыслом (смыслом обстоятельств, смыслом жизни и смыслами всех аспектов своей идентичности). Вопрос субъектности может быть поставлен как вопрос «суббота для человека или человек для субботы», обстоятельства распоряжаются человеком или человек обстоятельствами.

В силу всеобъемлющего характера категории смысла мы не знаем ответа на вопрос, что значит «иметь смысл». Дефинировать смысл невозможно, ведь всякое утверждение есть отрицание, все – это ничего. Но как наличие смысла, так и сам смысл обладают характером самоочевидности. Еще раз обратимся к тезису А.Ф. Лосева: каждая вещь имеет свой смысл [Лосев 1994]. Смысл – предельная категория социогуманитарных наук, в чем-то подобная понятию материи в физикалистских науках: мы заранее убеждены, с каким бы физическим явлением мы не встретились, оно будет материальным, ибо иное исключило бы его из тех причинно-следственных связей, на исследовании которых зиждется физика.

Все психологические и социологические проявления человека являются смыслодетерминированными и смыслоопосредованными. Более того, все психологические явления следует рассматривать как экспликации смыслов, репрезентации смыслов субъекту. Эти экспликации образуют сферу субъективного. Сами же смыслы не субъективны и не объективны, они субъектны, они суть то, чем вещи становятся в отношении с субъектом. Без понятия субъектной онтологии мы вынуждены были бы подобно Д.А. Леонтьеву утверждать, что понятие смысла неким образом «соотносимо и с объективной, и с субъективной, и с интересубъективной (групповой, коммуникативной) реальностью» [Леонтьев 2007, 4]. Но сказать, что смысл является и субъективным, и объективным, и интересубъективным, значит неразрешимо запутать проблему смысла.

Представляется, что предпосылки и условия разрешения этого узла недоразумений находятся в онтологии М. Хайдеггера, в конституции сущего характера Присутствия (заметим, что Хайдеггер характеризует Dasein как «онтологически верно понятый субъект»)

[Хайдеггер 2011, 111]. Сущее характера Присутствия – это сущее, которое, понимая в своем бытии, относится к этому бытию. В этом онтологическом отношении сущего и бытия этого сущего Присутствие полагается как субъект, а бытие как объект и предмет. Можно сказать точнее, что бытие в этом отношении полагается как вся совокупность моментов объективной логики Г.В.Ф. Гегеля, то есть как сущность, основание, явление, существование, действительность. При этом бытие конституируется как объект и предмет по смыслу: объект суть то, что имеет смысл объекта. Смысл же суть исключительная форма мыслимости этого отношения – то, в чем и как выражено это отношение. Для М. Хайдеггера вопрос о смысле бытия «универсальнейший и пустейший» [Хайдеггер 2011, 39]. С одной стороны, сущее характера Присутствия есть спрашиваемое в вопросе о смысле бытия, с другой, в нем заложена возможность индивидуации до конкретного Присутствия. Поскольку же в отношении Dasein с бытием присутствуют (соприсутствуют) другие, постольку смысл приобретает и характер интерсубъективности.

Смысл и субъект как категории логики

Опять же, поскольку смысл не является специфической категорией какой-либо из социогуманитарных наук, его следует рассматривать как категорию логики этих наук [Большунов, Тюриков, Большунова 2019]. С точки зрения логики, субъект предпосылается действию и высказыванию в качестве условия их осмысленности. Так, в объективной логике Г.В.Ф. Гегеля, являющейся «генетической экспозицией» понятия (субъекта), по завершении ее выясняется, что субъект был предпослан всему разворачиванию логических категорий и поэтому являет себя как истина этого становления, в котором оно снято (объективная логика приводит к понятию субстанции, которая суть то, что содержит в себе все основания своих проявлений; субъект же содержит их не только в себе, но и для себя). Аналогично в совсем другой традиции у В. Декомба субъект предпосылается глаголу как первый актант (агенс), являющийся лингвистическим условием осмысленности

высказывания [Декомб 2011]. Соответственно, понимая что-либо (а понимаются смыслы), мы всегда ищем и конструируем субъекта, который мыслится как предпосылка осмысленности действия и высказывания. Если нечто «просто произошло», оно бессмысленно (точнее, вопрос о смысле в отношении этого «просто произошедшего» неуместен, и именно поэтому – см. выше – психоанализ как выяснение смысла обречен на удачу как конструирование смысла, осмысленности). Так, если болезнь воспринимается не как испытание, наказание или искушение, но только как результат инфицирования, она не имеет смысла; но для того, чтобы болезнь имела смысл испытания, ей должен быть предпослан Бог как субъект, ведь именно отношением к Нему, распоряжающемуся и вирусами, болезнь приобретает смысл испытания.

Соответственно, описанное в предыдущем разделе наделяние индивида субъектностью осуществляется сообразно с логосом субъектной онтологии. При этом индивид, которому атрибутирована субъектность, должен как-то привести себя в соответствие с атрибутированными ему экзистенциальными характеристиками – что, собственно, и означает «стать человеком».

Понятие «смысл» впервые вводится в логику Г. Фреге, который показывает, что знак несет в себе не только обозначаемое, но и некий смысл [Фреге 2000]. Обозначаемое и смысл не только не тождественны друг другу, но и существуют независимо друг от друга. Так, Г. Фреге показывает, что любое грамматически правильное предложение имеет смысл, однако не всегда обладает значением. В качестве примера логик рассматривает предложение: «Одиссей был высажен на берег Итаки крепко спящим». Очевидно, что оно имеет смысл, но имеет ли оно значение? Ведь, вероятнее всего, имя «Одиссей» значения не имеет, а значит и само предложение тоже. Из этого Г. Фреге делает вывод, что художественная литература в первую очередь наделяет знаки смыслом, а вот наука, ориентированная на поиск истины, стремится связать с понятием определенное значение.

Аналитическая философия, напротив, редуцировала смыслы к значениям, и на место смысла пришло понятие верификации. Это

привело к признанию бессмысленными не только этики, но и чуть ли не всей философии [Вайсман 1998]. Но основная загвоздка состоит в следующем: чтобы ставить вопрос о значении предложения, оно уже должно иметь смысл. Бессмысленное априори не имеет значения.

Новая попытка отделить смысл от значения была предпринята Р. Карнапом [Карнап 1959]. Он вводит понятия интенционала и экстенционала, уподобляя их смыслу и значению у Г. Фреге. Однако интенционал, как его понимает Р. Карнап, не позволяет провести различий между смыслом и содержанием предложений, интенционал и экстенционал для него всегда существуют в паре. Но когда Д. Чалмерс разделяет интенционалы на первичные и вторичные, становится очевидно, что это не так [Чалмерс 2013]. Для пояснения этого приведем следующий пример. Предложение «вода есть H_2O », по Р. Карнапу, есть интенционал, указывающий на определенный класс объектов, то есть экстенционал, образующий «объем» понятия [Большунов, Тюриков, Большунова 2019]. Однако данное высказывание ничего не сообщает о смысле воды, которым она обладает для человека в актуальном или контрфактическом мирах. Первичный интенционал воды, то есть ее смысл, выражается в обращении с водой в разных практиках: культурных, бытовых, социальных. Вода имеет особый смысл в культовой практике крещения, иной – в культурных практиках массового купания во время Ивана Купала. Основной бытовой смысл воды заключается в том, что ее можно пить, готовить на ней, купаться, мыться. Подобный смысл не заложен в ее химическом составе и, если представить себе формы жизни на кремниевой основе, тем же смыслом для них могла бы обладать серная кислота.

Первичный интенционал вводит в игру смысл: добро есть то, что имеет смысл добра, свобода – то, что имеет смысл свободы и т. д. Но содержание этих понятий всегда остается проблематичным (см. [Вильянуэва web]), и они либо вообще не имеют референции, либо не являются «жесткими десигнаторами».

Изначально Д. Чалмерс вводит различие между первичными и вторичными интенционалами, основываясь на разделении жестких

и пластичных десигнаторов С. Крипке. В его терминологии десигнаторы различаются, поскольку референции в актуальном и контрфактическом мирах определяются разными механизмами [Крипке 1980]. Д. Чалмерс, в свою очередь, обосновывает наличие разных схем зависимости референта от состояния мира и вводит два интенционала:

1) первичный интенционал: зависимость фиксирует референцию в актуальном мире сообразно тому, каким является этот мир;

2) вторичный интенционал: зависимость определяет референцию в контрфактическом мире при условии фиксации референции в актуальном мире.

Мы же настаиваем, что первичные интенционалы (смыслы) не имеют референции, но располагают интенциональностью и вследствие этого способностью к различным «опредмечивающим оборачиваниям», по Э. Гуссерлю; объективациями, по М. Фуко; или воплощениями, говоря языком энактивизма. Кроме того, они находятся в процессах перманентных и бесконечных пониманий и интерпретаций. Понимаются и интерпретируются именно смыслы; во вторичном интенционале типа «вода есть H_2O » нечего понимать и интерпретировать, это только известно. Поэтому М. Хайдеггер утверждает, что «Лпгпт феноменологии Присутствия имеет характер герменевтики» [Хайдеггер 2011, 37]. Через герменевтику принадлежащая Присутствию бытийная понятливость извещается о собственном смысле бытия и основоструктурах своего бытия.

Возвращаясь к трудам Р. Карнапа, отметим еще одно понятие, введенное им, – интенциональный изоморфизм [Карнап 1959]. Оно вводится для анализа синонимии и дает возможность говорить об интенциональных структурах и контекстах. Если переложить карнаповский интенциональный изоморфизм на первичные интенционалы, получится интенциональный морфизм – непрерывное отображение, не предполагающее синонимии. Примером непрерывного отображения могут служить бинарные оппозиции, пронизывающие все жизненные миры: сакральное – профанное, живое – мертвое, мужское – женское и пр. Содержания подобных оппозиций различны, но каждая из них производит общий смысл и об-

разует «темные» интенциональные контексты. Они не очевидны для наблюдателя, но самоочевидны для представителя культуры. Так, бинарная оппозиция «инь / ян» охватывает все явления китайского жизненного мира, любой представитель китайской культуры способен распределить между «инь» и «ян» все знакомые ему явления, однако для других культур эта задача непосильна.

С введением понятия первичных интенционалов и образуемых ими интенциональных структур и контекстов мы получили мощное средство мыслимости смыслов.

В отличие от аналитической философии в феноменологии проблематика смысла изначально является ключевой. В «Логических исследованиях» Э. Гуссерля логическое, по сути, приравнивается к осмысленному. Логически возможное эквивалентно осмысленному, логика есть то, что «дает смысл» [Гуссерль 2011, 145]. Для Э. Гуссерля бессмысленный мир не является логически возможным [Chakraborty 2016]. Впоследствии Г.П. Щедровицкий определит логику как «организацию собственного мышления, собственного действия... которая несет в себе осмысленность» [Щедровицкий 2004, 45–46]. Начиная с «Идеи к чистой феноменологии...» и далее в трансцендентальной феноменологии и интенциональной аналитике смысл у Э. Гуссерля приобретает характер априорной (логической) формы мыслимости жизненного мира и всех ингредиентных ему явлений, т.е. всех социогуманитарных и, в особенности, психологических феноменов.

В заключение раздела подчеркнем, что границы осмысленного значительно шире границ рационального; и даже аффекты имеют смысл и свою логику.

Смысл и язык

В отличие от западной философии, в которой язык признается «обиталищем смыслов», мы придерживаемся тезиса Л.С. Выготского: вещи имеют смысл, слова имеют значения [Выготский 2004, 232]. При этом слова выражают смысл в значениях, подобно тому, как денежные знаки выражают стоимость в ценах. И так же, как выражение стоимости в ценах ведет к возникновению денежной формы стоимости, выражение смысла в значени-

ях слов ведет к возникновению языковой формы смысла. Это имеет три важных последствия. Первое заключается в беспрецедентных возможностях по обращению смыслов в дискурсах. Вторым является то обстоятельство, что в этом обращении (метаморфозах) смысл может приобретать характер «превращенных форм» и симулякров в значении, придаваемом этому термину Ж. Бодрийяром: перефразируя, симулякр смысла – не ложь, скрывающая смысл или его отсутствие, а смысл, которого нет [Бодрийяр 2015]. И подобно тому, как денежная форма стоимости как симулякр стоимости терпит катастрофу при «встрече с реальностью», терпит крах и языковой симулякр смысла. Третьим обстоятельством является то, что с языковой формой смысла возникает и возможность самообмана в значении этого понятия у Ж.-П. Сартра.

Смысл

в психотерапевтических практиках и консалтинге

Расширение значения категории смысл в социогуманитарных науках привело к развитию смыслоцентричных и смыслоориентированных практик консультирования, причем не только психологического [Wong web; Kudesia web; Batthyany, Russo-Netzler web].

Есть две фундаментальные особенности смыслоориентированного консультирования. Во-первых, если все проявления людей смыслоконституированны и смыслодетерминированны, то изменения сознания и деятельности людей происходят вслед за изменениями, трансформациями различных смысловых образований: смысловых ситуаций, феноменологических полей, в которых люди находятся и действуют. Соответственно, в фокусе работы смыслоориентированного консультанта всегда находятся не только смыслы, но и процессы смыслообразования. Во-вторых, смыслоориентированный консультант для обеспечения эффективности своей работы вынужден решать три ключевых проблемы. Это деконструкция, демонтаж различных субститутов субъектности, симулякров смысла и порождаемых обращением смыслов форм самообмана. Особенно важно консультанту разобраться с субститутами субъектности, по-

скольку центрированные на субститутах миры, то есть миры, в которых вещи, события, поступки имеют смысл отношением не к людям, а к субституту, априори нерелевантны запросу на бытие людьми. В глобальном плане субъектностью могут наделяться государство, капитал, наука, церковь, какая-либо идеология и т. д. В локальном – семья, организация, карьера, вообще, что угодно. В любом случае такой центрированностью глобальный или локальный жизненный мир, используя различие Ю. Хабермаса [Хабермас 2010], трансформируется в систему, режим, не предполагающий субъектности человека; в любом случае деформированный центрированностью на субституте жизненный мир наполняется человеком не обосновываемыми многочисленными «должен» и «нельзя», «принципами» и т. п.

Традиционно пионером исследований смысла в психологии и психотерапии принято считать В. Франкла, однако и до логотерапии категория смысла присутствовала в психологии в разной степени выраженности.

Как сказано выше, если посмотреть на классический психоанализ сквозь современную оптику, можно сказать, что З. Фрейд создал дискурсивную практику смыслообразования [Филатов 2014]. Психоаналитическая концепция постулирует принципиальную искаженность и ограниченность знаний человека о себе. Искажается она неосознаваемыми моральными предписаниями и защитными механизмами. В психоанализе познающий субъект принципиально не способен быть объективным в полной мере, и поэтому для понимания себя он нуждается в диалоге с Другим. Смысл символа не дан объективно, не артикулирован ситуацией, но извлекается с помощью кода. Код проступает в результате взаимодействия сознательного и бессознательного, аналитика и анализируемого, т.е. в процессе интерпретации. По сути, З. Фрейд разрабатывает язык, который позволяет раздвинуть границы мыслимого и найти смысл в том, что раньше казалось случайным и бессмысленным. Позже Ж. Лакан скажет, что бессознательное структурировано как язык [Лакан 2004].

Развитие теории психоанализа в русле лингвистического поворота переориентирует

его со стандартов естественнонаучного познания на непрерывный поиск кода. Код позволяет буквально перевести речь Другого, бессознательное Другого на язык, доступный Эго-сознанию. Аналитик становится переводчиком для пациента и благодаря интерпретации и нахождению смыслов языка бессознательного достигается целительный эффект.

Более открыто о значении смысла для психотерапевтического подхода говорили представители классического гуманистического направления. Здесь психологические проблемы клиентов трактуются как результат незнания себя и несоответствия самому себе, точнее неконгруэнтности Я-концепции и переживаний человека, его опыта [Роджерс 1994]. Основой личности вновь выступает субъективный опыт, в соответствии с которым интерпретируется действительность. В связи с этим понимание терапевтом мира клиента так, как он сам его видит, является обязательным условием для терапевтических изменений. Однако в отличие от психоанализа здесь терапевт не интерпретирует, а стремится эмпатически воспринять систему внутренних смыслов клиента.

К. Роджерс демонстрирует значимость понятия «смысл», приводя в пример исследование двух групп врачей психиатрической клиники. Первая группа работала с большим успехом, а вторая имела некоторые трудности. Исследователи поставили перед собой задачу выявить причины разной эффективности. Одним из отличий оказалось стремление первой группы понять больного, исходя из смысла его поведения, а не работать с ним по истории болезни или только согласно описанию диагноза. Важно, что гуманистический подход исходит из принципиальной допустимости полного понимания путем эмпатического вчувствования и принятия Другого, и указывает, что именно это понимание производит благотворный эффект.

Интересный путь к категории «смысл» проделала когнитивно-поведенческая терапия (далее – КПТ) [Гаранян web; Веск 2011]. Черпая свои истоки из бихевиорального подхода, в своей первоначальной версии практически полностью отрицавшего ментальные явления, она соединила его с когнитивным, сфокусированным в первую очередь на мыслительных

процессах. В результате КПТ сосредоточила свое внимание на связи мышления и поведения. Базовое утверждение – мысли человека сильно влияют на то, как он себя чувствует и как он себя ведет, – нашло отражение в треугольнике КПТ, в вершинах которого располагаются поведение – мысли – чувства.

Психотерапевт уделяет внимание «неадаптивным» когнициям и убеждениям, которые порождают нежелательное поведение или переживания. Предполагается, что клиент интерпретирует внешние события и ситуации, наделяя их определенным смыслом. Интерпретации в свою очередь приводят к тому или иному поведению индивида. Соответственно, к нежелательному поведению приводят неадаптивные интерпретации. Терапевт вместе с клиентом исследует неадаптивные убеждения и интерпретации в рационалистическом ключе, то есть выявляет «ошибки мышления» путем поиска доказательств, альтернативных убеждений и выявления эффектов тех или иных убеждений на жизнь клиента. Одним из популярных методов современных когнитивно-поведенческих терапевтов является «сократический диалог», в процессе которого задается серия вопросов, направленных на прояснение сути проблемы, смысла событий для клиента и оценки последствий неадаптивных мыслей и видов поведения [Overholser 1993]. Таким образом, процесс интерпретации и переосмысления с помощью терапевтических вопросов и упражнений становится центральным в современной КПТ.

Однако, несмотря на значимую роль понятия «смысл» в приведенных выше направлениях психотерапии, центральную роль оно традиционно занимает в экзистенциальном подходе. Основоположник смысло-центрированной терапии В. Франкл, которому принадлежит знаменитая психотерапевтическая формула, созданная Ф. Ницше и трагически проверенная В. Франклом на практике: «У кого есть “Зачем”, тот выдержит почти любое “Как”» [Франкл 2004]. «Зачем» – это и есть смысл, и именно смыслу отдана определяющая роль в человеческой экзистенции в логотерапии.

В. Франкл ввел традицию разделять вопросы о смысле на большие и малые [Лэнгле 2004]. Большие смыслы – жизнеопределяющие, это вопросы о смысле жизни, страдания,

труда, любви и т. д. К малым смыслам относятся повседневные решения, поэтому любое действие ставит маленький вопрос о смысле. Смысл как ответ на вопрос «зачем» пронизывает бытие человека. При этом зачастую маленькие смыслы являются конкретизацией большого Целого, поэтому вопрос о смысле нелинейный и подразумевает поиск контекста, системы взаимосвязей, включенности ситуации в нечто большее [Лэнгле 2009]. Экзистенциальный поворот в бытие человека означает занятие активной позиции по отношению к смыслу, когда субъект перестает пассивно ждать смысл, но начинает принимать участие в жизни, спрашивать себя и мир. Смысл тогда понимается как участие в бытии и непосредственно переходит в действие, что вновь возвращает к понятию субъектности.

Важно, что логотерапия В. Франкла и ее последователи утверждают, что смысл должен быть найден и не может быть создан. Это отличает экзистенциальную терапию от конструктивистских подходов. Для нахождения смысла В. Франклом был разработан «Метод обнаружения смысла», состоящий из четырех последовательных шагов: дистанцирование от ситуации, эмоциональное соотнесение с открывшимися возможностями, выбор наилучшей из возможностей и осуществление решения в действии. Именно нахождение смысла в диалоге с терапевтом обладает положительным эффектом на клиента с точки зрения логотерапии и экзистенциального анализа.

Также активно работают со смыслом постмодернистские и постструктуралистские подходы, которые едва ли могут быть объединены в однородную группу, однако имеют сходные установки и принципы, базирующиеся на соответствующих философских идеях. Для примера может быть рассмотрена нарративная практика, сфокусированная на интерпретации и переинтерпретации личных историй (нарративов) в контексте влияния социальных дискурсов и отношений власти [Кутузова 2011]. Нарратив выступает основным средством осмысления жизненных событий и переживаний. Тогда цель помогающего практика – создание условий для насыщенного описания предпочитаемой истории субъекта, то есть создание предпочитаемого нарратива.

ва, многомерного, осмысленного, эмоционально-насыщенного, в котором повествование ведется от первого лица и человек наделен субъектностью.

Поскольку нарративная практика является нон-структуралистским подходом, в ней не принято считать поведение человека проявлением структурных характеристик отношений или личности. Напротив, поступки и поведение выводятся из смыслов, зависят от условий, ценностей и намерений. Внимание к связыванию смыслов и действий позволяет обеспечить насыщение нарратива и укрепить субъектность клиента, поскольку он становится автором как мыслей, так и действий. При этом ведущая роль в смыслообразовании и интерпретации, выборе предпочитаемой истории и ее оценке отдана самому клиенту, поскольку только он признается экспертом в собственной жизни. Терапевт же выступает расспрашивающим, который в диалоге направляет беседу и высвечивает те или иные нарративы и дискурсы и их влияние на жизнь человека, а также предлагает ему занять субъектную позицию по отношению к ним. Таким образом, смысл здесь конструируется, а не обнаруживается.

Здесь приведен краткий обзор отношения к смыслу в разных психотерапевтических направлениях: психоанализе, гуманистическом подходе, КПТ, экзистенциальной терапии и нарративной практике. Сознательно из обзора была исключена гештальттерапия, поскольку, несмотря на ее философские истоки, она не работает с конструктом смысла, концентрируясь на специфически определяемом понятии феномена. Анализ приведенных направлений показывает, что независимо от истоков, современная психотерапия с разных сторон приходит к вопросам смысла, нарекая его краеугольным камнем психотерапевтического процесса, что еще раз доказывает основной тезис статьи: смысл есть базовая категория социогуманитарных наук.

Таким образом, можно выделить два базовых подхода к работе со смыслом: 1) поиск или конструирование смысла герменевтическими методами с помощью диалога, направленного на истолкование и интерпретацию; 2) поиск смысла феноменологическим методом, то есть через вчувствование. В не-

которых подходах мы видим комбинацию данных методов. Важно отметить, что работа со смыслом есть особая социальная и личная практика, которая требует активности от субъекта. Главным же в консультировании остается вопрос, кто принимает решение о смысле: считать ли его адаптивным, конгруэнтным, полезным, истинным, предпочитаемым, большим или малым. Ведет ли терапевт клиента к смыслу или следует за ним? Ответ на этот вопрос позволяет увидеть, приближают ли описанные практики индивида к субъектности или, напротив, делают его объектом властных отношений, формируя субституты субъектности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бодрийяр 2015 – *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. М.: Постум, 2015.
- Большунов, Тюрников, Большунова 2019 – *Большунов А.Я., Тюрников А.Г., Большунова С.А.* Человек между смыслом и вздором (логико-семантический и психологический анализ сознания эпохи глобальных трансформаций) // Развитие человека в современном мире. 2019. № 3. С. 87–103.
- Вайсман 1998 – *Вайсман Ф.* Людвиг Витгенштейн и Венский кружок // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). М.: Дом интеллектуальной книги: Прогресс-Традиция, 1998. С. 44–69.
- Вебер 1990 – *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Вильянуэва web – *Вильянуэва Э.* Метафизическая свобода и рациональная философия [Epistemology & Philosophy of Science. 2010. Т. XXV № 3] // <https://cyberleninka.ru/article/n/metafizicheskaya-svoboda-i-ratsionalnaya-filosofiya>
- Витгенштейн 2010 – *Витгенштейн Л.* Культура и ценность. О достоверности. М.: АСТ: Астрель, 2010.
- Выготский 2004 – *Выготский Л.С.* Психология развития ребенка. М.: Изд-во Смысл: Эксмо, 2004.
- Гаранян web – *Гаранян Н.Г.* Практические аспекты когнитивной психотерапии [Московский психотерапевтический журнал. 1996. № 3] // https://psyjournals.ru/files/25529/mpj_1996_n3_Garanyan_Prakticheskie%20aspektu.pdf
- Гуссерль 2011 – *Гуссерль Э.* Логические исследования. В 2 т. Т. 1: Прологомены к чистой логике. М.: Акад. проект, 2011.

- Декомб 2011 – *Декомб В.* Дополнение к субъекту: Исследование феномена действия от собственного лица. М.: НЛЮ, 2011.
- Делез 2011 – *Делез Ж.* Логика смысла. М.: Акад. проект, 2011.
- Деррида 2007 – *Деррида Ж.* Позиции. М.: Акад. проект, 2007.
- Карнап 1959 – *Карнап Р.* Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. М.: Изд-во иностр. лит., 1959.
- Кутузова 2011 – *Кутузова Д.* Введение в нарративную практику // Журнал практического психолога. 2011. № 2. С. 23–41.
- Лакан 2004 – *Лакан Ж.* Семинары. Кн. XI. Четыре основных понятия психоанализа. М.: Гнозис, 2004.
- Леонтьев 1994 – *Леонтьев А.Н.* Философия психологии: Из научного наследия. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.
- Леонтьев 2007 – *Леонтьев Д.А.* Психология смысла. М.: Мир, 2007.
- Лосев 1994 – *Лосев А. Ф.* Миф – Число – Сущность. М.: Мысль, 1994.
- Лэнгле 2004 – *Лэнгле А.* Жизнь, наполненная смыслом. Прикладная логотерапия. М.: Генезис, 2004.
- Лэнгле 2009 – *Лэнгле А.* Концепция смысла В. Франкла – вклад в психотерапию // Экзистенциальный анализ. 2009. № 1. С. 47–79.
- Межуев 2006 – *Межуев В.М.* Идея культуры. Очерки по философии культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2006.
- Роджерс 1994 – *Роджерс К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, 1994.
- Рубинштейн 1927 – *Рубинштейн М. М.* О смысле жизни. В 2 ч. Ч. 1. Л.: Типолит. «Вестник Ленинградского Совета», 1927.
- Филатов 2014 – *Филатов Ф.Р.* Семиясфера психоанализа: постановка проблемы // Российский психологический журнал. 2014. Т. 11, № 3. С. 83–92.
- Франкл 2004 – *Франкл В.* Сказать жизни «Да»: психолог в концлагере. М.: Смысл, 2004.
- Фреге 2000 – *Фреге Г.* Логика и логическая семантика: сб. тр. М.: Аспект Пресс, 2000.
- Фрейд 1923 – *Фрейд З.* Психопатология обыденной жизни. М.: Кн-во Современные проблемы, Н.А. Столяр, 1923.
- Хабермас 2010 – *Хабермас Ю.* Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Праксис, 2010.
- Хайдеггер 2011 – *Хайдеггер М.* Бытие и время. М.: Акад. проект, 2011.
- Чалмерс 2013 – *Чалмерс Д.* Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС: ЛИБРОКОМ, 2013.
- Шюц 2004 – *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004.
- Щедровицкий 2004 – *Щедровицкий Г.П.* На досках. Публичные лекции по философии Г.П. Щедровицкого. М.: Изд-во Шк. Культ. Полит., 2004.
- Batthyany, Russo-Netzer web – *Batthyany A., Russo-Netzer P.* Chapter 1 Psychologies of Meaning [Meaning in Positive and Existential Psychology. 2014. DOI: 10.1007/978-1-4939-0308-5_1] // https://www.researchgate.net/publication/280050398_Psychologies_of_Meaning
- Beck 2011 – *Beck J.S.* Cognitive Behavior Therapy: Basics and Beyond. N. Y.: The Guilford Press, 2011.
- Chakraborty 2016 – *Chakraborty S.* Wittgenstein and Husserl: Context Meaning Theory // Gauhati University Journal of Philosophy. 2016. Vol. 1, no. 1. P. 101–112.
- Drain 2018 – *Drain C.* Cognition, Activity and Content: N. Leontiev and the Enactive Origin “Of Ideal Reflective Content” // Epistemology & Philosophy of Science. 2018. Vol. 55, no. 3. P. 106–121.
- Durt, Fuchs, Tewes 2017 – *Durt C., Fuchs T., Tewes C.* Embodiment, Enaction, and Culture: Investigating the Constitution of the Shared World. Cambridge: MIT Press, 2017.
- Jesus web – *Jesus P.* Autopoietic Enactivism, Phenomenology and the Deep Continuity Between Life and Mind [Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2015. 15(2). DOI: 10.1007/s11097-015-9414-2] // https://www.academia.edu/10452512/Autopoietic_Enactivism_Phenomenology_and_the_Deep_Continuity_Between_Life_and_Mind
- Kripke 1980 – *Kripke S.* Naming and Necessity. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1980.
- Kudesia web – *Kudesia R.S.* Organizational Sensemaking [Industrial and Organizational Psychology. 2017] // https://www.academia.edu/36443274/Organizational_Sensemaking
- Maturana, Varela 1980 – *Maturana H., Varela F.* Autopoiesis and Cognition. The Realization of the Living. Dordrecht: Kluwer, 1980.
- Maturana 2002 – *Maturana H.* Autopoiesis, Structural Coupling and Cognition: A History of These and Other Notions in Biology of Cognition // Cybernetics & Human Knowing. 2002. Vol. 9, no. 3–4. P. 5–34.
- McDowell 1994 – *McDowell J.* Mind and World. Cambridge: Harvard University Press, 1994.
- Overholser 1993 – *Overholser J. C.* Elements of the Socratic Method: II. Inductive Reasoning // Psychotherapy: Theory, Research, Practice, Training. 1993. No. 30(1). P. 75–85.
- Varela, Thompson, Rosch 1991 – *Varela F.J., Thompson E., Rosch E.* The Embodied Mind.

- Cognitive Science and Human Experience. Cambridge: The MIT Press, 1991.
- Villalobos, Ward web – Villalobos M., Ward D. Living Systems: Autonomy, Autopoiesis and Enaction. [Philosophy & Technology. 2013. No. 28(2). DOI: 10.1007/s13347-014-0154-y] // https://www.academia.edu/35537995/Living_Systems_Autonomy_Autopoiesis_and_Enaction
- Vörös web – Vörös S. The Autopoiesis of Peace Embodiment Compassion and the Selfless Self [Poligrafi. 2014] // <https://www.dlib.si/details/URN:NBN:SI:DOC-S7XVOEOL>
- Ward, Silverman, Villalobos web – Ward D., Silverman D., Villalobos M. The Varieties of Enactivism [Topoi. 2017. No. 36 (1). DOI: 10.1007/s11245-017-9484-6] // https://www.researchgate.net/publication/316353035_Introduction_The_Varieties_of_Enactivism
- Wong web – Wong T.P. Meaning-Centred Counselling // https://www.academia.edu/783625/Meaning-centered_counseling
- REFERENCES**
- Baudrillard J., 2015. *Simulacra and Simulations*. Moscow, Postum Publ.
- Bolshunov A.Ya., Tyurikov A.G., Bolshunova S.A., 2019. A Man Between Meaning and Nonsense (logical-Semantic and Psychological Analysis of Consciousness in the Era of Global Transformations). *Razvitie cheloveka v sovremennom mire*, no. 3, pp. 87-103.
- Weissman F., 1998. Ludwig Wittgenstein and the Vienna Circle. *Analytical Philosophy: Formation and Development (Anthology)*. Moscow, House of intellectual books, Progress-Tradition, pp. 44-69.
- Weber M., 1990. *Selected Works*. Moscow, Progress.
- Villanueva E., 2010. Metaphysical Freedom and Rational Philosophy. *Epistemology & Philosophy of Science*, vol. 25, no. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafizicheskaya-svoboda-i-ratsionalnaya-filosofiya>
- Wittgenstein L., 2010. *Culture and Value. About Reliability*. Moscow, AST Publ., Astrel Publ.
- Vygotsky L.S., 2004. *Psychology of Child Development*. Moscow, Smysl Publ., Eksmo Publ.
- Garanyan N.G., 1996. Practical Aspects of Cognitive Psychotherapy. *Moskovsky psichoterapevtichesky jurnal*, no. 3. URL: https://psyjournals.ru/files/25529/mpj_1996_n3_Garanyan_Prakticheskie%20aspektu.pdf
- Husserl E., 2011. *Logical Studies. In 2 Vols. Vol. 1: Prolegomena to Pure Logic*. Moscow, Akademicheskyy Proekt Publ.
- Decomb V., 2011. *Addition to the Subject: A Study of the Phenomenon of Action from One's Own Person*. Moscow, NLO Publ.
- Deleuze J., 2011. *The Logic of Meaning*. Moscow, Akad. proekt Publ.
- Derrida J., 2007. *Positions*. Moscow, Akad. proekt Publ.
- Carnap R., 1959. *Meaning and Necessity. Research on Semantics and Modal Logic*. Moscow, Izd-vo inostr. lit.
- Kutuzova D., 2011. Introduction to Narrative Practice. Vvedenie v narrativnyju praktiku. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa*, no. 2, pp. 23-41.
- Lacan J. 2004. *Seminars. Book 11. Four Fundamental Concepts of Psychoanalysis*. Moscow, Gnosis Publ.
- Leontiev A.N., 1994. *Philosophy of Psychology: From the Scientific Heritage*. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta.
- Leontiev D.A., 2007. *Psychology of Meaning*. Moscow, Mir Publ.
- Losev A.F., 1994. *Myth-Number-Essence*. Moscow, Mysl' Publ.
- Langle A.A., 2004. *Life Filled with Meaning. Applied Logotherapy*. Moscow, Genesis Publ.
- Langle A.V., 2009. Frankl's Concept of Meaning-Contribution to Psychotherapy. *Existencialny analys*, no. 1, pp. 47-79.
- Mezhuyev V.M., 2006. *The Idea of Culture. Essays on the Philosophy of Culture*. Moscow, Progress-Traditsiya Publ.
- Rogers K., 1994. *A Look at Psychotherapy. The Formation of a Person*. Moscow, Progress Publ.
- Rubinstein M.M., 1927. *About the Meaning of Life. In 2 pt. Pt. 1*. Leningrad, Tipolit. "Vestnik Leningradskogo Soveta".
- Filatov F.R., 2014. Semiosphere of Psychoanalysis: Problem Statement. *Rossiysky psichologicheskyy jurnal*, vol. 11, no. 3, pp. 83-92.
- Frankl V., 2004. *To Say "Yes" to Life: A Psychologist in a Concentration Camp*. Moscow, Smysl Publ.
- Frege G., 2000. *Logic and Logical Semantics: A Collection of Works*. Moscow, Aspect Press Publ.
- Freud Z., 1923. *Psychopathology of Everyday Life*. Moscow, Sovremennye problemy, N. A. Stolyar Publ.
- Habermas Y., 2010. *The Problem of Legitimation of Late Capitalism*. Moscow, Praxis Publ.
- Heidegger M., 2011. *Being and Time*. Moscow, Akademicheskyy Proekt Publ.
- Chalmers D., 2013. *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*. Moscow, URSS, LIBROCOM Publ.
- Schutz A., 2004. *Favorites: A World Shining with Meaning*. Moscow, ROSSPEN Publ.

- Shchedrovitsky G.P., 2004. *On the Boards. Public Lectures on the Philosophy of G.P. Shchedrovitsky*. Moscow, Izd-vo shk. kult. polit.
- Batthyany A., Russo-Netzer P., 2014. *Chapter 1 Psychologies of Meaning. Meaning in Positive and Existential Psychology*. URL: https://www.researchgate.net/publication/280050398_Psychologies_of_Meaning
- Beck J.S., 2011. *Cognitive Behavior Therapy: Basics and Beyond*. New York, The Guilford Press.
- Chakraborty S., 2016. Wittgenstein and Husserl: Context Meaning Theory. *Gauhati University Journal of Philosophy*, vol. 1, no. 1, pp. 101-112.
- Drain C., 2018. Cognition, Activity and Content: N. Leontiev and the Enactive Origin "Of Ideal Reflective Content". *Epistemology & Philosophy of Science*, vol. 55, no. 3, pp. 106-121.
- Durt C., Fuchs T., Tewes C., 2017. *Embodiment, Enaction, and Culture: Investigating the Constitution of the Shared World*. Cambridge, MIT Press.
- Jesus P., 2015. Autopoietic Enactivism, Phenomenology and the Deep Continuity Between Life and Mind. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*, no. 15 (2). URL: https://www.academia.edu/10452512/Autopoietic_Enactivism_Phenomenology_and_the_Deep_Continuity_Between_Life_and_Mind
- Kripke S., 1980. *Naming and Necessity*. Cambridge, Mass., Harvard University Press.
- Kudesia R.S., 2017. Organizational Sensemaking. *Industrial and Organizational Psychology* URL: https://www.academia.edu/36443274/Organizational_Sensemaking
- Maturana H., Varela F., 1980. *Autopoiesis and Cognition. The Realization of the Living*. Dordrecht, Kluwer.
- Maturana H., 2002. Autopoiesis, Structural Coupling and Cognition: A History of These and Other Notions in Biology of Cognition. *Cybernetics & Human Knowing*, vol. 9, no. 3-4, pp. 5-34.
- McDowell J., 1994. *Mind and World*. Cambridge: Harvard University Press.
- Overholser J.C., 1993. Elements of the Socratic method: II. Inductive Reasoning. *Psychotherapy: Theory, Research, Practice, Training*, no. 30 (1), pp. 75-85.
- Varela F.J., Thompson E., Rosch E., 1991. *The Embodied Mind. Cognitive Science and Human Experience*. Cambridge, The MIT Press.
- Villalobos M., Ward D., 2013. Living Systems: Autonomy, Autopoiesis and Enaction. *Philosophy & Technology*, no. 28 (2). URL: https://www.academia.edu/35537995/Living_Systems_Autonomy_Autopoiesis_and_Enaction
- Vörös S., 2014. The Autopoiesis of Peace Embodiment Compassion and the Selfless Self. *Poligrafi*. URL: <https://www.dlib.si/details/URN:NBN:SI:DOC-S7XVOEOL>
- Ward D., Silverman D., Villalobos M., 2017. The Varieties of Enactivism. *Topoi*, no. 36 (1). URL: https://www.researchgate.net/publication/316353035_Introduction_The_Varieties_of_Enactivism
- Wong Paul T.P. *Meaning-Centred Counselling*. URL: https://www.academia.edu/783625/Meaning-centered_counseling

Information About the Author

Sofiya A. Bolshunova, Postgraduate Student, Department of Philosophy, Russian State University for the Humanities, Miusskaya Square, 6, 125047 Moscow, Russian Federation; Junior Researcher, International Center for Social Expertise and Development, Financial University under the Government of the Russian Federation, Prosp. Leningradsky, 49, 125167 Moscow, Russian Federation, SABolshunova@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9050-7280>

Информация об авторе

София Андреевна Большунова, аспирант кафедры философии, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, 6, 125047 г. Москва, Российская Федерация; младший научный сотрудник Международного центра социальной экспертизы и развития, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, просп. Ленинградский, 49, 125167 г. Москва, Российская Федерация, SABolshunova@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9050-7280>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.5>

UDC 101.1+371.31
LBC 87+74.58

Submitted: 20.02.2022
Accepted: 15.04.2022

**PHILOSOPHY IN A MODERN UNIVERSITY:
PROBLEMS OF TEACHING METHODOLOGY AND PROSPECTS
IN THE CONTEXT OF A NEW EDUCATION MODEL “2+2+2”**

Svetlana E. Kryuchkova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Sergey A. Khrapov

Astrakhan State University, Astrakhan, Russian Federation

Abstract. The change in the status of philosophy in a modern university forces a critical review of the existing practices of its teaching and sets the task of finding modern and more effective ways of mastering philosophical thought. It is shown that their development should be preceded by a new formulation of the question of the mission of the modern university and the goals that society sets before it, in the form of requirements for its graduates from the main social actors – the state, business and civil society. The article highlights and discusses the main strategies for teaching philosophy in Russian universities, their advantages and disadvantages. It is shown that the most productive strategy that contributes to the emergence of a desire among future specialists to analyze social phenomena not only on the basis of personal life experience, today is a problem-oriented strategy, which initially involves a debatable discussion of philosophical problems. An analysis of the existing teaching practices shows that, despite the fundamental differences, all of them somehow face similar methodological difficulties, which many see as the way to overcome them in the search for a new “systematic”. Without addressing questions about the fundamental possibility of its creation, the article substantiates the need to reach conventions on what a university course of philosophy should include in a mandatory plan for non-philosophical specialties, and to build its matrix structure on this basis. In search of a “new universality” and taking into account the expectations of modern students from philosophy, a practical approach should become the key in building the course program today. This approach makes it possible to outline the general architectonics of a university philosophy course aimed at developing critical thinking in the context of the transformation of higher education in accordance with the 2+2+2 model. The new logic of the organization of the bachelor’s degree, which is based on the idea of delayed choice and conscious self-determination of students, will make it possible to solve the problem of developing critical thinking much more successfully. Setting the formation of critical thinking as a key goal of teaching philosophy can fulfill the role of the desired systematizing factor.

Key words: university philosophy, upbringing, training, knowledge-based approach, philosophy teaching strategies, critical thinking, education model “2+2+2”.

Citation. Kryuchkova S.E., Khrapov S.A. Philosophy in a Modern University: Problems of Teaching Methodology and Prospects in the Context of a New Education Model “2+2+2”. *Logos et Praxis*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 43-53. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.5>

**ФИЛОСОФИЯ В СОВРЕМЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ:
ПРОБЛЕМЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ
В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ «2+2+2»****Светлана Евгеньевна Крючкова**

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Сергей Александрович Храпов

Астраханский государственный университет, г. Астрахань, Российская Федерация

Аннотация. Изменение статуса философии в современном университете заставляет критически пересмотреть имеющиеся практики ее преподавания и ставит задачу нахождения современных и более эффективных способов освоения философской мысли. Показано, что их выработке должна предшествовать новая постановка вопроса о миссии современного университета и тех целях, которые перед ним ставит общество в виде требований к его выпускникам со стороны основных социальных субъектов – государства, бизнеса и гражданского общества. В статье выделены и рассматриваются основные стратегии преподавания философии в отечественных университетах, их преимущества и недостатки. Показано, что наиболее продуктивной стратегией, способствующей появлению у будущих специалистов стремления к анализу социальных явлений не только на основе личного жизненного опыта, сегодня является проблемно-ориентированная стратегия, которая изначально предполагает дискуссионное обсуждение философских проблем. Анализ существующих практик преподавания показывает, что, несмотря на принципиальные различия, многие из них обнаруживают трудности методологического характера, преодоление которых видится на путях поиска новой «системности». Не затрагивая вопросы о принципиальной возможности ее создания, в статье обосновывается необходимость достижения конвенций относительно того, что должен включать в себя в обязательном плане университетский курс философии для нефилософских специальностей, и построения на этой основе его матричной структуры. В поисках «новой универсальности» и с учетом ожиданий современных студентов от философии ключевым при построении программы курса сегодня должен стать практический подход. Этот подход позволяет наметить общую архитектуру университетского курса философии, нацеленного на формирование критического мышления в условиях трансформации высшего образования в соответствии с моделью «2+2+2». Новая логика устройства бакалавриата, в основу которой положена идея отложенного выбора и сознательного самоопределения студентов, позволит гораздо успешнее решать задачу по развитию критического мышления. Установка на формирование критического мышления в качестве ключевой цели преподавания философии может выполнить роль искомого систематизирующего фактора.

Ключевые слова: университетская философия, воспитание, обучение, «знаниевый» подход, стратегии преподавания философии, критическое мышление, образовательная модель «2+2+2».

Цитирование. Крючкова С. Е., Храпов С. А. Философия в современном университете: проблемы методики преподавания и перспективы в условиях новой образовательной модели «2+2+2» // *Logos et Praxis*. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 43–53. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.5>

Историческая институционализация философии в университете в свое время вызвала к жизни актуальную и в наши дни проблему: как сочетать в процессе преподавания два дисциплинарно автономных направления – философию, понимаемую как любовь к мудрости, то есть ту, которую Лейбниц называл «*philosophia perennis*» (вечная философия), и университетскую философию как учебный курс, задача которого – образовывать молодые умы.

Проблема содержания и структуры вузовского курса философии – предмет постоянных дискуссий в отечественном профессиональном сообществе последних десятилетий. Необходимость ее новой постановки обусловлена целым рядом причин. Во-первых, глобальными изменениями в системе образования, происходящими сегодня во всех развитых странах мира, в результате которых классический европейский университет гумболь-

дтовского типа с его гуманистическими практиками, нацеленными на развитие личности учащихся, ныне «лежит в руинах» [Ридингс 2010, 93]. В прежнем своем виде он оказался неспособным решать новые задачи, обусловленные необходимостью учета потребностей основных социальных субъектов, заключающиеся в том, чтобы «изучать и упражняться во всем, что необходимо для трудовой и профессиональной деятельности» [Ясперс 2006, 31]. Во-вторых, характерным для всего мирового образования падением интереса к гуманитарным наукам в целом со стороны студентов при выборе будущей профессии [Эпштейн 2019, 12–14] и в частности невостребованностью философии, традиционно занимающейся исследованиями «отвлеченных начал» и не желающей высказываться о злободневных социальных проблемах [Рожкова, Рошин 2021]. В-третьих, отсутствием консенсуса среди членов отечественного профессионального сообщества по вопросу о том, какую философию преподавать сегодняшним студентам, о чем свидетельствуют их споры о месте философии в культуре постмодерна и о том, может ли в принципе быть *современной* подлинная философия, являющаяся «несвоевременной по сути» (М. Хайдеггер), так как ее предмет – не только сущее, но и должное. И наконец, необходимостью выяснения причин неудовлетворительного состояния с ее преподаванием, которое (при всей имеющейся сегодня свободе выбора) вызывает чувство тревоги у заинтересованных лиц. Ведь несмотря на то что *университетская философия* является обязательной дисциплиной для всех направлений высшего образования, сегодня нет не только ее более или менее целостного образа, но и конвенций по поводу того, что данный курс должен включать в обязательном плане. Последнее, возможно, является одной из причин того, что сегодня, когда право на собственные образовательные стандарты получили более 50 ведущих университетов нашей страны (хотя реализовали его только 15), некоторые исключили философию из числа обязательных, сделав ее дисциплиной по выбору. И с этой тенденцией понижения статуса философии в вузе нельзя не считаться.

Цель данной статьи – не только провести анализ основных стратегий преподавания

философии в университете, но и обосновать необходимость использования практического подхода к решению задачи определения «матричной структуры» учебного курса и ключевых аспектов его содержания.

В качестве источников будут использованы соответствующие данной тематике научные публикации, кейс-стади представителей профессионального преподавательского сообщества, описывающих свой опыт преподавания, структуру и содержание лекционных курсов по философии.

«Культурное образование» или «варварство специализации»?

В поисках ответа на данный вопрос необходимо обратиться к некоторым истокам, в частности, к упомянутой оппозиции *«вечная философия – университетская философия»*, анализ которой в XX в. осуществляется в контексте дихотомии «культурное образование» (Х. Ортега-и-Гассет) или «варварство специализации» (А. Адлер), возвращающей нас к известной дискуссии о миссии университета: *воспитание* критически мыслящей и гуманистически ориентированной личности или *научение*, позволяющее решить проблему подготовки современного специалиста с определенным набором компетенций через получение специальных знаний и умений, необходимых для будущей профессии, с одной стороны, и обладающих навыками общения, позволяющими «вписаться» в соответствующее сообщество, с другой.

Противопоставление «культурного образования», которое имеет иные цели, чем прямая выгода, и утилитаризма можно найти уже в античности: с одной стороны, Сократ («вращивание души» в любви к добродетели) и Аристотель (воспитание способности критического суждения), а с другой – прагматика образовательного идеала софистов, ориентированного на жизненный успех в конкретной сфере (риторике). Сегодня оно выглядит как выбор между «полезным» знанием, являющимся частью, к примеру, технического мастерства или искусства управления, и «бесполезным», самоценность которого в формировании гуманистического мировоззрения. Однако на самом деле эти позиции не противоре-

чат друг другу, так как передача знаний о сущности окружающего мира имплицитно включает в себя и воспитательный компонент.

Ответ на вопрос: остается ли сегодня образование общественным благом, ориентированным на развитие личности и институтов гражданского общества, или оно с помощью новых образовательных технологий и стандартов обучения окончательно стало на путь превращения в новую отрасль экономики («знаний»), цель которой – предоставление образовательно-просветительских услуг, лежит в основе понимания миссии современного университета в целом и места в нем гуманитарных дисциплин. Если университет из места критического мышления и «духовного кормления» становится лишь местом получения «образовательных услуг», то есть активным участником академического рынка, то проблема университетского образования низводится до вопроса об источнике его финансирования и субъектах ответственности за развитие сферы высшего образования (государство или рыночный механизм спроса и предложения). Это становится особенно ясным в период экономических кризисов, когда вузы не могут рассчитывать на внутреннюю оптимизацию, а «невидимая рука» рынка нуждается во вполне видимой руке государства, например, в виде увеличения расходов на обучение одного студента в вузе. И если главным становится государственный заказ, то он непременно сопровождается рядом условий. Поэтому к выпускнику вуза в первую очередь предъявляются функциональные требования как к специалисту-профессионалу, и лишь потом – нефункциональные, соответствующие определенным общественным ожиданиям. Что же касается соответствия некоторому гуманистическому антропологическому идеалу, то такая задача не ставится по многим причинам, в том числе и из-за неясности его содержания. Выработка такого современного идеала – задача философии, которая у общества «в большом долгу». Вместо него в профессиональном сообществе активно обсуждаются многие другие вопросы, к примеру, проблема взаимосвязи доступности и качества образования и т. п.

Узкоспециализированная ориентация на профессиональную компетентность порождает

санкционированный государством жесткий контроль за программами и содержанием лекционных курсов, необходимый, по мнению управленцев от образования, для поддержания минимально приемлемого качественного уровня подготовки специалистов в условиях неслыханной массовизации высшего образования. Такой формальный контроль неизбежно ведет к соответствующим ответным действиям преподавателей, составляющих по требуемому шаблону свои программы, которых затем они часто не придерживаются в реальном учебном процессе. Как следствие, *университетская философия* в этих условиях предстает как некий набор знаний (хотя и особого рода), предназначенный, судя по предлагаемым формулировкам компетенций, «для общего развития».

Чтобы выйти из рассматриваемой оппозиции, необходимо предварительно дать ответ еще на один принципиальный вопрос: а какой выпускник нужен не только государству как социальному субъекту, но и другим экономическим и политическим институтам современного общества, формирующим (по-разному) социальный заказ к системе высшего образования, например, институтам гражданского общества или бизнесу. Последний, определяющий перспективы значительного числа выпускников на рынке труда, как известно, часто вынужден «дообучать» выпускников вузов, специализируя их в нужном направлении. Крупные частные компании, не желающие заводить для этого отдельные подразделения, используют практику целевых инвестиций в университет. При недостатке государственного финансирования университеты идут на такое сотрудничество, несмотря на опасность стать заложниками «академического капитализма», так как ориентация на обслуживание интересов бизнеса противоречит целевым установкам университета как социального института. Вместе с тем подготовка выпускников, которые найдут свое место на рынке труда (а это ныне считается одним из важных индикаторов качества обучения) – вклад университета в общественное благо, что ведет к необходимости установления баланса в социальном взаимодействии между эгоистическими устремлениями разных социальных субъектов, интересами государства и интересами общества в целом.

Вопрос о социальной востребованности выпускников в классическом университете с его собственными ценностями, ориентированными на сохранение культурной традиции и воспитание «совершенного человека» (В. Гумбольдт), не ставился. Поэтому университет лишь изредка оглядывался на государственный интерес и социальный запрос. Но сегодня ситуация совершенно иная: университет должен учитывать специфику и потребительскую ориентацию современного общества [Храпов 2009]. В высшей школе правит социальный заказ. Вместе с тем задача воспитания не исчезла совсем. Однако нельзя не видеть, что глобальное развитие новых информационных технологий трансформирует не только обучение, но и ведет к пересмотру привычных оценок [Крючкова, Меликов, Храпов 2018]. Так выбор в качестве безусловно приоритетной ценности воспитания личности с набором определенных качеств, реализуемого путем трансляции культурных образцов и норм, в случае противопоставления его профессионализму (например, будущего врача или инженера), объективно может выступать как «потрафление тому, что в условиях, когда мы и так уже ничего не знаем и не умеем делать, нам говорят, что это необязательно, надо быть вроде только хорошим человеком. Но ведь надо быть и знающим, компетентным специалистом» [Долженко 1995, 18]. Однако при выборе второй, сугубо профессиональной подготовки, позволяющей выпускнику быть востребованным на рынке труда, тоже есть опасности: готовя специалиста через прошлое к настоящему, можно сделать его неготовым к будущему, ведь конкретное знание быстро устаревает, также как и некоторые специальности, по которым сегодня идет обучение.

Хотя «знаниевый подход» сегодня и доминирует, это не значит, что это более легкий путь для обучающихся. Ведь помимо вышеописанной опасности он чреват возможностью разочарования даже для прагматично ориентированного студента, так как ориентирует на усвоение знаний, которые часто представлены весьма большим количеством учебного материала по специальности и которые невозможно усвоить чисто механическим путем. Поэтому студент часто вынужден искать ориентиры сам, а для этого требуется умение

выделять самое существенное, что предполагает, как минимум, понимание и оценку информации, свойственные критическому мышлению, которое помогает выработать, в частности, и изучение философии.

Но есть и более серьезные социальные издержки сложившегося состояния вещей в университетской подготовке: нельзя сбрасывать со счетов и разочарование в учебе молодых людей, ведь «обретение себя» – одна из надежд, с которой мотивированный студент приходит сегодня в университет [Щеглова, Корешкова, Паршина 2019, 267]. Безусловно, обретение своей идентичности происходит, в первую очередь, через самовоспитание и только затем – через живую коммуникацию с преподавателями и сокурсниками. Однако и изучение философии может быть весьма полезным в этом деле. Конечно, это предполагает, что учебный курс не будет представлен в виде набора быстро забывающихся знаний, необходимых лишь для сдачи экзамена по философии, а будет опираться на методологию, способствующую формированию аналитических и критических компетенций, помогать в деле выработки личностных смыслов. Но может ли современная университетская философия в том виде, в каком она сегодня преподается, выполнить эту функцию?

Какой сегодня должна быть университетская философия?

Вечная философия обычно позиционирует себя как пространство «критического мышления», сопряженного с идеей мудрости, как некий способ воспитания «цельного, безупречного человека» (К. Ясперс). Соответствует ли собственным декларациям современная философия, увлеченная анализом философских текстов прошлого и созданием новых, в которых порой на «разные лады комбинируются кое-какие раньше найденные понятия, и таким образом как бы возводятся карточные домики; но ничего нового и настоящего мир через это не получает» [Шопенгауэр 2001, 116]. Как результат – отстранение от происходящего, потеря интереса к критическому анализу реалий социальной жизни, отказ от обсуждения насущных жизненных проблем современного человека.

Если классическая философия часто была критично настроенной по отношению к обществу, то нынешнюю справедливо обвиняют в том, что она утратила способность быть «клиницистом цивилизации» (М. Фуко), и даже перестала быть «местоблюстителем и интерпретатором» истины (Ю. Хабермас). Ее упрекают и в том, что она не выдвигает сколь-нибудь новых идей и занимает позицию стороннего наблюдателя. Все это одновременно вызывает недоверие и к *университетской философии*, законно подозреваемой по этой причине в неспособности помогать в деле адаптации молодых людей к нынешней социальной реальности, развитию у них определенных мировоззренческих и гражданских позиций. Ситуацию не меняет деятельность небольшой группы современных мыслителей, которые искренне тревожатся по поводу падения престижа философии, увязывая его с общим кризисом идеалов в эпоху техногенной потребительской цивилизации. Они по мере сил стараются критически откликаться на запросы общества, но их голоса практически не слышны в публичном пространстве.

Университетская философия сегодня существует в парадигме «знаниевого» подхода. Она преподается как совокупность выверенных положений, как *система* знаний о предмете философии, ее основных категориях и принципах, направлениях и творческих биографиях великих мыслителей, строивших в свое время различные и чаще всего некомплементарные «возможные миры» философии, сбивающие с толку своей многоликостью молодых людей, только приступающих к ее изучению. Так обычно бывает, когда курс философии полностью представлен как история философских идей от возникновения до сегодняшних дней. Такая ретроспективная *историко-философская стратегия* преподавания дисциплины на сегодня является самой распространенной. Ее несомненная ценность – в формировании философского кругозора и эрудиции у обучающихся. Конечно, философия нуждается в своей истории как в «вечном настоящем», однако внешняя ориентировка в ней не заменяет необходимости освоения современного типа философствования, соответствующего происходящим социально-технологическим трансформациям. Эта стратегия не

нацелена на развитие критического способа мышления, а также не предполагает практического использования полученных знаний.

В ряду причин, подталкивающих преподавателя к выбору данной стратегии, есть не только объективные (количество часов), но и субъективные. Так, к примеру, опасаясь, с одной стороны, обвинений в традиционализме (если курс полностью представлен философской классикой), и с другой – в инноватизме (если налицо излишнее увлечение новоявленными модными теориями), преподаватели часто используют универсалистскую установку с ее неизбежной «линеаризацией» историко-философского процесса, избегая тем самым упреков в субъективизме и даже «вкусовщине».

В итоге курс строится в духе обзорной интеллектуальной экскурсии, в ходе которой преподаватель бегло знакомит учащихся лишь с самыми известными философскими учениями, при этом неизбежно «предельно упрощая и схематизируя их содержание, отбрасывая многочисленные различные их истолкования в истории философской мысли, игнорируя реальный факт непонимания многих смыслов философских представлений и понятий» [Розин 2013, 58]. В результате вместо более или менее целостного представления о мире и человеке, различных практиках мышления молодые люди получают «квази-мировоззренческие суррогаты» или просто «отрывки из обрывков». В этом случае ожидать перехода от обыденного оценочного индивидуального мировоззрения, доминирующего сегодня в студенческой среде, к *пониманию* философских проблем и их значимости для становления личности не приходится.

Гораздо реже используется другая (весьма специфическая) стратегии построения курса философии, когда приоритетной выбирается одна проблема или школа, через призму которой рассматривается все остальное. Такая *«моноориентированная стратегия»* – не обязательно следствие понимания философии как возможности индивидуальной мировоззренческой практики или эклектической «отсебятины», выдаваемой за оригинальную философскую концепцию (хотя бывает и такое), здесь возможны разные причины, в том числе и профессиональные. Они

могут быть связаны с предметной областью, в которой ведет свою исследовательскую деятельность преподаватель, или же с недостатком педагогического опыта, также нельзя сбрасывать со счетов и идеологические предпочтения. Однако чаще всего для выбора данной стратегии бывают «внешние» обстоятельства, связанные с профилем вуза и установкой на адаптацию философского знания к предметной сфере или специфике будущей деятельности его выпускников.

Наиболее продуктивной стратегией, способной принести настоящую пользу будущим специалистам и способствовать появлению у них стремления к анализу социальных явлений не только на основе личного жизненного опыта, сегодня является **проблемно-ориентированная стратегия**, которая изначально предполагает *обсуждение* философских проблем, то есть переход в пространство дискуссий. Она делает акцент не на запоминание, а на активно-деятельностное освоение и применение знаний в контексте современных идей. Использование этой стратегии «позволяет не только что-то узнать, но и овладеть компетенциями критического мышления, представить себе философию как важный источник познавательных средств, играющий огромную роль в анализе феноменов кризисной современности, которые о себе заявляют не как «факты», требующие знания и узнавания, а как «проблемы», требующие понимания и анализа» [Карелин, Кузнецова, Грифцова 2017, 65].

Однако и в случае с проблемно-ориентированной стратегией возникает целый ряд трудностей различного порядка. Очевидно, что нужно сегодня преподавать современный тип философии. Современная же философия в условиях трансформации социального и информационного пространства и способов познания носит принципиально плюралистический характер. Плюрализм считается нормой для философствования, однако в учебном процессе такая установка «не достигает того, что должно быть достигнуто и что является *изучением науки*» [Гегель 1970, 421], а именно, сколь-нибудь целостного представления о предмете. При этом возникает сугубо практический вопрос: как вузовскому преподавателю в условиях существования различных решений «вечных проблем» реализовать плю-

ралистическую установку в учебном процессе? Этот вопрос неизбежен в условиях небольшого количества часов, выделяемых на философию, а значит, предполагает необходимость селекции наиболее значимых (с точки зрения преподавателя) парадигм философствования, имен, времен и текстов. И соответственно, возникает проблема критериев выбора материала для изучения, т.к. «видение» наиболее важного у разных преподавателей весьма отличается. Так, например, известный отечественный философ Ф.И. Гиренок считает, что из мировой философии достаточно выбрать 6–7 мыслителей, чьи работы надо читать и разбирать на семинарах. Его выбор таков: Лао-цзы, Платон («Законы», «Государство», «Пир», «Федр» и «Парменид»), Декарт («тексты, в которых анализируются две модели: «человек – единое существо» и «человек – пловец в лодке») [Гиренок 2021, 239], Кант («Критика практического разума»), Гуссерль («Трансцендентальная философия и европейское человечество»), Фуко («История безумия в классическую эпоху»), и Флоренский («Философия культа») [Гиренок 2021, 239].

Другой известный философ В.М. Розин, исходя из установок на контекстуальность и рефлексивность, так описывает содержание своего курса лекций: «Выбираются четыре базисных философских произведения: “Пир” Платона, “О душе” Аристотеля, “Исповедь” Св. Августина, “Вопрос о технике” М. Хайдеггера. Каждое произведение прочитывается дома студентами. На лекции эти произведения “проблематизируются”» [Розин 2013, 62]. Затем на семинарах преподаватель обсуждает со студентами трудные и непонятные места, проводит культурно-историческую реконструкцию данных произведений, выявляя методологию и мироощущение их авторов, решая задачу не только их понимания, но и преследуя более глобальную цель – войти в реальность философии. Делается это с ориентацией на современную ситуацию в философии. При этом В.М. Розин подчеркивает, что он игнорирует «стандарты по философии, как закрывающие возможность приобщиться к ней» [Розин 2013, 64], хотя понимает, что студентам придется сдавать экзамен. Сдадут ли они его, если принимать будет не лектор или не только лектор, это вопрос.

Последнее обстоятельство и приведенные примеры весьма различающихся «видений» содержания курса философии, на наш взгляд, говорят о том, что отечественное профессиональное сообщество в долгу и перед *университетской философией*. Выход из данной ситуации многим видится на путях поиска «новой системности». Но пока он ведется, профессиональное преподавательское сообщество должно обратить внимание на необходимость достижения определенного консенсуса по практическому вопросу о том, что же должно сегодня обязательно входить в университетский курс философии. Нельзя не согласиться с мнением ряда коллег, утверждающих необходимость общей навигации: «Не столько разработка “стратегической идеологии” базового философского образования, сколько определение “матричной структуры”, ключевых аспектов его содержания, в разной мере значимых для каждой темы общеобразовательного курса» [Карелин, Кузнецова, Грифцова 2017, 66].

Однако эффективное решение частных вопросов в нашем случае все равно будет упираться в нерешенность общего, принципиального: означает ли отсутствие в современной философии всеобъемлющих систем отсутствие системности философского мышления как таковой? Нужна ли она, возможна ли, и если ответ положительный, то за счет чего или каким образом такая системность (хотя бы *университетской философии*) может быть достигнута? Ответ на этот ключевой, на наш взгляд, вопрос весьма важен.

Представляется, что построение необходимой систематики возможно, но не на пути создания связного изложения одного единственного и целостного историко-философского процесса или указания на наиболее надежный методологический ориентир, а исходя из установки внутридисциплинарной вариативности программ, созданных с помощью современной методической разработки наиболее важных философских аспектов: исторического, предметно-теоретического и практического. Хотя каждый из этих аспектов, взятый в отдельности, ограничен, он не должен смешиваться с другими, и вместе с тем в своей отдельности должен дополнять их, выступая тем

самым в качестве незаменимого средства для их понимания.

В поисках «новой универсальности», и с учетом ожиданий современных студентов от философии ключевым при построении программы курса, по крайней мере, сегодня может быть взят *практический подход*, ориентированный не на поиски философии за ее пределами, когда к ней причисляют любые мировоззренческие высказывания, а на выявление эвристических возможностей тех или иных философских стратегий и способов мышления, а также возможностей применения имеющихся интеллектуальных практик к анализу современных проблем. Представляется, что такая установка способна помочь пониманию того, какой может быть новая архитектура вузовского курса философии, одной из целей которого является приобретение обучающимся опыта выбора собственных познавательных позиций, умение различать научное и ненаучное мировоззрение, выделять феномены и закономерности, относящиеся к сфере их профессиональной деятельности, а также разностороннему анализу современной реальности, то есть всему тому, что обычно относят к критическому мышлению.

Критическое мышление, благодаря которому мы видим несоответствия и противоречия, формулируем и задаем вопросы, является «высшим уровнем мышления, после чисто мыслительных процессов (логические рассуждения, сравнение, анализ, синтез и т. д.), а также мышления, направленного на понимание (выдвижение гипотез, верификация знания)» [Цзынь Ли 2017, 162–163]. Как в западных, так и в восточных образовательных системах, оно считается идеалом и важнейшим результатом обучения, «развитым личным качеством, которое маркирует важнейшее достижение учащегося» [McBride 2002, 131]. Именно оно, постоянно удерживаемое в качестве главной цели, может сориентировать в выборе эффективных современных форм и способов преподавания философии в вузе, как дисциплины, стремящейся все подвергать суду разума в свободном поиске истины.

Решению этой задачи, несомненно, будет способствовать начавшийся в соответ-

ствии с поручением Президента РФ В.В. Путина процесс трансформации модели высшего образования по принципу «2+2+2». Необходимость нового подхода к высшему образованию вызвана, в первую очередь, потребностью соответствовать новым запросам рынка труда. В этих условиях высшая школа должна «дать возможность студентам после второго курса выбирать новое направление или программу обучения, включая смежные профессии» [Послание Президента Федеральному Собранию web]. Такое реформирование может сделать профессиональное образование в России более гибким и маневренным, так как позволяет реализовывать разные методические и нормативные подходы в различных сферах высшего образования [Рудской 2021, 73].

Новая логика устройства бакалавриата, в основу которой положена идея отложенного выбора и сознательного самоопределения студентов, позволит гораздо успешнее решать задачу по развитию критического мышления. Ведь в первые два года студенты будут получать более широкое и разноплановое образование, в котором философия не просто сохранит статус обязательной дисциплины среди «общеразвивающих» и «расширяющих кругозор», но и, переформатировавшись применительно к новым задачам, займет одно из центральных мест в профессиональной подготовке будущих специалистов. Этому будет способствовать и рост учебной мотивация студентов в условиях появления стимула в виде возможности получать дополнительные компетенции, а главное – менять траекторию обучения во время учебы и по окончании бакалавриата. Об этом свидетельствует опыт ряда российских вузов, например, Тюменского государственного университета, в котором несколько лет успешно осуществляется пилотный проект внедрения индивидуальных образовательных траекторий.

Это ставит на повестку дня задачу нового осмысления такого понятия как «широкое образование» и определения места в нем курса философии и его архитектоники применительно к преподаванию его в больших потоках, а значит и актуализирует задачу дальнейших теоретических и методологических разработок в этой сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гегель 1970 – Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1970.
- Гиренок 2021 – Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. М.: Проспект, 2021.
- Долженко 1995 – Долженко О.В. Очерки по философии образования. М.: Промо-Медиа, 1995.
- Карелин, Кузнецова, Грифцова 2017 – Карелин В.М., Кузнецова Н.И., Грифцова И.Н. «Философия» как учебный курс: смена концепта // Высшее образование в России, 2017. № 10 (216). С. 64–74.
- Крючкова, Меликов, Храпов 2018 – Крючкова С.Е., Меликов И.М., Храпов С.А. Глобализация высшего образования: социокультурный аспект // Logos et Praxis, 2018. Т. 17, № 1. С. 40–48. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2018.1.5>
- Послание Президента Федеральному Собранию web – Послание Президента Федеральному Собранию // Сайт Президента России. 2020, 15 янв. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582>
- Ридингс 2010 – Ридингс Б. Университет в руинах. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010.
- Розин 2013 – Розин В.М. Образование в условиях модернизации и неопределенности: Концепция. М.: ЛИБРОКОМ, 2013.
- Рожкова, Роцин 2021 – Рожкова К.В., Роцин С.Ю. Влияние некогнитивных характеристик на выбор траекторий в высшем образовании: взгляд экономистов // Вопросы образования, 2021. № 3. С. 138–167.
- Рудской 2021 – Рудской А.И., Боровков А.И., Романов П.И. Концепция ФГОС ВО четвертого поколения для инженерной области образования в контексте выполнения поручений Президента России // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 4. С. 73–85. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-4-73-85
- Храпов 2009 – Храпов С.А. Антропологический фактор становления потребительской направленности общественного сознания современной России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: Философия. Социология и социальные технологии. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. № 1. С. 52–57.
- Цзынь Ли 2017 – Цзынь Ли. Культурные основы обучения: Восток и Запад. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017.
- Шопенгауэр 2001 – Шопенгауэр А. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 4. Ч. 1. М.: ТЕРРА-Книжный клуб: Республика, 2001.
- Щеглова, Корешкова, Паршина 2019 – Щеглова И.А., Корешкова Ю.Н., Паршина О.А. Роль студенческой вовлеченности в развитии критического мышления // Вопросы образования. 2019. № 4. С. 264–289.

- Эпштейн 2019 – *Эпштейн М.Н.* Будущее гуманитарных наук: Техногуманизм, креаторика, эротология, электронная филология и другие науки XXI века. М.: РИПОЛ-классик: Панглосс, 2019.
- Ясперс 2006 – *Ясперс К.* Идея университета. Минск: БГУ, 2006.
- McBride et al., 2002 – *McBride R., Xiang P., Wittenburg D., Shen J.-H.* An Analysis of Preservice Teachers' Dispositions Toward Critical Thinking: A Cross-Cultural Perspective // *Asian-Pacific Journal of Teachers Education*. 2002. Vol. 30, no. 2. P. 131–140.

REFERENCES

- Hegel G.W.F., 1970. *Works of Different Years. In 2 Vols. Vol. I.* Moscow, Mysl Publ.
- Girenok F.I., 2021. *Clip Consciousness*. Moscow, Prospekt Publ.
- Dolzhenko O.V., 1995. *Essays on the Philosophy of Education*. Moscow, Promo-Media Publ.
- Karelin V.M., Kuznetsova N.I., Gritsova I.N., 2017. "Philosophy" As a Training Course: Changing the Concept. *Vyshee obrasovanie v Rossii*, no. 10(216), pp. 64-74.
- Kryuchkova S.E., Melikov I.M., Khrapov S.A., 2018. Globalization of Higher Education: Socia-Cultural Aspect. *Logos et Praxis*, vol. 17, no. 1, pp. 40-48. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2018.1.5>
- Message of the President to the Federal Assembly. *Website of the President of Russia. January 15, 2020*. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582>
- Readings B., 2010. *University in Ruins*. Moscow, Izd. dom GU-VShE.
- Rozin V.M., 2013. *Education Under Modernization and Uncertainty: A Concept*. Moscow, LIBROKOM Publ.
- Rozhkova K.V., Poshchin S.Yu., 2021. The Influence of Non-Cognitive Characteristics on the Choice of Trajectories in Higher Education: An Economists' View. *Voprosi obrazovaniya*, no. 3, pp. 138-167.
- Rudskoy A.I., Borovkov A.I., Romanov P.I., 2021. The Concept of the Fourth Generation of the Federal State Educational Standards of Higher Education for the Engineering Field of Education in the Context of Fulfilling the Instructions of the President of Russia. *Vyshee obrazovanie v Rossii*, vol. 30, no. 4, pp. 73-85. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-4-73-85
- Khrapov S.A., 2009. Anthropological Factor in the Formation of the Consumer Orientation of the Public Consciousness of Modern Russia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya i social'nye tekhnologii*, no. 1, pp. 52-57.
- Jin Li, 2017. *Cultural Foundations of Learning: East and West*. Moscow, HSE Publishing House.
- Schopenhauer A., 2001. *Collected Works. In 6 Vols. Vol. 4. Pt. 1*. Moscow, TERRA-Book Club Publ., Republic Publ.
- Shcheglova I.A., Koreshkova Yu.N., Parshina O.A., 2019. The Role of Student Engagement in the Development of Critical Thinking. *Voprosy obrazovaniya*, no. 4, pp. 264-289.
- Epstein M.N., 2019. *The Future of the Humanities Technohumanism, Creativity, Erotology, Electronic Philology and Other Sciences of the 21st Century*. Moscow, Gruppa kompaniy «RIPOL-Klassik», Pangloss Publ., 2019.
- Jaspers K., 2006. *The Idea of the University*. Minsk, BGU.
- McBride R., Xiang P., Wittenburg D., Shen J.-H., 2002. An Analysis of Preservice Teacher's Dispositions Towards Critical Thinking: A Cross-Cultural Perspective. *Asian-Pacific Journal of Teachers Education*, vol. 30, no. 2, pp. 131-140.

Information About the Authors

Svetlana E. Kryuchkova, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation, Prosp. Leningradsky, 49, 125165 Moscow, Russian Federation, svetlana.kryuchkova2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9213-8503>

Sergey A. Khrapov, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Philosophy, Astrakhan State University, Tatishcheva St, 20A, 414056 Astrakhan, Russian Federation, khrapov.s.a.aspu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1962-748X>

Информация об авторах

Светлана Евгеньевна Крючкова, доктор философских наук, профессор Департамента Гуманитарных наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, просп. Ленинградский, 49, 125165 г. Москва, Российская Федерация, svetlana.kryuchkova2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9213-8503>

Сергей Александрович Храпов, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Астраханский государственный университет, ул. Татищева, 20А, 414056 г. Астрахань, Российская Федерация, khrapov.s.a.aspu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1962-748X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.6>

UDC 316.362
LBC 60.561.53

Submitted: 22.02.2022
Accepted: 15.04.2022

**THE VALUE OF THE FIRST REGISTERED MARRIAGE AS A DETERMINANT
OF A SUCCESSFUL YOUNG FAMILY: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS ¹**

Tamara K. Rostovskaya

Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Olga N. Kalachikova

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russian Federation;
Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. Despite significant changes in the marital behavior of Russians associated with an increase in the age of marriage, refusal to marry in general, the spread of loyalty to various models of marital relations, the value of the family in a person's life, especially in the post-pandemic period, remains very significant. In this regard, the author's position is interesting, which is determined by the conviction that under the conditions of the lockdown and subsequent anti-pandemic measures, the issues of preserving the institution of a multigenerational Russian family have become more acute. Attention is also drawn to the value of the first registered marriage in the life of Russian youth, which is very significant due to the growing role of traditional family values responsible for the preservation of the genetic and cultural identity of society. The article presents the results of a qualitative study conducted in 2021 as part of the second stage of the All-Russian sociological survey "Demographic well-being of the regions of Russia". The aim of the study is to characterize the characteristics of the marital behavior of young spouses and to identify the meaning of family well-being for this category of the population. The sample consisted of 50 in-depth interviews with representatives of young families, equally represented by gender and regions participating in the study, who are officially married, without children. It was revealed that the strategy of cohabitation only after the registration of marriage is due to education, including religion. Those who practiced "trial marriage" differ primarily in duration. As a rule, a short cohabitation before the registration of a relationship is associated with internal disapproval of cohabitation, orientation towards a family lifestyle. Long-term premarital relationships are often linked to living with parents; marriage was concluded after separation from the parental family. Satisfaction with marriage is associated with the improvement of life in terms of a variety of leisure activities, the emergence of a sense of responsibility and maturity, and a sense of support from the spouse. Of great importance in the formation of marriage, family and reproductive attitudes are family relationships and a positive pattern of relations between parents, as well as close relatives (grandparents). In relation to the definition of the concept of well-being, there is a noticeable differentiation of opinions into three groups: the first – exclusively linking well-being with material support, the second – with material categories (respect, mutual assistance, mutual understanding, love, family happiness, the moral character of parents, the presence and upbringing of children) and the third that combines these meanings. The semantic analysis of the texts of transcripts of in-depth interviews made it possible to identify the criteria and signs of the well-being of a modern Russian young family.

Key words: marriage, first registered marriage, value of the first registered marriage, family, young family, young prosperous family.

Citation. Rostovskaya T.K., Kalachikova O.N. The Value of the First Registered Marriage as a Determinant of a Successful Young Family: A Sociological Analysis. *Logos et Praxis*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 54-65. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.6>

УДК 316.362
ББК 60.561.53

Дата поступления статьи: 22.02.2022
Дата принятия статьи: 15.04.2022

ЦЕННОСТЬ ПЕРВОГО ЗАРЕГИСТРИРОВАННОГО БРАКА КАК ДЕТЕРМИНАНТА БЛАГОПОЛУЧНОЙ МОЛОДОЙ СЕМЬИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹

Тамара Керимовна Ростовская

Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Российская Федерация

Ольга Николаевна Калачикова

Вологодский научный центр РАН, г. Вологда, Российская Федерация;
Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Несмотря на существенные изменения в брачном поведении россиян, связанные с увеличением возраста вступления в брак, отказа от вступления в брак вообще, распространения лояльности к различным моделям брачных отношений, ценность семьи в жизни человека, особенно в постпандемийный период, остается весьма значительной. В этой связи интересна авторская позиция, которая определяется убеждением в том, что в условиях локдауна, последующих противопандемийных мер острее встали вопросы сохранения института многопоколенной российской семьи. Также обращается внимание на ценность первого зарегистрированного брака в жизни российской молодежи, которая является весьма значительной за счет возрастания роли традиционных семейных ценностей, ответственных за сохранность генетической и культурной идентичности общества. В статье представлены результаты качественного исследования, проведенного в 2021 г., в рамках второго этапа Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие регионов России». Целью исследования является характеристика особенностей брачного поведения молодых супругов и выявление смысла благополучия семьи для данной категории населения. Выборку составили 50 глубинных интервью с представителями молодых семей, в равной представленности по полу и регионам-участникам исследования, состоящими в официальном браке, без детей. Выявлено, что стратегия совместного проживания только после регистрации брака обусловлена воспитанием, в том числе вероисповеданием. Практиковавшие «пробный брак» различаются в первую очередь по продолжительности. Как правило, короткое совместное проживание до регистрации отношений связано с внутренним неодобрением сожительства, ориентацией на семейный образ жизни. Длительные добрачные отношения часто увязаны с проживанием с родителями, брак заключался после отделения от родительской семьи. Удовлетворенность браком молодые супруги связывают с улучшением жизни в плане разнообразия досуга, появлением чувства ответственности и зрелости, ощущением поддержки со стороны супруга. Большое значение в формировании брачно-семейных и репродуктивных установок играют взаимоотношения в семье и положительный образец отношений родителей, а также ближайших родственников (бабушек / дедушек). По отношению к определению понятия благополучия заметна дифференциация мнений на три группы: первая – исключительно связывающих благополучие с материальным обеспечением, вторая – с нематериальными категориями (уважение, взаимопомощь, взаимопонимание, любовь, семейное счастье, моральный облик родителей, наличие и воспитание детей) и третья, объединяющая эти смыслы. Семантический анализ текстов стенограмм глубинных интервью позволил выделить критерии и признаки благополучия современной российской молодой семьи.

Ключевые слова: брак, первый зарегистрированный брак, ценность первого зарегистрированного брака, семья, молодая семья, молодая благополучная семья.

Цитирование. Ростовская Т. К., Калачикова О. Н. Ценность первого зарегистрированного брака как детерминанта благополучной молодой семьи: социологический анализ // *Logos et Praxis*. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 54–65. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.6>

Смыслом жизни настоящего мужчины
должна быть его семья.
Любимая, единственная и неповторимая
жена, любимые дети.
Все остальное вторично

Бернар Вербер

Рассматривая институты брака и семьи в контексте воспроизводства населения, необходимо обратить внимание на Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3, в котором отмечается, что «поскольку одно из предназначений семьи – рождение и воспитание детей, в основе законодательного подхода к вопросам демографического и социального характера в области семейных отношений в Российской Федерации лежит понимание брака как союза мужчины и женщины» [Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3... web]. Данное определение брака, как союза мужчины и женщины в виде поправки было включено в ст. 72 Конституции РФ [Конституция Российской Федерации... web].

Особый интерес к ценности первого зарегистрированного брака для россиян вызван, прежде всего, сложной демографической ситуацией. «Прекращение брака в связи с разводом или смертью одного из супругов в определенной мере компенсируется повторными браками. Более 35 % лиц в молодых возрастах состоят в незарегистрированном браке.

Особенно значителен уровень незарегистрированных браков для лиц в молодых возрастах. Так, выборочное наблюдение репродуктивных планов населения, проведенное Росстатом в 2017 г., показало, что доля состоящих в фактических брачных отношениях в возрасте до 25 лет составила 38,6 % для женщин и 46,7 % – для мужчин, в возрасте 25–29 лет – 20,0 и 22,3 % соответственно. Подобные показатели свидетельствуют о снижении значимости официальной регистрации брачных отношений. Наряду с этим наблюдается отказ от вступления в брак части населения бракоспособного возраста, увеличение возраста вступления в брак» [Ростовская 2021].

В последнее десятилетие соотношение браков и разводов ухудшается: в 2010 г. на 100 браков приходилось 52 развода, в 2020 г. – 73. Данная тенденция объясняется сохранением стабильной динамики показателей разводимости при сокращении числа вступающих в брак (рис. 1). Следует отметить, что снижение числа зарегистрированных браков в 2020 г. отчасти могло быть обусловлено ограничениями, связанными с мерами по ограничению распространения коронавирусной инфекции.

Существенно изменилась и возрастная модель брачности. В 1960–1990-х гг. прошлого века более половины невест и женихов вступали в брак в возрасте 18–24 лет, в 2000-х гг. ситуация изменилась – лидирующую позицию занимает возрастная группа 25–34 и в два раза – до тре-

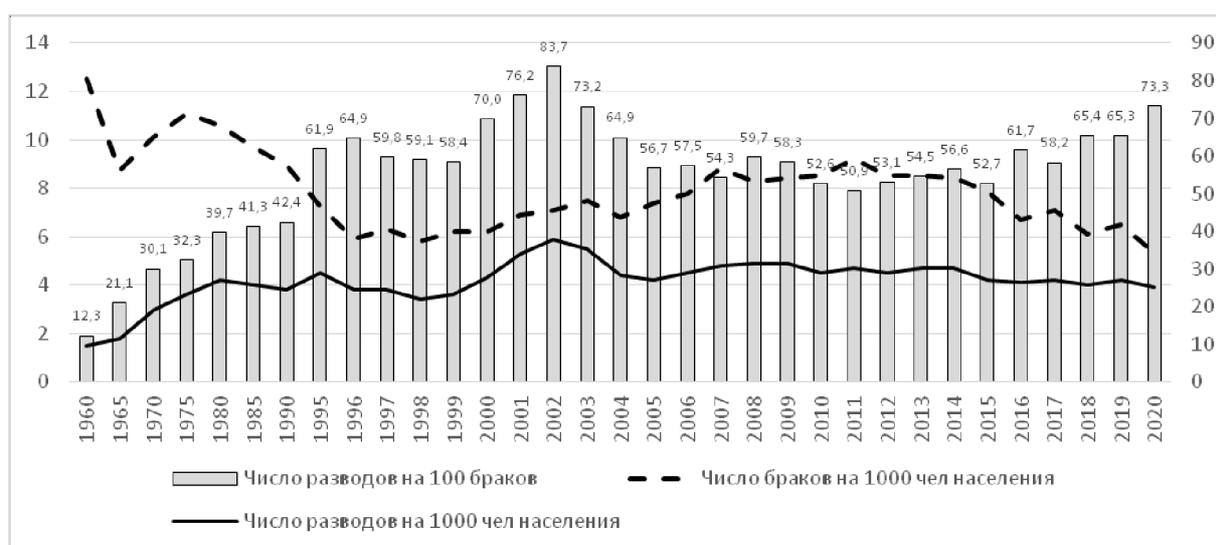

Рис. 1. Показатели брачности и разводимости в Российской Федерации

Примечание. Источник: [Демографический ежегодник России 2021].

ти всех браков – вырос удельный вес союзов, заключенных россиянами старше 35 лет (см. таблицу).

Разумеется, при оценке трендов брачности нужно учитывать, что в числе заключенных браков имеются повторные (хотя по данным обследований репродуктивных планов населения Росстата заметен рост возраста женихов и невест и в первом союзе), а также распространенность сожителств. По данным микропереписи населения России 2015 г. в так называемом «гражданском браке» живут 12,5 % партнеров, среди молодежи до 25 лет – 33 % [Микроперепись населения России 2015 ... web].

Это актуализирует исследования феномена студенческой семьи, поскольку период обучения и, соответственно, достижения социальной и материальной зрелости увеличился. По данным обследования «Студент 1995–2016: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала», реализуемого под руководством Ю.Р. Вишневого, к выпускному курсу число семейных студентов в 1990-е гг. достигало 40–45 %. В дальнейшем их доля начала сокращаться (до 11 % в 2016 г.). Что касается сожителств, в 2003 г. утвердилось соотношение между зарегистрированным и незарегистрированным браком – 1:2, а к заключительному этапу в 2016 г. оно увеличилось до 1:3 [Вишневский, Ячменева 2018].

Исследователи отмечают такие тенденции изменения в брачно-семейном поведении молодежи, как: распространение

«пробных браков», рост числа гражданских браков и пока еще не очень значительная, но укрепляющаяся установка на совместную жизнь без детей. Кроме того, у молодежи усилились стремления к личной свободе, индивидуальному самоутверждению и эгоцентричному получению удовольствия, следствием чего стало нежелание стеснять себя семейными обязательствами» [Вишневский, Ячменева 2018]; увеличение доли молодых семей, выстраивающих внутрисемейные взаимоотношения на основе «доверия и взаимопомощи» [Сидорова 2017]; устойчивую ориентацию на нуклеарную семью – снижение ценности родства, расширенной семьи [Ильиных 2012].

Данные изменения социологи связывают с тенденциями индивидуализации и рационализации современного общества: реальной экономической независимостью работающих членов семьи, ориентацией супружеской пары не на общинные цели, а на гедонистические установки [Бауман 2008, Гидденс 2004, Ильиных 2012], а так же неопределенности, что усиливает опасения за свое будущее и будущее своих детей и затрудняет принятие решений молодыми людьми о вступлении в брак [Вишневский, Ячменева 2018].

В России ученые-фамилисты, изучающие трансформацию института семьи, исходя из понимания семьи как единства отношений, основанных на брачности-супружестве-родительстве-родства, предлагают научно обоснованную политику в отношении молодой семьи, правовой статус которой был установлен в 2020 году.

Возрастная структура брачности, в % от всех заключенных браков, по возрасту жениха и невесты

Годы	По возрасту жениха, лет				По возрасту невесты, лет			
	до 18	18–24	25–34	35 и более	до 18	18–24	25–34	35 и более
1960	0,0	53,2	31,3	15,5	0,3	63,3	21,4	14,9
1970	0,2	61,4	24,9	13,6	1,5	70,7	15,3	12,5
1980	0,3	61,6	25,2	12,8	2,2	68,3	18,6	10,9
1985	0,4	55,3	29,3	14,9	2,5	61,4	23,4	12,7
1990	1,0	52,5	29,5	16,9	5,5	59,1	20,7	14,8
1995	0,7	51,7	28,3	19,3	5,9	58,4	19,1	16,5
2000	0,4	45,0	33,8	20,7	3,3	57,0	23,7	16,0
2005	0,2	37,9	40,4	21,4	2,0	53,1	29,5	15,4
2010	0,1	30,7	46,5	22,7	1,0	45,7	37,1	16,2
2015	0,1	21,3	52,2	26,4	0,7	34,5	44,2	20,5
2020	0,1	18,7	48,4	32,9	0,6	31,1	40,8	27,6

Примечание. Рассчитано по данным: [Демографический ежегодник России 2021].

Согласно ФЗ № 489-ФЗ «молодая семья – лица, состоящие в заключенном в установленном законодательством Российской Федерации порядке браке, в том числе воспитывающие ребенка (детей), либо лицо, являющееся единственным родителем (усыновителем) ребенка (детей), в возрасте до 35 лет включительно (за исключением случаев, предусмотренных ч. 3 ст. 6 настоящего Федерального закона). Следует подчеркнуть, что данное определение соответствует всем критериям модели благополучной молодой семьи, которая была разработана автором, Т.К. Ростовской, при подготовке Концепции государственной политики в отношении молодой семьи [Письмо Минобрнауки России от 08.05.2007 № АФ-163/06... web]. Утвержденная в 2007 г. модель благополучной молодой семьи является ключевым достижением представителей российской школы фамилизма (Т.К. Ростовская, А.И. Антонов, Г.И. Климантова, О.В. Кучмаева и др.), которые сумели отстоять пронаталистскую парадигму, направленную на укрепление института брака и семьи в Российской Федерации. Впервые в основу реализации государственной семейной политики был положен принцип создания условий для устойчивого семейного благополучия. Создание данной модели молодой семьи позволило сформировать идеальный образ молодой российской семьи, который включает в первую очередь, юридическую оформленность супружеских отношений и полноту семьи (семья должна состоять из родителей и детей) [Письмо Минобрнауки России от 08.05.2007 № АФ-163/06... web]. Предложенная модель благополучной семьи может быть основой для субъективных и социальных отношений, а также отражается на таких направлениях, как:

- юридическое оформление (регистрация);
- полная семья (родители и потомство);
- количество детей (данный факт обеспечивает увеличение численности населения в конкретном регионе);
- экономическое обеспечение (средний доход на душу населения);
- социальная активность (способность самостоятельно решать собственные проблемы с применением законодательных норм и мер государственной политики);
- социальная направленность (деятельность семьи совпадает с системой и ценнос-

тами общества, моральным нормам). В контексте реализации современной семейно-демографической политики особого внимания заслуживает устойчивость брачно-семейных отношений в молодежной среде.

В этой связи, актуальным является ценность первого зарегистрированного брака, которая с 2014 года активно пропагандируется на национальном уровне и является ключевым критерием отнесения к благополучной молодой семьи [Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р... web].

По данным социологических исследований, создание прочной, счастливой семьи, воспитание детей занимают прочные лидирующие позиции в структуре ценностных ориентаций молодых россиян и благополучие семьи и ее членов является главным составляющим успеха современной молодежи [Бекарев и др. 2017; Ростовская, Кучмаева 2016].

Благополучие – один из основополагающих и важных факторов социальной и демографической безопасности. Поэтому необходимо изучение понимания категории «благополучная семья», мотивации вступления в брак у современных молодых людей, а также их установок в процессе построения собственной семейной жизни.

Благополучная счастливая семья глазами молодежи (по данным глубинных интервью). Понимание категории «благополучная семья» у молодых семейных респондентов различается, они:

1) связывают это понятие исключительно с **материальным благополучием** (материальная обеспеченность):

– *Благополучие – это чисто материальная составляющая* (мужчина, 25 лет, женат, детей нет, 2 детей в родительской семье, в/о, Нижегородская область),

– *Благополучная семья не равно семья счастливая, потому что благополучие измеряется в большей степени в материальном эквиваленте* (женщина, 22 года, замужем, 1 ребенок, 2 детей в родительской семье, в/о, Ставропольский край);

2) характеризуют его исключительно с помощью **нематериальных категорий** (уважение, взаимопомощь, взаимопонимание, любовь, семейное счастье, моральный облик родителей, наличие и воспитание детей):

– Для меня благополучная семья – это когда в семье есть уважение, когда все равны друг перед другом, нет такого, что, например, или мужчина важнее, или женщина важнее, все равны друг перед другом как партнеры, у всех есть какие-то свои интересы, никто ни от кого прямо так сильно не зависит, но при этом все друг другу помогают, подставляют плечо, если друг что случилось. Ну, когда в семье есть любовь, нежность, независимо от того сколько лет вы уже вместе. Когда у вас дети воспитываются в хорошей семье, без ругани и всего такого (женщина, 21 год, замужем, детей нет, 3 детей в родительской семье (сводные брат и сестра), студентка вуза, Республика Башкортостан),

– Это счастливая семья, семья, которая при возникновении конфликтных ситуаций старается обсуждать все проблемы, решать их (женщина, 21 год, замужем, детей нет, 2 детей в родительской семье, студентка вуза, Ивановская область),

– Семья, в которой здоровые отношения, понимающие друг друга супруги, есть дети. Даже не важно сколько у тебя денег, сколько ты зарабатываешь. Надо любить друг друга (мужчина, 22 года, женат, детей нет (ждут ребенка), 2 детей в родительской семье, студент вуза, Ивановская область),

– Благополучная семья основана на здоровых отношениях между супругами. Что бы ни случилось, они сохраняют взаимное уважение. Если есть проблемы, они их решают спокойно, уважительно. Материальное – второстепенное. Можно выделить элемент благополучия – дети, поскольку если люди любят друг друга, они рано или поздно задумаются о детях (женщина, 22 года, замужем, детей нет, 4 детей в родительской семье, студентка вуза, Московская область);

3) наполняют понятие благополучной семьи смыслами **культурно-духовными и материальными**:

– Благополучная семья для меня – это уважение друг к другу, совместное времяпрепровождение, гармония, нет скандалов, участие в воспитании детей, материальная свобода, свобода переезда в другие страны, там, где есть возможность позволить себе больше, здоровое общество

вокруг себя (мужчина, 20 лет, женат, детей нет, 2 детей в родительской семье, студент вуза, Республика Башкортостан),

– В моем понимании благополучная семья – это семья, в которой супруги полностью доверяют друг другу, заботятся друг о друге, во всем помогают. Они имеют общие цели и совместными усилиями их добиваются. Материальная составляющая имеет немаловажное значение (мужчина, 23 года, женат, детей нет, единственный ребенок в родительской семье, в/о, Вологодская область),

– Благополучная семья, в моем понимании, – это даже не зависит от денег, а от того, что люди между собой контактируют, благоприятная обстановка, отношения хорошие в семье. Ну, и, в принципе, в денежном плане – и мама, и папа хорошо зарабатывают (женщина, 24 года, замужем, детей нет, 2 детей в родительской семье, в/о, Свердловская область),

– Благополучная семья, в моем понимании, – это граждане, которые сохраняют законы государства, благонадежные, не нарушают правопорядок, при этом имеют образование, стабильный заработок, стабильный доход... они могут обеспечить себя и своего ребенка... Это возможность себя обеспечить, себя и свою семью, быть не нарушающими закон гражданами и придерживаться каких-то моральных этических норм, поддерживающихся обществом (мужчина, 23 года, женат, детей нет, 2 детей в родительской семье (сводный брат), студент вуза, Свердловская область),

– Благополучная семья – это семья с детьми, которая заботится о них, может дать им образование, все для становления их в жизни, в которой есть любовь между супругами... Элементы благополучной семьи – любовь, дети, жилье (мужчина, 22 года, женат, детей нет, 2 детей в родительской семье, в/о, Московская область),

– ...благополучная семья – это, наверное, где все аспекты в здоровом смысле нормальные. И в материальном плане, и отношения внутри, и все рады, и все счастливы (женщина, 24 года, замужем, детей нет, 2 детей в родительской семье, в/о, Свердловская область),

– *Благополучная семья – это та семья, у которой есть все... ну, есть какой-то фиксированный доход, своевременно они проходят осмотры медицинские, занимаются спортом, ведут активный образ жизни, имеют каких-то общих друзей, знакомых, родственников, которые хорошо относятся к вашей семье, нет никаких конфликтов...* (женщина, 22 года, замужем, детей нет, 2 детей в родительской семье, студентка вуза + работает, Ставропольский край),

– *Ну, когда взаимопонимание в семье, достаток есть. Без вредных привычек. Не пьянствует когда семья, и так далее* (женщина, 21 год, замужем, детей нет, 2 детей в родительской семье (сводный брат), в/о, Республика Татарстан).

При этом одни представители третьей группы во главу благополучия семьи ставят материальную обеспеченность, тогда как другие, наоборот, считают первичными культурно-духовные аспекты.

Примечательно, что все респонденты с многодетными репродуктивными установками (желаемое число детей), в качестве обязательных критериев благополучной семьи называют детей.

Ответы на вопрос о том, являются ли понятия **благополучная и счастливая семья** синонимичными, разделились, респонденты:

1) называют эти понятия синонимами:

– *Конечно, безусловно. Для меня эти понятия равнозначны, потому что благополучная семья, это семья, в которой все счастливы. Я считаю это так* (женщина, 24 года, замужем, детей нет, 2 детей в родительской семье, в/о, Волгоградская область),

– *Да, есть сходство в понятиях благополучной и счастливой семьи. Потому что благополучная семья – это счастливая семья* (женщина, 21 год, замужем, детей нет, 2 детей в родительской семье, студентка вуза, Ивановская область);

2) считают, что понятия различны и объясняют это тем, что благополучная семья не всегда может быть счастлива и, наоборот, счастливая семья не всегда благополучна, особенно материально:

– *Благополучная семья, как считается в обществе, не всегда бывает счастливой семьей»* (мужчина, 20 лет, женат, детей нет, 2 де-

тей в родительской семье, студент вуза, Республика Башкортостан),

– *Если материально благополучная и счастливая – то нет. У людей может быть много машин, дом, но у них может не быть счастья. Некоторых даже портят деньги, некоторые по характеру не подходят. Хотя, казалось бы, некоторые на них смотрят и рассуждают, вот бы у нас было так, мы бы жили замечательно. Но это так кажется. Кто-то в однушке 30 кв. м. сидят и, все у них замечательно – хорошая семья, любящая друг друга. Поэтому я не считаю, что это синонимы* (мужчина, 22 года, женат, детей нет (ждут ребенка), 2 детей в родительской семье, студент вуза, Ивановская область),

– *Благополучная и счастливая семья – это не синонимы. Благополучная семья предполагает наличие определенных критериев благополучия, в том числе материальных. Но при наличии всех этих критериев, семья может быть несчастливой. Счастливая семья основана на субъективном ощущении счастья, на любви* (женщина, 22 года, замужем, детей нет, 4 детей в родительской семье, студентка вуза, Московская область),

– *Наверное, эти понятия отличаются, если разные слова, но мне кажется, благополучная семья не может быть несчастливой. Потому что счастье – это же благо. Но счастливая семья может быть и когда у них все грустно. В материальном плане там или еще каком-то социальном, и так далее... в какой-то сфере у них может все грустно, но они счастливы. Ну вот семьи алкоголиков могут быть счастливы. Им может немного надо для счастья* (женщина, 26 лет, замужем, детей нет, единственный ребенок в родительской семье, в/о, Нижегородская область),

– *Благополучие – это чисто материальная составляющая. Счастье – это понятие моральное. Соответственно, можно быть необеспеченным, но счастливым, а можно быть очень богатым, но несчастным. Так же это применимо и к семье* (мужчина, 25 лет, женат, детей нет, 2 детей в родительской семье, в/о, Нижегородская область),

– На мой взгляд, благополучная семья не равно семья счастливая, потому что благополучие измеряется в большей степени в материальном эквиваленте, а счастливая семья, это скорее признак не материального, а морального счастья, моральный аспект больше задействован (женщина, 22 года, замужем, 1 ребенок, 2 детей в родительской семье, в/о, Ставропольский край).

Основную суть различий «благополучия» и «счастья» семьи удачно описал информант из Нижнего Новгорода: *Понятия близкие, но, скажем так, не тождественные. Потому что счастливая семья может быть и благополучной, и неблагополучной. А вот неблагополучная, скорее всего, счастливой не будет. То есть благополучная – это понятие, термин скорее с материальным окрасом, а счастливая – это скорее с эмоциональным. В моем понимании, благополучная семья – та, которая имеет определенные финансовые и материальные возможности, возможности для определенного комфортного уровня проживания, поддержания, условно, продуктовой корзины, возможности приобретения товаров и услуг базовых. Здесь речь не идет о каких-то запредельных и прочее. Речь идет именно о базовом уровне, который позволяет более-менее комфортно жить и развиваться всем членам семьи. Потому что, к сожалению, семья может и счастливая в эмоциональном плане, но когда родители, у них еще восемь детей и трем из них нечего надеть, а еще двум нет возможности оплатить какие-то... не знаю, условно, учебу, образование, дополнительное образование, занятия спортом и так далее – в моем понимании, такую семью, к сожалению, сложно назвать благополучной, хотя в целом внутри семьи у них может быть идиллия. Они могут жить за городом в деревенском доме, в 5 утра подниматься и дружно заниматься хозяйством, грядки... условно, может у них животные какие-то, скотоводство и так далее... но вряд ли это можно назвать в моем и в таком городском современной понимании благополучной семьей. Вот так долго, но я думаю, что основную мысль Вы*

уловили (мужчина, 30 лет, 1 ребенок, Нижегородская область).

Благополучие наполнено такими смыслами, как:

- хорошее материальное положение, финансовый достаток;
- полноценность, наличие обоих родителей и детей;
- здоровье членов семьи, отсутствие серьезных недугов;
- соблюдение закона и норм поведения;
- отсутствие злоупотреблений, вредных привычек;
- возможность развиваться, узнавать новое;
- теплые отношения, без скандалов и конфликтов;
- любовь, доверие, поддержка, забота;
- забота о детях, вовлеченное родительство;
- взаимопонимание и уважение;
- единодушие супругов, общие взгляды, интересы.

Благополучие осознается и как элемент, составная часть счастья: *слово счастье оно широкий смысл имеет, благополучие более узкое, здесь все необходимое. Человеку нужно только все необходимое, остальное, помимо необходимого, это уже показуха, нам достаточно необходимого, остальное излишество будет. Излишним мы можем поделиться с людьми, которые в этом нуждаются* (мужчина, 26 лет, 1 ребенок, Свердловская область).

Однако встретились и такие суждения, говорящие о наличии альтруизма и готовности к возможным трудностям, но, как правило, у информантов с детьми:

– *Благополучная семья, это где взаимопонимание и любовь родителей. А если есть любовь родителей, между родителями, то есть и любовь к ребенку. И то, что даже для меня благополучная семья, когда один родитель, но если родитель занимается ребенком, живет для ребенка. Это благополучная семья, а не в первую очередь ставить свои интересы. Про себя не надо забывать, но и себя ставить, свое какое-то... опять же материальные ценности свои интересы сверх детей... Потому что, если ты сделал ребенка, ты уже живешь*

для него. Если ты не хочешь жить для ребенка, не делай его (мужчина, 31 год, 2 детей, Вологодская область).

– Во-первых, должно быть... взаимопонимание, любовь, уважение, забота друг о друге и поддержка, это первое, самое главное. Второе это понимание о том, что это нужно это все беречь, ценить, нужно трудиться, чтобы сохранить это, не так просто, это конечно. Благополучная семья – это когда она полная, целая, счастливая, добрая, без болезней, без проблем, без них не бывает, конечно, но, чтобы они решались (мужчина, 27 лет, 1 ребенок, Свердловская область).

В женской риторике встречаются оговорки о неприоритетности материальных благ, отсылки к поговорке «с милым рай в шалаше»: Как минимум я считаю, что в семье должны быть теплые отношения. Не должно быть пьянок, гулянок, что сверх нормы. Конечно есть, но без драк, без скандалов. Не нужно зарабатывать миллионы, можно иметь и среднестатистическую зарплату, но, чтобы в семье была теплая атмосфера. Я считаю, что это благополучная семья (женщина, 28 лет, 2 детей, Ставропольский край).

Обобщая все высказывания, можно представить содержание понятия «благополучная счастливая семья» следующим образом.

Все смысловые единицы можно структурировать в четыре блока: демографические параметры, материальные возможности, социально-психологические параметры, ценности (рис. 2).

Благополучная счастливая семья с демографической точки зрения – это полная семья с детьми, поддерживающая функциональные связи с родителями и другими родственниками. В материальном плане – обеспеченная комфортным жильем, качественной медицинской помощью, регулярным оздоровлением, отдыхом и досугом всем членам семьи, способная обеспечить детям качественное образование и другие жизненные потребности. Благополучная и счастливая семья выстраивает здоровые психологические отношения, реализует вовлеченное родительство. Ключевые ценности благополучной семьи позволяют выстроить отношения и образ жизни, обеспечивающий комфорт, безопасность, условия для самовыражения всем ее членам.

Вместе с тем существующие тенденции разводимости (33 % разводов происходит в первые 5 лет брака), исследования причин разводов и проблем семейной жизни свидетельствуют о необходимости выстраивания работы по сбережению брачных союзов, в том числе и в кругу многопоколенной семьи. Особого внимания требует пропаганда института многопоколенной российской семьи, где нео-

Рис. 2. Содержание понятия «Благополучная счастливая семья»

ценима роль прародительства в решении проблем молодой семьи.

Пример родительской семьи, несомненно, является самым значимым источником формирования представлений молодежи о семье, но в тех случаях, когда родительская семья не благополучна (в самом широком понимании), молодые люди должны иметь доступ к альтернативным источникам информации. Ключевая задача – подготовка молодежи к успешной семейной жизни. По данным исследования А.А. Реан: «...специальный предмет по семейной тематике («Этика и психология семейной жизни», «Семьеведение» или др.) совершенно необходим. Да, как один из элементов системы (подготовки молодежи к семейной жизни. – Т. Р., О. К.), но элемент крайне важный. И связано это, среди прочего, и с тем обстоятельством, что современная семья не справляется с функцией подготовки молодежи к семейной жизни, т.е. не способна в необходимой мере осуществлять семейную социализацию... для 58 % молодежи их нынешняя, родительская семья не является ориентиром и образцом» [Реан 2017].

Убедительны результаты эксперимента, проведенного учеными-педагогами Ставропольского филиала ФГБОУ ВО «Московский государственный педагогический университет», оценивших готовность к браку студентов до и после реализации учебной программы «Я-семьянин» [Филимонова, Костинкова 2019]. Работа по подготовке молодежи к семейной жизни возможна и в рамках обычных изучаемых дисциплин гуманитарного цикла. Однако, считаем актуальным ввести в качестве обязательной дисциплины «Основы демографии» для студентов 1 курса образовательных организаций высшего образования.

В целом не только для молодых семей (но для них особенно) важно наладить эффективную и грамотную работу психологических служб, ориентированных на решение трудностей во взаимодействии, внутрисемейной коммуникации, в том числе межпоколенной, детско-родительских и супружеских отношениях.

Представляется целесообразным учесть в работе органов ЗАГС при подаче заявления на развод длительность брака и направлять молодые семьи к специалисту-психологу для

консультации. В этой связи считаем необходимым расширить полномочия и функционал органов ЗАГС в части профилактической работы по вопросам, связанным с устойчивостью брачно-семейных отношений.

Таким образом, в результате проведенного исследования, можно сформулировать следующее определение благополучной молодой семьи: это семья, которая: осуществляет свою жизнедеятельность в первом зарегистрированном браке, ориентирована на рождение двух или более детей, имеет их, занимается их воспитанием и развитием на основе взаимодействия пространств семейного, общественного и государственного образования.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-18-00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России».

The article was financially supported by the Russian Science Foundation, project No. 20-18-00256 “Demographic Behavior of the Population in the Context of Russia’s National Security”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман 2008 – Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008.
- Бекарев и др. 2017 – Бекарев А.М., Бондаренко В.А., Бичарова М.М. и др. Российская молодежь: социально-демографический портрет и система ценностей в контексте многонациональной основы российского государства: коллектив. моногр. М.: Перспектива, 2017.
- Вишневский, Ячменева 2018 – Вишневский Ю.Р., Ячменева М.В. Отношение студенческой молодежи к семейным ценностям (на примере Свердловской области) // Образование и наука. 2018. № 5. С. 125–141.
- Гидденс 2004 – Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. М.; СПб.: Питер, 2004.
- Демографический ежегодник России: стат. сб., 2021. М.: Росстат.
- Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3... web – Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу поло-

- жений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003160037>
- Ильиных 2012 – Ильиных С.А. Семейные ценности молодежи: традиции и трансформации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 4 (20), вып. 1. С. 220–232.
- Конституция Российской Федерации. . . web – Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595>
- Микроперепись населения России 2015 web – Микроперепись населения России 2015 // https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html
- Письмо Минобрнауки России от 08.05.2007 № АФ-163/06. . . web – Письмо Минобрнауки России от 08.05.2007 № АФ-163/06 «О Концепции государственной политики в отношении молодой семьи» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98438/
- Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р. . . web – Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/
- Реан 2017 – Реан А.А. Семья в структуре ценностей молодежи // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14, № 1. С. 62–76.
- Ростовская и др. 2021 – Ростовская Т.К., Архангельский В.Н., Иванова А.Е., Кучмаева О.В., Семенова В.Г. Семья и демографические процессы в современной России: монография. М.: Экон-Информ, 2021. 257 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-907427-21-1.2021
- Ростовская, Кучмаева 2016 – Ростовская Т.К., Кучмаева О.В. Новые тенденции в формировании жизненных стратегий членов молодых семей в современном российском обществе (анализ всероссийского социологического исследования) // Вестник Академии права и управления. 2016. № 43 (2). С. 113–124.
- Сидорова 2017 – Сидорова Н.П. Брак, семья и дети в сознании молодежи: социологический анализ // Власть и управление на Востоке России. 2017. № 3 (80). С. 105–109.
- Филимонова, Костиникова 2019 – Филимонова Е.В., Костиникова Ю.Н. Семья и брак в системе ценностных ориентаций современной молодежи // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 1. С. 200–202.

REFERENCES

- Bauman Z., 2008. *Liquid Modernity*. Saint Petersburg, Piter Publ.
- Bekarev A.M., Bondarenko V.A., Bicharova M.M., 2017. *Russian Youth: Socio-Demographic Portrait and Value System in the Context of the Multinational Basis of the Russian State: A Collective Monograph*. Moscow, Perspektiva Publ.
- Vishnevskij Yu.R., Yachmeneva M.V., 2018. The Attitude of Students to Family Values (On the Example of the Sverdlovsk Region). *Obrazovanie i nauka*, no. 5, pp. 125–141.
- Giddens E., 2004. *The Transformation of Intimacy. Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies*. Moscow, Saint Petersburg, Piter Publ.
- The Demographic Yearbook of Russia. Statistical Handbook*, 2021. Moscow, Rosstat Publ.
- Opinion of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 16, 2020 No. 1–3 “On Compliance with the Provisions of Chapters 1, 2 and 9 of the Constitution of the Russian Federation of the Provisions of the Law of the Russian Federation on the Amendment That Have Not Entered into Force to the Constitution of the Russian Federation ‘On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Authority’, as Well as on the Compliance with the Constitution of the Russian Federation of the Procedure for the Entry into Force of Article 1 of This Law in Connection with the Request of the President of the Russian Federation”*. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003160037>
- Ильиных С.А., 2012. Family Values of Youth: Traditions and Transformations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, no. 4 (20), iss. 1, pp. 220–232.
- The Constitution of the Russian Federation (Adopted by Popular Vote on 12.12.1993 with Changes Approved During the Nationwide Vote on 07.01.2020)*. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595>
- Russian Population Microcensus 2015*. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html

Letter of the Ministry of Education and Science of Russia Dated 08.05.2007 No. AF-163/06 "On the Concept of State Policy Regarding Young Family". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98438/

Decree of the Government of the Russian Federation of November 29, 2014 No. 2403-r "On Approval of the Fundamentals of the State Youth Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/

Rean A.A., 2017. Family in the Structure of Youth Values. *Rossijskij psihologicheskij zhurnal*, vol. 14, no. 1, pp. 62-76.

Rostovskaya T.K., Arhangel'skij V.N., Ivanova A.E., Kuchmaeva O.V., Semenova V.G., 2021. *Family and Demographic Processes in Modern*

Russia: Monograph. Moscow, Ekon-Inform Publ. DOI: 10.19181/monogr.978-5-907427-21-1.2021

Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V., 2016. New Trends in the Formation of Life Strategies for Members of Young Families in Modern Russian Society (Analysis of an All-Russian Sociological Study). *Vestnik Akademii prava i upravleniya*, no. 43 (2), pp. 113-124.

Sidorova N.P., 2017. Marriage, Family and Children in the Minds of Young People: A Sociological Analysis. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*, no. 3 (80), pp. 105-109.

Filimonova E.V., Kostinekova Yu.N., 2019. Family and Marriage in the System of Value Orientations of Modern Youth. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry*, no. 1, pp. 200-202.

Information About the Authors

Tamara K. Rostovskaya, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Deputy Director for Science, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Fotieva St, 6, 119333 Moscow, Russian Federation, rostovskaya.tamara@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1629-7780>

Olga N. Kalachikova, Candidate of Sciences (Economics), Deputy Director for Scientific Work, Head of Department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Gorky St, 56a, 160014 Vologda, Russian Federation; Leading Researcher, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Fotieva St, 6, 119333 Moscow, Russian Federation, onk82@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4681-4344>

Информация об авторах

Тамара Керимовна Ростовская, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, ул. Фотиевой, 6, 119333 г. Москва, Российская Федерация, rostovskaya.tamara@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1629-7780>

Ольга Николаевна Калачикова, кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом исследования уровня и образа жизни населения, Вологодский научный центр РАН, ул. Горького, 56а, 119333 г. Вологда, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, ул. Фотиевой, 6, 160014 г. Москва, Российская Федерация, onk82@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4681-4344>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.7>

UDC 316.4.051.3
LBC 60.561.5

Submitted: 21.02.2022
Accepted: 15.04.2022

**“LEFT BEHIND CHILDREN” AS SUBJECTS OF PARENTAL LABOR IN CHINA:
THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS
OF SOCIOLOGICAL STUDY¹**

Anna P. Bagirova

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation

Doudou Yan

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the study of a unique phenomenon of Chinese socio-economic reality – the phenomenon of “left behind children”. It proposes a specific approach to the study of such children, which consists in considering them in adulthood as subjects of parental labor already implemented by them. The purpose of our study is to develop the theoretical and methodological foundations of the sociological study of “left behind children” as subjects of parental labor in China. The study is planned to identify the specifics of the organization of work of Chinese subjects of parental labor, who are “left behind children”, to conduct a comparative analysis of the motivation of parental work in various subjects of this type of labor in China, to assess the satisfaction with parental work of its subjects, who themselves were “left behind children”. The following methodological principles of their study are proposed: application of an interdisciplinary approach; the use of a differentiated study of the characteristics of various subjects of parental labor, who are “left behind children”; consideration of regional differences; a combination of various methods of collecting information and a set of statistical methods for analysis; labor approach to the study of this phenomenon and based on the results obtained in the study of parental labor. The article presents a set of empirical indicators for the sociological study of the phenomenon of parental labor, the subjects of which are the Chinese “left behind children”. We divide the system of empirical indicators into three levels: 1) research objectives are the three contents of the research plan; 2) blocks of empirical indicators include: conditions for the implementation of parental labor, the time it takes to implement parental labor; internal needs, external incentives; the expectations of the subjects of parental labor, the perceived quality of parental labor, satisfaction with the relationship between parents and children, confrontation between parents and children; 3) multiple empirical indicators under the block of empirical indicators.

Key words: left behind children, subject of parental labor, methodological principles, system of empirical indicators, China.

Citation. Bagirova A.P., Yan D. “Left Behind Children” as Subjects of Parental Labor in China: Theoretical and Methodological Foundations of Sociological Study. *Logos et Praxis*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 66-77. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.7>

УДК 316.4.051.3
ББК 60.561.5

Дата поступления статьи: 21.02.2022
Дата принятия статьи: 15.04.2022

**«ОСТАВЛЕННЫЕ ДЕТИ» КАК СУБЪЕКТЫ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА В КИТАЕ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ¹**

Анна Петровна Багирова

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

Доудоу Янь

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию уникального явления китайской социально-экономической действительности – феномена «оставленных детей». В ней предлагается специфический подход к изучению таких детей, заключающийся в рассмотрении их во взрослом возрасте в качестве субъектов реализуемого уже ими родительского труда. Цель нашего исследования состоит в разработке теоретико-методических основ социологического изучения «оставленных детей» как субъектов родительского труда в Китае. В исследовании планируется выявить специфику организации труда китайских субъектов родительского труда, являющихся «оставленными детьми», провести сравнительный анализ мотивации родительского труда у различных субъектов этого вида труда в Китае, оценить удовлетворенность родительским трудом его субъектов, самих являвшихся «оставленными детьми». Предложены следующие методологические принципы их изучения: применение междисциплинарного подхода; применение дифференцированного изучения характеристики различных субъектов родительского труда, являющихся «оставленными детьми»; учет региональных различий; сочетание различных методов сбора информации и комплекса статистических методов для анализа; трудовой подход к изучению этого феномена и базирование на результатах, полученных при изучении родительского труда. Кроме того, социологическое изучение оставленных детей как субъектов родительского труда строится на целом ряде теорий: теории внутрисемейного разделения труда, теории человеческого капитала, теории мотивации и потребностей, теории социальной поддержки, межличностных отношений, удовлетворенности и организационного поведения. В статье также представлена совокупность эмпирических индикаторов для социологического изучения феномена родительского труда, субъектами которого выступают китайские «оставленные дети». Предложенные группы эмпирических индикаторов включают в себя изучение условий осуществления родительского труда; затрат времени, необходимых для его реализации; внутренних потребностей и внешних стимулов, предопределяющих мотивацию родительского труда у различных его субъектов; выявление ожиданий субъектов родительского труда, его воспринимаемого качества, степени удовлетворенности отношениями и уровня конфронтации, возникающими в процессе труда.

Ключевые слова: оставленные дети, субъект родительского труда, методологические принципы, система эмпирических индикаторов, Китай.

Цитирование. Багирова А. П., Янь Д. «Оставленные дети» как субъекты родительского труда в Китае: теоретико-методические основы социологического изучения // *Logos et Praxis*. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 66–77. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.7>

В истории XX в. в Китайской Народной Республике был период интенсивного перемещения населения между городскими и сельскими районами. Наложившись на ограничения системы регистрации домашних хозяйств, неблагоприятное экономическое положение на сельских территориях переезды рабочей силы не всегда сопровождалась миграцией семей. Многопоколенные китайские сельские семьи вынуждены были принимать решения о миграции только одного – среднего – поколения, младшее же оставлялось в селах на попечении старшего. Следствием этого стало появление и разрастание феномена «оставленных детей». Феномен «оставленных детей» в Китае – это результат изменения структуры населения и разрыва между городскими и сельскими районами, а также миграции рабочей силы из сельских районов, при которой сельские дети не могут мигрировать со своими ро-

дителями, что приводило к тому, что дети оставались под длительным присмотром бабушек и дедушек, родственников или друзей.

В Китае эта тема изучается в основном на национальном уровне, в мировой социологической науке ей отводится гораздо меньшее внимание. Информационной основой для нашего анализа распространенности этой тематики в научной литературе стали две платформы: 1) база международного научного цитирования Web of Science; 2) одна из крупнейших национальных научных платформ в мире, содержащая периодические данные – CNKI (China National Knowledge Infrastructure).

В таблице 1 представлена динамика числа публикаций по теме уникального для Китая феномена оставленных детей в базе международного научного цитирования Web of Science, полученная в ответ на поисковый запрос с темой «оставленные дети» в области

«Социология» с 2010 по 2020 г. Заметно, что за этот период наблюдались явные колебания в количестве исследований. В изменении темпов прироста было пять очевидных пиков: 2012, 2014, 2016, 2018 и 2020 гг., что свидетельствует о том, что в эти периоды этой теме уделялось больше внимания. В целом исследований, посвященных феномену оставленных детей в Китае, по-прежнему мало.

Несмотря на незначительность числа публикаций о феномене оставленных детей вне пределов Китая, в самом государстве это явление всегда привлекало внимание общества и исследователей. Чтобы облегчить эту социальную проблему, государство разработало ряд стратегий; в то же время исследователи также изучали это явление с самых разных точек зрения. Мы использовали ключевое слово «оставленных дети» для поиска соответствующих результатов исследований с 2010 по 2020 г. на CNKI [留守儿童... web] и проанализировали их. Результаты показали, что в китайской науке развитие тематики «оставленных детей» в Китае прошло несколько стадий: от изучения проблем села (именно в сельских китайских территориях в основном и фиксируется явление «оставленных детей») к проблемам развития самих детей, а также факторам, влияющим на развитие их потенциала [Янь, Багирова 2021]. В последние годы произошло расширение круга проблем, изучаемых в связи с «оставленными детьми», стало уделяться особое внимание проблемам развития их потенциала. В фокусе внимания китайских исследований появились такие темы, как психологический капитал «оставленных детей», оставленный опыт, сотрудничество семейных, школьных и сельских сообществ в развитии «оставленных детей».

В нашем исследовании предлагается новый подход к изучению феномена «оставлен-

ных детей», заключающийся в рассмотрении их во взрослом возрасте в качестве субъектов реализуемого ими родительского труда. При этом мы исходим из того, что «родительский труд необходимо рассматривать в качестве комплексного многостадийного процесса формирования характеристик человеческого капитала. Его специфика заключается в том, что он требует от субъекта родительского труда многозадачности в каждый момент времени на протяжении всего периода осуществления функций» [Ворошилова 2015, 40]. Исследование ставит своими задачами выявление специфики организации труда китайских субъектов родительского труда, являющихся «оставленными детьми»; проведение сравнительного анализа мотивации родительского труда у различных субъектов этого вида труда в Китае; оценку удовлетворенности родительским трудом его субъектов, самих являвшихся «оставленными детьми». Первым этапом такого исследования является разработка теоретико-методических основ.

Нами разработаны следующие методологические принципы изучения «оставленных детей» как субъектов родительского труда в Китае:

1. Применение междисциплинарного подхода. Феномен «оставленных детей» можно рассматривать под углом зрения различных социальных наук. Социология тут может изучать мотивацию, отношение к родительскому труду как родителей «оставленных детей», так и взрослых людей, имеющих опыт пребывания в статусе «оставленных детей» в прошлом. Экономика может исследовать организацию родительского труда в семьях «оставленных детей», анализировать затраты труда, вложенные субъектом родительского труда; демография может рассматривать этот

Таблица 1

Динамика числа социологических публикаций о феномене оставленных детей в Web of Science

Год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Число публикаций	0	4	7	2	9	5	19	7	13	5	13
Темп прироста (%)	0	–	75	–14	350	–44	280	–63	85	–62	160

Примечание. Источник: [Left Behind... web].

феномен во взаимосвязи с общим процессом воспроизводства населения, влияющих на этот процесс факторов и механизмов, направленных на его регулирование.

2. Дифференцированное изучение совокупности «оставленных детей». Совокупность «оставленных детей» не является однородной. «Оставленные дети» как субъекты родительского труда различаются по объективным и субъективным характеристикам – например, по полу, возрасту, отношению к родительскому и профессиональному труду и т. д. Все эти факторы могут влиять как на отношения между родителями и детьми, возникающие в процессе родительского труда, так и на удовлетворенность этими отношениями у участников родительско-детского взаимодействия.

3. Учет региональных различий в феномене «оставленных детей» как субъектов родительского труда в Китае. В разных регионах Китая существуют разные географические условия, культурные ресурсы, обычаи и другие факторы, которые могут повлиять на типы семей и модели внутрисемейных отношений, трудовые мотивы родителей и внимание родителей к своим детям. Разнообразие региональных культурных особенностей накладывает определенные ограничения при выборе групп, составляющих объект эмпирического исследования.

4. Сочетание различных методов сбора информации и комплекса статистических методов для анализа. Методами сбора эмпирических данных в исследовании «оставленных детей» как субъектов родительского труда в Китае могут выступать анкетный опрос, углубленное интервью, участвующее наблюдение; целесообразно использование смешанной исследовательской стратегии, предполагающей комбинирование количественной и качественной методологии.

5. Трудовой подход к изучению феномена «оставленных детей»; целесообразность, обоснованность и перспективность опоры на научные результаты, полученные при изучении родительского труда. Научный подход к исследованию родительства как трудовой деятельности достаточно широко распространен в зарубежной социологической литературе (см., например: [Bianchi, Milkie

2010; Blair, Lichter 1991; Erickson 2005; Shelton, John 1996]). Одна из первых фундаментальных работ – исследование А. Оаклей [Oakley 1974], в котором отмечены принципиальные характеристики домашней работы – однообразие и рутинность трудовых функций; определенная автономность субъекта труда и низкий уровень социального взаимодействия при выполнении трудовых функций; большая продолжительность рабочей недели; низкая удовлетворенность домашним трудом и обратное влияние на этот уровень опыта профессионального труда; высокая ответственность субъекта труда.

А.Р. Хочшилд в конце XX в. отмечала, что для многих современных родителей работа становится все более похожей на дом, а дом – все более похожим на работу [Hochschild 1997]. Американский социолог считала это своеобразной «ловушкой времени», когда наблюдается феномен, при котором с увеличением рабочего времени у человека усиливается чувство тревожности относительно дома и растет его стремление посвящать работе все больше и больше времени. Ее исследование показало, что интерес к мерам семейной политики в Америке, позволяющей родителям работать меньше и выбирать более гибкий график работы, остается в недостаточной мере востребованным. Вывод исследователя однозначен: для работников, имеющих детей, их работа, в отличие от дома, является сферой, которая комфортна, более контролируема, которая связана с материальным и нематериальным вознаграждением; дом же ассоциируется с рутинным трудом, с низкостатусной и недооцениваемой в современной культуре работой.

С начала 2000-х гг. тема родительского труда стала активно изучаться российскими учеными (см., например: [Великая 2013; Ворошилова 2015; Дятель, Багирова 2016; Ильвес 2019; Синица 2012; Черешова 2021; Шубат, Пшеничникова 2012; Шубенкова, Панина 2013; Шутова 2016; Янь, Багирова 2021]). К результатам этого изучения, которые принципиальны для их применения в исследовании феномена «оставленных детей», можно отнести следующие:

1) соответствие родительского труда всем характеристикам трудовой деятельности (целенаправленность, осознанность, вос-

требованность обществом, легитимность, энергозатратность);

2) социологическое рассмотрение родительского труда как субъект-субъектного взаимодействия, отличающегося от профессионального труда внутренним содержанием;

3) многообразии трудовых функций родительского труда, специфичных для каждой стадии этого вида труда;

4) многообразии субъектов родительского труда, которые могут осуществлять полный или ограниченный спектр функций родительского труда, на всех или же отдельных стадиях этого вида труда;

5) возможность классификации субъектов родительского труда по выполняемым трудовым функциям, вовлеченности в процесс трудовой деятельности и т. д.;

6) разработка методологических основ изучения мотивов и условий реализации родительского труда в качестве детерминанты рождаемости;

7) разработка методики социологического изучения содержания мотивов родительского труда;

8) разработка методики социологического исследования самоидентификации субъектов родительского труда.

Родительский труд людей, переживших в прошлом опыт пребывания в статусе «оставленных детей», может изучаться через те же характеристики, которые традиционно лежат в основе исследования родительского труда. Например, необходимо учитывать условия реализации этого вида труда, период его реализации, мотивацию и потребности субъектов труда, их отношение к этой деятельности, и т. д. В таблице 2 представлены имеющиеся результаты изучения этого вида труда в разрезе его аспектов и обозначены те результаты, на которых может базироваться исследование родительского труда субъектов, имевших в прошлом опыт пребывания в статусе «оставленных детей». Из таблицы видно, что при фокусировке на новой исследовательской теме, какой является феномен родительского труда, у категории населения, имеющей опыт пребывания в статусе «оставленных детей», потенциал использования имеют результаты, ранее полученные при изучении содержания, мотивации,

классификации видов труда, вопросов его стимулирования, отношения к этому виду труда, оценки его результатов.

Однако, безусловно, что спектр теорий, на которых базируется социологическое изучение «оставленных детей» как субъектов родительского труда в Китае, гораздо обширнее. В основе социологического изучения феномена «оставленных детей» в Китае на макроуровне могут лежать теории структурного функционализма, социального конфликта и теории социальной стратификации. Первая из них обеспечивает теоретическую поддержку горизонтальной и вертикальной системных структур китайской социальной системы, вторая – объясняет конфликт между государственной системой и потребностями людей, а также конфликт межличностных отношений в семьях «оставленных детей», третья – обеспечивает подход для анализа социального расчленения и изучения места в ней семей «оставленных детей». Еще один пласт социологических теорий – теории среднего уровня, куда относятся теория семейного разделения труда, теория человеческого капитала, теория мотивации и потребностей, теория социальной поддержки, межличностных отношений, удовлетворенности и организационного поведения. Каждая из них вносит свой вклад в разработку методологии социологического изучения «оставленных детей» как субъектов родительского труда (см. табл. 3).

В таблице 4 приведена совокупность эмпирических индикаторов, разработанная для этого исследования. Элементы представляют различные характеристики субъектов родительского труда, которые были раньше «оставленными детьми» и не были таковыми. Предложенная система эмпирических индикаторов направлена на получение социологического представления о трех следующих аспектах феномена «оставленных детей»:

1) изучение мотивации родительского труда у различных субъектов этого вида труда в Китае. Мотивы, влияющие на субъектов родительского труда, опираются на внутренние потребности и внешние стимулы. Появляется возможность сравнительного анализа трудовых мотивов субъектов родительского труда, которые были раньше «оставленными детьми» и не были таковыми;

2) исследование специфики организации труда китайских субъектов родительского труда, являющихся «оставленными детьми» (внутрисемейное разделение труда у субъектов родительского труда, которые раньше были «оставленными детьми»). Мы попытаемся проанализировать разделение труда и выявить факторы, влияющие на него с двух сторон: условия осуществления родительско-

го труда и время, которое требуется для реализации родительского труда;

3) оценка удовлетворенности родительским трудом у его субъектов, являющихся «оставленными детьми». Мы считаем, что факторы, влияющие на общую удовлетворенность родительским трудом, включают четыре аспекта: ожидания субъектов родительского труда, воспринимаемое качество роди-

Таблица 2

Обзор эмпирических исследований, выступающих в качестве теоретического задела для изучения родительского труда оставленных детей

Потенциальный вклад полученных результатов в исследования родительского труда оставленных детей							Методы исследования	Примеры работ
Исследовательский фокус	Рассмотренные параметры родительского труда							
	Содержание	Мотивация	Тип	Стимулирование	Отношение к труду	Результаты труда		
1. Детерминанты родительского поведения					+		Тестирование	[Simons, Beaman, Conger 1993]
2. Совмещение профессионального и родительского труда					+		Анкетирование	[Бледнова, Багирова 2021]
3. Родительский труд в малых городах	+					+	Анкетирование	[Шубат, Пшеничникова 2012]
4. Родительский труд в малых городах	+					+	Анкетирование	[Пшеничникова 2012]
5. Забота о детях как вид трудовой деятельности	+						Статистический анализ данных	[Шубенкова, Панина 2013]
6. Стимулирование родительского труда на перинатальной и младенческой стадиях развития ребенка				+			Статистический анализ данных	[Шутова 2016]
7. Семейные конструкции и стратегии			+				Интервью	[Zartler 2014]
8. Взаимосвязь между мужественностью и отцовством среди мужчин		+					Интервью	[Dolan 2013]
9. Договорный родительский труд и его стимулирование	+			+			Статистический анализ данных	[Дятель, Багирова 2016]
10. Установки на реализацию родительского труда	+				+		Анкетирование	[Черешова 2021]
11. Социальная эффективность стимулирования родительского труда работников организации				+		+	Интервью	[Шутова 2020]
12. Прекаризации родительского труда по видам трудового процесса	+		+				Статистический анализ данных	[Ильвес 2019]
13. Мотивация в воспитании детей		+					Экспериментальный метод	[Li, Haws, Griskevicius 2019]
14. Мотивация родителей и удовлетворенность родительством		+					Интервью	[Ross-Plourde, Basque 2019]

Примечание. Составлено авторами.

тельского труда, удовлетворенность отношениями и степень конфронтации между родителями и детьми.

Заключение

В нашем исследовании предлагается социологический подход к изучению феномена «оставленных детей», заключающийся в

рассмотрении их во взрослом возрасте как субъектов реализуемого ими родительского труда. Предложенные для исследования методические принципы таковы: применение междисциплинарного подхода; применение дифференцированного изучения характеристики различных субъектов родительского труда, являющихся «оставленными детьми»; учет региональных различий; сочетание раз-

Таблица 3

Социологические теории для изучения субъектов родительского труда, переживших опыт «оставленных детей» в своем прошлом

Название теории	Содержание теории	Потенциальная задача исследования родительского труда оставленных детей
Теория разделения труда в семье	Дифференциация ответственности между мужчинами и женщинами: ответственность мужчин за внешние связи, ответственность женщин за внутрисемейные дела [Ventura 2009; Ван web]	Исследование режима разделения труда, складывающегося в процессе организации родительского труда у тех субъектов, которые раньше были оставленными детьми, и анализ характеристик труда при различных режимах разделения этого труда
Теория человеческого капитала	Влияние факторов, связанных с человеческим капиталом, на принятие решений о гендерном разделении труда в семьях, проживающих в сельской местности [Ли, Хуан 2001; Shui, Xu 2021]	Оценка направления и содержания влияния факторов, связанных с человеческим капиталом, на внутрисемейное разделение труда по гендерному признаку
Теория мотивации	Влияние внутренних и внешних факторов на мотивацию [Amabile 1993; Pinder 1998]	Выявление мотивации родительского труда у двух групп субъектов – имеющих и не имеющих опыт пребывания в статусе оставленных детей
Теория потребности	Разнообразие потребностей родителей, возникающих в процессе воспитания и развития детей [Deci, Ryan 2000; Anne 2005]	Анализ потребностей двух групп субъектов родительского труда – имеющих и не имеющих опыт пребывания в статусе оставленных детей
Теория социальной поддержки	Неотделимость социальной поддержки от отношений между источником и объектом поддержки [Wellman, Hiscott 2005; Meghan et al. 2015]	Анализ влияния источников поддержки на мотивацию субъектов родительского труда, которые были раньше оставленными детьми и не были таковыми
Теория межличностных отношений	Межличностные отношения как динамический процесс, углубляющий понимание процесса воспитания [William 2001; Estlein 2021]	Оценка межличностного поведения, складывающегося между субъектом и объектом родительского труда, имеющим опыт оставленных детей
Теория удовлетворенности	Применение модели удовлетворенности ASCI к области отношений между родителями и детьми на основе параметров ожидания пользователя, воспринимаемого качества, удовлетворенности родителей и детей взаимоотношениями и конфронтации между ними [Мэй, Янь, Тянь 2019]	Оценка удовлетворенности субъектов родительского труда, которые имеют опыт пребывания в роли оставленных детей
Теория организационного поведения	Понимание чувства поддержки сотрудников организации как трехмерной психологической структуры, включающей поддержку работы, идентичность сотрудников и заботу об их интересах [Лин, Ян, Фан 2006]	Исследование стимулирующего эффекта организационной поддержки для субъектов родительского труда, которые были раньше оставленными детьми

Примечание. Составлено авторами.

личных методов сбора информации и комплекса статистических методов для анализа; трудовой подход к изучению этого феномена и опора на результаты, полученные при изучении родительского труда. На основании нескольких социологических теорий и результатов эмпирических исследований в области родительского труда нами разработана система эмпирических индикаторов. Она включает индикаторы, направленные на исследование специфики организации труда китайских субъектов родительского труда, являющихся «оставленными детьми»; анализ мотивации родительского труда у различных субъектов этого вида труда в Китае; оценку удовлетворенности родительским трудом у его субъектов, являющихся «оставленными детьми».

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

The research funding from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Ural Federal University Program of Development within the Priority-2030 Program) is gratefully acknowledged.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бледнова, Багирова 2021 – Бледнова Н.Д., Багирова А.П. Совмещение профессионального и

Таблица 4

Система эмпирических индикаторов для социологического исследования «оставленных детей» как субъектов родительского труда

Задачи исследования	Группы эмпирических индикаторов	Эмпирические индикаторы
Исследование специфики организации труда китайских субъектов родительского труда, являющихся «оставленными детьми»	Условия осуществления родительского труда	– профессиональный статус субъектов труда; – количество детей; – модель семейного труда; – выполняемые функции родительского труда; – инвестиции в человеческий капитал субъектов родительского труда
	Время, которое требуется для реализации родительского труда	– время, проведенное на работе; – время, затраченное на работу по дому; – время, затраченное на уход за детьми; – время, затрачиваемое на личный уход; – свободное время
Анализ мотивации родительского труда у различных субъектов этого вида труда в Китае	Внутренние потребности	– выраженность потребности существования; – выраженность потребности связи; – выраженность потребности роста
	Внешние стимулы	– наличие и сила внутренней поддержки семьи; – наличие и сила внешней поддержки семьи
Оценка удовлетворенности родительским трудом у его субъектов, являющихся «оставленными детьми»	Ожидания субъектов родительского труда	– ожидание родителями идеального семейного экономического статуса; – ожидание семейной близости и целостности семьи; – ожидание определенного типа отношений между родителями и детьми
	Воспринимаемое качество родительского труда	– семейная близость; – адаптивное восприятие; – восприятие стиля воспитания; – семейное чувство безопасности; – степень доверия
	Удовлетворенность отношениями между родителями и детьми	– общая удовлетворенность отношениями между родителями и детьми; – сравнение семейной близости и ожиданий
	Конфронтация между родителями и детьми	– степень избегания межличностных отношений; – одиночество и конфронтация

Примечание. Составлено авторами.

- родительского труда в оценках уральских женщин: объективные и субъективные барьеры // *Женщина в российском обществе*. 2021. Специальный выпуск. С. 150–167.
- Ван web – Ван Я. Влияние разделения труда в семье на качество брака – эмпирическое исследование, основанное на данных CFPS: магистер. дис.: экон. науки. 2019 // <https://gb.global.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?filename=1019267964.nh&dbcode=CMFD&dbname=CMFDTEMP&v=>
- Великая 2013 – *Великая Е.Г.* Репродуктивный труд как инструмент роста национальной экономики // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2013. Vol. 9, № 44 (233). С. 2–10.
- Ворошилова 2015 – *Ворошилова А.И.* Человеческий капитал как результат родительского труда: опыт социологического осмысления // *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. 2015. № 4. С. 32–43.
- Дятель, Багирова 2016 – *Дятель К.Л., Багирова А.П.* Договорный родительский труд и его стимулирование в Российской Федерации // *Human progress*. 2016. № 6. С. 1–15.
- Ильвес 2019 – *Ильвес Э.В.* Динамика прекаризации родительского труда по видам трудового процесса // *Экономика труда*. 2019. № 1. С. 637–646.
- Ли, Хуан 2001 – *Ли Ш., Хуан Ю.* Теория Беккера о человеческом капитале и его практическое значение // *Форум Цзяньхуай*. 2001. № 5. С. 28–35.
- Лин, Ян, Фан 2006 – *Лин В., Ян Х., Фан Л.* Чувство организационной поддержки сотрудников // *Журнал психологии*. 2006. № 38. С. 281–287.
- Мэй, Янь, Тянь 2019 – *Мэй Ю., Янь М., Тянь М.* Модель удовлетворенности и ее применение при изучении отношений между родителями и детьми между студентами колледжа и их родителями // *Практика и понимание математики*. 2019. № 49. С. 78–90.
- Пшеничникова 2012 – *Пшеничникова М.М.* Родительский труд: содержание и особенности реализации в малых городах Уральского региона: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Екатеринбург, 2012.
- Синица 2012 – *Синица А.Л.* Труд по уходу за детьми дошкольного возраста: сочетание домашней и общественной форм. М.: МАКС Пресс, 2012.
- 留守儿童... web – 留守儿童 (2010–2020) // [CNKI.NET] // <https://kns.cnki.net/KNS8/AdvSearch?dbcode=SCDB>
- Черешова 2021 – *Черешова С.В.* Субъекты родительского труда в современной России: социологический анализ // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2021. № 10. С. 57–63.
- Шубат, Пшеничникова 2012 – *Шубат О.М., Пшеничникова М.М.* Родительский труд в малых городах России: опыт экономико-статистического исследования в уральском регионе // *Региональная экономика: теория и практика*. 2012. № 15. С. 20–29.
- Шубенкова, Панина 2013 – *Шубенкова Е.В., Панина Е.В.* Забота о детях как вид трудовой деятельности // *Вестник Тверского государственного университета*. Серия: Экономика и управление. 2013. № 22. С. 73–83.
- Шутова 2016 – *Шутова Н.В.* Социальная эффективность стимулирования родительского труда работников организации: дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2016.
- Шутова 2020 – *Шутова Н.В.* Социальная эффективность стимулирования родительского труда работников организации: методика оценки и результаты // *Вестник экономики, права и социологии*. 2020. № 2. С. 186–191.
- Янь, Багирова 2021 – *Янь Д., Багирова А.П.* Феномен оставленных детей в Китае: наукометрический анализ и перспективы исследования в контексте родительского труда // *Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий*. В 2 т. Т. 1: материалы VII Международ. науч.-практ. конф. 19–20 апреля 2021 г. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2021. С. 277–283.
- Amabile 1993 – *Amabile T.M.* Motivational Synergy: Toward New Conceptualizations of Intrinsic and Extrinsic Motivation in the Workplace // *Human Resource Management Review*. 1993. Vol. 3. P. 185–201. DOI:10.1016/1053-4822(93)90012-S
- Anne 2005 – *Anne S.S.* Parenting Needs, Goals, & Strategies of Adolescent Mothers // *The American Journal of Maternal Child Nursing*. 2005. Vol. 30. P. 327–333. DOI: 10.1097/00005721-200509000-00011
- Bianchi, Milkie 2010 – *Bianchi S.M., Milkie M.A.* Work and Family Research in the First Decade of the 21st Century // *Journal of Marriage and Family*. 2010. Vol. 72, iss. 3. P. 705–725. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2010.00726.x
- Blair, Lichter 1991 – *Blair S.L., Lichter D.T.* Measuring the Division of Household Labor: Gender Segregation of Housework Among American Couples // *Journal of Family Issues*. 1991. Vol. 12, iss. 1. P. 91–113. DOI: 10.1177/019251391012001007
- Deci, Ryan 2000 – *Deci E., Ryan R.* The “What” and “Why” of Goal Pursuits: Human Needs and the Self-Determination of Behavior // *Psychol Inquiry*. 2000. Vol. 11. P. 227–268. DOI:10.1207/S15327965PLI1104_01
- Dolan 2013 – *Dolan A.* ‘I’ve Learnt What a Dad Should Do’: The Interaction of Masculine and Fathering

- Identities among Men Who Attended a ‘Dads Only’ Parenting Programme // *Sociology – The journal of the British sociological association*. 2013. Vol. 48. P. 812–828. DOI:10.1177/0038038513511872
- Erickson 2005 – *Erickson R.J.* Why Emotions Work Matters: Sex, Gender and the Division of Household Labor // *Journal of Marriage and Family*. 2005. Vol. 67, iss. 2. P. 337–351. DOI: 10.1111/j.0022-2445.2005.00120.x
- Estlein 2021 – *Estlein R.* Parenting as a Communication Process: Integrating Interpersonal Communication Theory and Parenting Styles Conceptualization // *Journal of Family Theory & Review*. 2021. Vol. 13. P. 21–33. DOI:10.1111/jftr.12407
- Hochschild 1997 – *Hochschild A.R.* The Time Bind: When Work Becomes Home, and Home Becomes Work. N. Y.: Metropolitan Books, 1997.
- Left Behind... web – Left Behind Children (2001–2021) [Web of Science] // <https://www.webofscience.com/wos/woscc/summary/790d82a5-1efb-41d2-839f-a949223d53c3-1731c766/date-descending/1>
- Li, Haws, Griskevicius 2019 – *Li Y.J., Haws K.L., Griskevicius V.* Parenting Motivation and Consumer Decision-Making // *Journal of Consumer Research*. 2019. Vol. 45. P. 1117–1137. DOI: 10.1093/jcr/ucy038
- Meghan et al. 2015 – *Meghan A., Anna D., Urania M., Trace K.* Social Support, Family Functioning and Parenting Competence in Adolescent Parents // *Matern Child Health Journal*. 2015. Vol. 19. P. 67–73.
- Oakley 1974 – *Oakley A.* The Sociology of Housework. N. Y.: Pantheon, 1974.
- Pinder 1998 – *Pinder C.C.* Work Motivation in Organizational Behavior. New Jersey: Prentice Hall, 1998.
- Ross-Plourde, Basque 2019 – *Ross-Plourde M., Basque D.* Motivation to Become a Parent and Parental Satisfaction: The Mediating Effect of Psychological Needs Satisfaction // *Journal of Family Issues*. 2019. Vol. 40. P. 1255–1269. DOI: 10.1177/0192513X19836458
- Shelton, John 1996 – *Shelton B.A., John D.* The Division of Household Labor // *Annual Review of Sociology*. 1996. Vol. 22. P. 299–322. DOI: 10.1146/annurev.soc.22.1.299
- Shui, Xu 2021 – *Shui Y., Xu D.* The Influence of Human Capital and Social Capital on the Gendered Division of Labor in Peasant Family in Sichuan, China // *Social Indicators Research*. 2021. Vol. 155. P. 505–522. DOI: 10.1007/s 11205-020-02598-z
- Simons, Beaman, Conger 1993 – *Simons R.L., Beaman J., Conger R.D., Chao W.* Childhood Experience, Conceptions of Parenting, and Attitudes of Spouse as Determinants of Parental Behavior // *Journal of Marriage and the Family*. 1993. Vol. 55, no. 1. P. 91–106. DOI: 10.2307/352961
- Ventura 2009 – *Ventura L.B.* Analyzing the Division of Household Labor Within Spanish Families // *Revista Internacional de Sociologia*. 2009. № 1. P. 83–105.
- Wellman, Hiscott 2005 – *Wellman B., Hiscott R.* Support: Theory, Research, and Applications. Vol. 24. Dordrecht: Springer, 2005. P. 205–222.
- William 2001 – *William L.C.* Interpersonal Influence in Family Systems: A Social Relations Model Analysis // *Child Development*. 2001. Vol. 72. P. 1179–1197. DOI: 10.1111/1467-8624.00341
- Zartler 2014 – *Zartler U.* How to Deal with Moral Tales: Constructions and Strategies of Single-Parent Families // *Journal of Marriage and Family*. 2014. Vol. 76. P. 604–619. DOI: 10.1111/jomf.12116

REFERENCES

- Blednova N.D., Bagirova A.P., 2021. Combining Professional and Parental Labor in the Assessments of Ural Women: Objective and Subjective Barriers. *Zhenshina v rossijskom obshchestve*, Special Issue, pp. 150-167.
- Wang Y., 2019. *The Impact of the Division of Labor in the Family on the Quality of Marriage is an Empirical Study Based on CFPS Data*. Master's Dissertation in Economics. URL: <https://gb.global.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?filename=1019267964.nh&dbcode=CMFD&d bname=CMFDTEMP&v=>
- Velikaya E.G., 2013. Reproductive Labor as a Tool for the Growth of the National Economy. *Nacionalnye interesy: priority i bezopasnost*, Vol. 9, no. 44 (233), pp. 2-10.
- Voroshilova A.I., 2015. Human Capital as a Result of Parental Labor: An Experience of Sociological Reflection. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Socialno-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya*, no. 4, pp. 32-43.
- Dyatel K.L., Bagirova A.P., 2016. Contractual Parental Labor and its Stimulation in the Russian Federation. *Human Progress*, no. 6, pp. 1-15.
- Ilves E.V., 2019. Dynamics of Precarization of Parental Labor by Type of Labor Process. *Ekonomika truda*, no. 1, pp. 637-646.
- Li Sh., Huang Y., 2001. Becker's Theory of Human Capital and its Practical Significance. *Forum Czzyanxuj*, no. 5, pp. 28-35.
- Lin V., Yang H., Fan L., 2006. Sense of Organizational Support of Employees. *Zhurnal psixologii*, no. 38, pp. 281-287.

- Mei Y., Yan M., Tian M., 2019. The Satisfaction Model and its Application in the Study of the Relationship Between Parents and Children Between College Students and Their Parents. *Praktika i ponimanie matematiki*, no. 49, pp. 78-90.
- Pshenichnikova M.M., 2012. *Parental Labor: Content and Features of Implementation in Small Towns of the Ural Region. Cand. ekon. sci. abs. diss.* Ekaterinburg.
- Sinicza A.L., 2012. *Labor in Caring for Children of Preschool Age: A Combination of Domestic and Social Forms.* Moscow, MAKS Press.
- Theme for Left Behind Children (2010–2020). *CNKI.NET*. URL: <https://kns.cnki.net/KNS8/AdvSearch?dbcode=SCDB>.
- Chereshova S.V., 2021. Subjects of Parental Labor in Modern Russia: Sociological Analysis. *Obshchestvo: sociologiya, psixologiya, pedagogika*, no. 10, pp. 57-63.
- Shubat O.M., Pshenichnikova M.M., 2012. Parental Labor in Small Towns of Russia: The Experience of Economic and Statistical Research in the Ural region. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika*, no. 15, pp. 20-29.
- Shubenkova E.V., Panina E.V., 2013. Caring for Children as a Type of Labor Activity. *Vestnik tverskogo gosudarstvennogo universiteta. seriya: ekonomika i upravlenie*, no. 22, pp. 73-83.
- Shutova N.V., 2016. *Social Efficiency of Parental Labor Stimulation of Employees of the Organization. Cand. sociol. sci. diss.* Ekaterinburg.
- Shutova N.V., 2020. Social Effectiveness of Stimulating Parental Labor of Employees of the Organization: Assessment Methodology and Results. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii*, no. 2, pp. 186-191.
- Yan D., Bagirova A.P., 2021. Phenomenon of Left-Behind Children in China: Scientometric Analysis and Research Prospects in the Context of Parental Labor. *Strategii razvitiya socialnykh obshchestev, institutov i territorij: materialy VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 19–20 aprelya 2021. V 2 t. T. 1.* Ekaterinburg, Uralskij universitet, pp. 277-283.
- Amabile T.M., 1993. Motivational Synergy: Toward New Conceptualizations of Intrinsic and Extrinsic Motivation in the Workplace. *Human Resource Management Review*, vol. 3, pp. 185-201. DOI: 10.1016/1053-4822(93)90012-S
- Anne S.S., 2005. Parenting Needs, Goals, & Strategies of Adolescent Mothers. *The American Journal of Maternal Child Nursing*, vol. 30, pp. 327-333. DOI: 10.1097/00005721-200509000-00011
- Bianchi S.M., Milkie M.A., 2010. Work and Family Research in the First Decade of the 21st Century. *Journal of Marriage and Family*, vol. 72, iss. 3, pp. 705-725. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2010.00726.x
- Blair S.L., Lichter D.T., 1991. Measuring the Division of Household Labor: Gender Segregation of Housework Among American Couples. *Journal of Family Issues*, vol. 12, iss. 1, pp. 91-113. DOI: 10.1177/019251391012001007
- Deci E., Ryan R., 2000. The “What” and “Why” of Goal Pursuits: Human Needs and the Self-Determination of Behavior. *Psychol Inquiry*, vol. 11, pp. 227-268. DOI:10.1207/S15327965PLI1104_01.
- Dolan A., 2013. ‘I’ve Learnt What a Dad Should Do’: The Interaction of Masculine and Fathering Identities Among Men Who Attended a ‘Dads Only’ Parenting Programme. *Sociology – The Journal of the British Sociological Association*, vol. 48, pp. 812-828. DOI:10.1177/0038038513511872
- Erickson R.J., 2005. Why Emotions Work Matters: Sex, Gender and the Division of Household Labor. *Journal of Marriage and Family*, vol. 67, iss. 2, pp. 337-351. DOI: 10.1111/j.0022-2445.2005.00120.x
- Estlein R., 2021. Parenting as a Communication Process: Integrating Interpersonal Communication Theory and Parenting Styles Conceptualization. *Journal of Family Theory & Review*, vol. 13, pp. 21-33. DOI: 10.1111/jftr.12407
- Hochschild A.R., 1997. *The Time Bind: When Work Becomes Home, and Home Becomes Work.* New York, Metropolitan Books.
- Left Behind Children (2001–2021). *Web of Science*. URL: <https://www.webofscience.com/wos/woscc/summary/790d82a5-1efb-41d2-839f-a949223d53c3-1731c766/date descending/1>
- Li Y.J., Haws, K.L., Griskevicius V., 2019. Parenting Motivation and Consumer Decision-Making. *Journal of Consumer Research*, vol. 45, pp. 1117-1137. DOI: 10.1093/jcr/ucy038
- Meghan A., Anna D., Urania M., Trace K., 2015. Social Support, Family Functioning and Parenting Competence in Adolescent Parents. *Matern Child Health Journal*, vol. 19, pp. 67-73.
- Oakley A., 1974. *The Sociology of Housework.* New York, Pantheon.
- Pinder C.C., 1998. *Work Motivation in Organizational Behavior.* New Jersey, Prentice Hall.
- Ross-Plourde M., Basque D., 2019. Motivation to Become a Parent and Parental Satisfaction: The Mediating Effect of Psychological Needs Satisfaction. *Journal of Family Issue*, vol. 40, pp. 1255-1269. DOI: 10.1177/0192513X19836458

- Shelton B.A., John D., 1996. The Division of Household Labor. *Annual Review of Sociology*, vol. 22, pp. 299-322. DOI: 10.1146/annurev.soc.22.1.299
- Shui Y., Xu D., 2021. The Influence of Human Capital and Social Capital on the Gendered Division of Labor in Peasant Family in Sichuan, China. *Social Indicators Research*, vol. 155, pp. 505-522. DOI: 10.1007/s11205-020-02598-z
- Simons R.L., Beaman J., Conger R.D., Chao W., 1993. Childhood Experience, Conceptions of Parenting, and Attitudes of Spouse as Determinants of Parental Behavior. *Journal of Marriage and the Family*, vol. 55, no. 1, pp. 91-106. DOI: 10.2307/352961
- Ventura L.B., 2009. Analyzing the Division of Household Labor Within Spanish Families. *Revista Internacional de Sociologia*, no. 1, pp. 83-105.
- Wellman B., Hiscott R., 2005. *Support: Theory, Research, and Applications*. Dordrecht, Springer, vol. 24, pp. 205-222.
- William L.C., 2001. Interpersonal Influence in Family Systems: A Social Relations Model Analysis. *Child Development*, vol. 72, pp. 1179-1197. DOI: 10.1111/1467-8624.00341
- Zartler Z., 2014. How to Deal with Moral Tales: Constructions and Strategies of Single-Parent Families. *Journal of Marriage and Family*, vol. 76, pp. 604-619. DOI: 10.1111/jomf.12116

Information About the Authors

Anna P. Bagirova, Doctor of Sciences (Economics), Candidate of Sciences (Sociology), Professor, Deputy Director for Research and Innovations, Institute of Economics and Management, School of Public Administration and Entrepreneurship, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Mira St, 19, 620002 Yekaterinburg, Russian Federation, a.p.bagirova@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5653-4093>

Doudou Yan, Postgraduate Student, Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Management, Institute of Economics and Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Mira St, 19, 620002 Yekaterinburg, Russian Federation, yandoudoulinweiei@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5100-8198>

Информация об авторах

Анна Петровна Багирова, доктор экономических наук, кандидат социологических наук, профессор, заместитель директора по науке и инновациям Института экономики и управления, Школы государственного управления и предпринимательства, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, ул. Мира, 19, 620002 г. Екатеринбург, Российская Федерация, a.p.bagirova@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5653-4093>

Доудоу Янь, аспирант кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, ул. Мира, 19, 620002 г. Екатеринбург, Российская Федерация, yandoudoulinweiei@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5100-8198>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.8>

UDC 316:618.2
LBC 60.561.54

Submitted: 26.02.2022
Accepted: 15.04.2022

ARTIFICIAL TERMINATION OF PREGNANCY AS A SOCIAL PRACTICE: THE PROCESS OF FORMATION IN RUSSIA

Marina V. Shelest

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The category “social practice” has been actively used to study social phenomena since the end of the twentieth century, it allows to significantly expand the sociological aspect of research, but it has not been used to study the phenomenon of artificial termination of pregnancy. The purpose of the article was an attempt to identify the phenomenon of artificial termination of pregnancy with this category. The article highlights the stages of the development of artificial termination of pregnancy, identifies its signs, correlates with those inherent in “social practice”. The author came to the conclusion that artificial termination of pregnancy as a social practice began to take shape from the end of the 20th century, which manifested itself in an increase in the number of individual cases of abortions. Since the 1920s, the procedure has become the norm for society as a whole. By the mid-1930s, the process of forming the practice was completed, as evidenced by the manifestation of all the characteristics characteristic of this category: stability, reproducibility, mass character, the presence of a semantic basis. Further, artificial termination of pregnancy as a social practice began to develop. The practice in question consists of a number of components: the participants of the practice, the action of the practice, the method of carrying out the procedure, the type of abortion, the reasons for an individual’s decision to have an abortion, factors influencing the practice, the object of influence of the practice, the study of the content of which allows you to trace its development. The study of the stages of the formation of this practice allowed us to conclude that the spread of abortions in Russia was the result first of a change in the personal attitude of individuals to them, and since the 1920s – the distortion of religious, moral, ethical norms and traditions in society as a whole. The reasons why an individual decides to artificially terminate a pregnancy go beyond the socio-economic conditions of an individual’s life. The results obtained make it possible to identify the phenomenon as a social practice, which determines the possibility of its further research through this category.

Key words: artificial abortion, stages of formation of social practice, signs of social practice, components of practice, individual.

Citation. Shelest M.V. Artificial Termination of Pregnancy as a Social Practice: The Process of Formation in Russia. *Logos et Praxis*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 78-86. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.8>

УДК 316:618.2
ББК 60.561.54

Дата поступления статьи: 26.02.2022
Дата принятия статьи: 15.04.2022

ИСКУССТВЕННОЕ ПРЕРЫВАНИЕ БЕРЕМЕННОСТИ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА: ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ В РОССИИ

Марина Викторовна Шелест

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Категория «социальная практика» активно используется для изучения социальных явлений с конца XX в., она позволяет значительно расширить социологический аспект исследований, но для изучения феномена искусственного прерывания беременности она не применялась. Целью статьи стала попытка идентифицировать феномен искусственного прерывания беременности с данной категорией. В статье выделены этапы развития искусственного прерывания беременности, выявлены ее признаки, соотнесены с теми, которые присущи «социальной практике». Автор пришел к выводу, что искусственное прерывание беременности как социальная практика начала формироваться с конца XIX в., что проявилось в увеличении количества отдельных случаев абортов. С 1920-х гг. процедура превратилась в норму для общества в целом.

К середине 1930-х гг. процесс формирования практики завершился, о чем свидетельствует проявление всех характерных для данной категории признаков: устойчивость, воспроизводимость, массовость, наличие смыслового основания. С начала 1940-х гг. искусственное прерывание беременности как социальная практика начала развиваться. Она состоит из ряда компонентов: участники практики, действие практики, способ осуществления процедуры, вид аборта, причины принятия решения индивидом об аборте, факторы влияния на практику, объект влияния практики, изучение содержания которых позволяет проследить ее развитие. Изучение этапов формирования данной практики позволило сделать вывод, что распространение аборт в России стало следствием сначала изменения личного отношения к ним отдельных индивидов, а с 1920-х гг. – искажения в обществе в целом религиозных, нравственных, этических норм, традиций. Причины, по которым индивид принимает решение искусственно прервать беременность, выходят за рамки социально-экономических условий жизни индивида. Полученные результаты позволяют идентифицировать феномен как социальную практику, что определяет возможность его дальнейшего исследования через данную категорию.

Ключевые слова: аборт искусственный, этапы становления социальной практики, признаки социальной практики, компоненты практики, индивид.

Цитирование. Шелест М. В. Искусственное прерывание беременности как социальная практика: процесс становления в России // *Logos et Praxis*. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 78–86. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.8>

С конца XX в. в социологии стала широко применяться категория «социальная практика», в основе которой лежит концепция социального действия отдельного индивида [Шугальский web], которая позволяет значительно расширить изучение социологического аспекта социальных явлений.

До настоящего времени для изучения феномена искусственного прерывания беременности (аборта), который остается одной из неразрешимых социальных проблем современного общества, категория «социальная практика» не применялась. В результате исследование его социологического аспекта в настоящее время продолжает ограничиваться:

– выявлением причин распространения аборт [Юсупова 2004], закономерностей в социально-экономических условиях жизни женщин, совершающих аборт [Конаков web; Рязанцев и др. 2019; Брынза, Сульдин, Иванова 2019];

– выяснением отношения общества к абортам [Антипова 2005; Сакевич, Фролова 2010; Быкова 2019];

– определением масштабов распространения феномена [Денисов, Сакевич 2019; Бантьева, Манюшкина, Соколовская 2020], и его влияния на демографические процессы [Вишневский (ред.) 2006; Радзинский, Журавлева 2009].

Следует отметить, что появились работы, посвященные исследованию психологических причин прерывания беременности [Петрова 2006; Руновская 2013].

Изучение искусственного прерывания беременности с опорой на положения теорий социальных практик позволит определить какое воздействие на общество в целом оказывают сами действия по прерыванию беременности в своей совокупности, выявить факторы, влияющие на практику прерывания беременности, определить какую роль в ней занимают мужчины, причины, которые являются ведущими в принятии решения об аборте и другие. Расширение изучения социологического аспекта феномена искусственного прерывания беременности является необходимым, для проведения актуализации регулирования аборт в современной России, где количество аборт остается значительным.

Для определения возможности применения категории «социальная практика» при изучении феномена искусственного прерывания беременности необходимо идентифицировать последний с данной категорией: выделить этапы становления, выявить признаки, присущие «социальной практике», отличающие ее от других социальных категорий, определить структурные компоненты, что стало целью данной статьи.

Проследивая процесс становления искусственного прерывания беременности как социальной практики, автор опирался на идеи социологов П. Бергера и Т. Лукмана об институционализации [Бергер, Лукман 1995]. На начальном уровне отдельный случай прерывания беременности приобретает значение социального действия, далее, если такое дей-

ствие часто повторяется, оно проходит стадию опривычивания, начинается его бессознательное воспроизводство в массах, оно становится социальной практикой, институцией, которая оказывает влияние на весь социум. Для выделения компонентов практики были использованы положения социальных теорий [Бурдые 2001; Гидденс 2005], в основе которых лежит действие отдельного человека. Для определения признаков практики – устойчивость, воспроизводимость, массовость, нормативность, наличие смыслового основания – использовались результаты исследований российских авторов [Антонова 2009; Дьяков 2011].

Эмпирическую базу статьи составили статистические данные Федеральной службы государственной статистики; нормативно-правовые материалы за период с конца XIX в.; результаты российских социологических исследований по проблеме абортот.

Случаи искусственного прерывания беременности известны с древних времен. Разница с современным феноменом заключается в степени распространенности абортот. Первое упоминание об абортот можно встретить в древней клятве, условно приписываемой Гиппократу. В ней говорится об абортотивном пессарии, который врач не даст женщине. Следует отметить, что каждый случай искусственного прерывания беременности основан на сознательном решении [Обысова 1974, 12]. Он включает в себя принятие решения об абортот и саму процедуру. Поэтому обязательными участниками искусственного прерывания беременности являются индивиды, к которым относятся как женщины, принимающие окончательное решение и продельвающие процедуру, так и мужчины, участвующие в принятии решения (активно или пассивно). При изучении социологического аспекта рассматриваемого феномена мужчины должны быть обязательными участниками исследований.

До рубежа XX в. случаи абортот были редким явлением. Во многом это было следствием того, что в обществе складывалось отрицательное отношение к практике абортот. К XVI в. почти во всех европейских странах производство абортот каралось смертной казнью [Кузнецов, Лисицын 1974, 12]. В России

отношение к феномену сложилось во многом под влиянием Православной церкви. Каждый случай рассматривался в обществе как преступление.

По положению о наказаниях 1845 г. в России абортот стал приравняться к умышленному детоубийству. Сами женщины избегали и не принимали такой процедуры, прежде всего потому, что считали ее страшным грехом [Пирожкова 1912]. К беременности относились как к зарождению новой жизни. Поэтому абортот были единичными случаями наравне с другими преступлениями. Существует масса свидетельств современников о том, что подавляющее большинство женщин Российской империи рубежа XX в. вообще не знали о возможности искусственного прерывания беременности [Миронов 2000, 181]. В стране до конца XIX в. главным демографическим регулятором выступала смертность, например, у женщин, родивших в 1880–1890-х гг., больше половины детей умерло в возрасте до 20 лет, поэтому вопрос контроля рождаемости населения мало интересовал [Вишневский (ред.) 2006, 31, 40]. Вместе с тем именно в конце XIX в. участились случаи искусственного прерывания беременности. Об этом свидетельствуют документы медицинских съездов рубежа XX в. (III и XII съезды Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова, прошедшие в 1889 и в 1913 г. соответственно, IV съезд общества Российских акушерот и гинекологов в 1911 г.). По данным доцента В.Л. Якобсона, за период с 1893 по 1911 г. процент выкидышей увеличился в 10 раз и составил от родов 20 %, незаконное плодотизгнание зафиксировано в трех случаях из четырех [Якобсон 1912].

Началу распространения запретной практики способствовало, прежде всего, начавшееся переустройство самого российского общества и изменение отведенной в нем роли женщине: «Среди женщин началась бешеная погоня за заработком: искали уроков, поступали на службу на телеграф, наборщицами типографий, в переплетные мастерские, делались продавщицами в книжных и других магазинах, переводчицами, чтицами, акушерками, фельдшерницами, переписчицами, стенографистками. Отношение общества к трудящимся женщинам тоже быстро менялось»

[Водовозова 2014, 174–175]. Более того, в Россию начали проникать феминистские идеи, где материнство было названо причиной вторичного положения женщины в обществе [Юкина web], приобретала популярность идея о контроле рождаемости. Статус эмбриона в научных кругах был поставлен под сомнение, о чем на съездах прозвучали радикальные мысли, такие как: «аборт является во многих случаях предохранительным клапаном от детоубийства» [Грин 1913, 86–87]. На фоне падения религиозности притупилось понятие об умышленном прерывании беременности как о грехе, последнее на протяжении веков являлось основным препятствием для совершения такого поступка. Вместе с распространением информации о возможности и методах проведения абортов в обществе установилось мнение о безопасности операции, что делало «новую процедуру» еще более привлекательной [Пирожкова 1912].

Основные причины абортов участники съезда определили в усложнившихся социально-экономических условиях, семейных неурядицах, страхе перед родовой болью, многодетности, которые искали для оправдания поведения женщин с целью легализации абортов. Итогом Пироговского съезда 1913 г. по вопросу преднамеренных выкидышей стала резолюция о том, что искусственный аборт без медицинских показаний есть социальное зло, борьба с которым должна лежать в области государственных и социально-экономических реформ.

Первый этап формирования социальной практики искусственного прерывания беременности на этом завершился. Он заключался в росте количества абортов вследствие изменения личного отношения к такому действию у индивидов, под влиянием определенных изменений, начавшихся в это время в обществе. Однако большая часть населения этому без труда противостояла, опираясь на привитые с детства семейные ценности, религиозные идеалы, страх уголовного преследования, благодаря чему до 1917 г. абортивная практика в Российской империи распространялась очень слабо.

После событий 1917 г. произошла фактическая отмена уголовного наказания за искусственное прерывание беременности. Офи-

циально производство абортов узаконили в 1920 г. постановлением Народных комиссариатов Здравоохранения и Юстиции [Постановление Народных... web], по которому женщина могла получить бесплатное производство аборта в больничных условиях. Власть избрала аборт как удобное средство, прежде всего для борьбы с Церковью (в рамках начавшейся антирелигиозной политики): женщины, совершавшие аборт, демонстрировали свое изменившееся отношение к понятию греха, к вере в целом. На первый план выступили личные интересы, а аборт стал восприниматься как удобный способ избавления от ненужной беременности. Кроме того, процедура помогла правительству высвободить рабочие женские руки, вовлечь женское население в процесс начавшейся индустриализации и затем коллективизации. Женщина была провозглашена труженицей, а не матерью, о чем ярко свидетельствуют выпускаемые плакаты того периода [Бабушкин web]. Необходимость противостоять воспроизводству «нового действия» у индивидов пропала, количество случаев искусственного прерывания беременности в стране стало быстро расти. Так, в среднем по 15 городам за период с 1924 по 1927 гг. оно возросло в три раза и достигло в г. Москве 86 случаев на сто родов, в г. Ленинграде – 88, в среднем по 13 городам – 63 официальных случая [Вишневский (ред.) 2006, 203].

Второй этап формирования социальной практики – опривычивание действия – проявился в частом повторении поступка и завершился очень быстро. Практику прерывания беременности, которую удалось превратить в глазах общества в способ реализации прав женщин, вошла в привычку. Этой привычкой «заразилась» большая часть общества, о чем свидетельствует статистика абортов того периода. Процедура, одобренная со стороны власти, стала восприниматься не только, как удобный, но и как нормальный (от слова «норма») способ решения «проблемы», в чем проявилась одна из характеристик, присущих категории «социальная практика».

В этот период наблюдается первая попытка изучения социального аспекта феномена искусственного прерывания беременности. С 1924 г. ввели обязательную для заполнения «карточку об аборте», с помощью которой

правительство стремилось «изучить социально-бытовую обстановку, вызывающую аборт» [Генс 1929, 27–28], и выработать методы, которые позволили бы взять под контроль масштабы их распространения.

Третий, заключительный этап формирования искусственного прерывания беременности как социальной практики завершился на рубеже 1930-х гг., в этот период наблюдается уже бессознательное широкое воспроизводство поступка индивидами, а также начало влияния самой практики на их поведение. Если в 1924 г. на одно рождение в г. Москве было зафиксировано 0,3 аборта, то к 1934 г. этот показатель достиг 3 единиц; к этому же году на одну ленинградку 35-летнего возраста в среднем приходилось 6–8 абортотворений [Вишневский (ред.) 2006, 203]. В этот период также проявились остальные признаки, присущие категории «социальная практика»:

– устойчивость. Несмотря на постепенное введение властью некоторых ограничений на производство абортотворений (в 1926 г. было запрещено прерывать первую беременность женщин, а также тем, кто сделал такую операцию менее полугодом назад), в 1930 г. операция стала платной (если заработок на одного члена семьи колебался от 80 до 100 руб., то за операцию платили 75 руб.), интерес к ним не снижался [Лебина 1999, 286]. Более того, после принятия постановления о запрете абортов в 1936 г. под страхом уголовного наказания, а также риска для здоровья и жизни женщин, аборты продолжали делать нелегально;

– воспроизводимость. Для сохранения минимального количества детей в семье часть женщин постоянно стала прибегать к данной практике, а мужчины поддерживать их в этом. Самое большее количество женщин, делающих аборт, в 1938 г. были те, кто имел одного ребенка: в городе – 37 %, на селе – 24,5 %. В 1958–1959 гг. в городе наблюдалась та же тенденция – 41,2 %, на селе – чаще стали совершать аборт женщины, имеющие двух детей 30,0 %, но вырос процент и тех женщин, которые имели одного ребенка до 26,9 % [Садвокасова 1969, 150].

– массовость. Воспроизводство абортов продолжалось по всей стране, несмотря на просветительскую работу о вреде абортов, расширении мер государства по социально-

материальному стимулированию рождений, открытие множества дошкольных учреждений [Вишневский (ред.) 2006, 215]. К абортотворениям прибегали женщины всех социальных слоев, уровней достатка, образования, семейного положения, с разным количеством детей, жилищными условиями и т. д.

– наличие смыслового основания. «Аборт стал в СССР средством избавления от нежелательной беременности, основным методом ограничения детей, ведущим способом планирования размеров семьи... в СССР сформировалась особая “абортная” культура» [Юсупова 2004, 28], аборт стал восприниматься обществом как обычный инструмент регулирования рождаемости.

Таким образом, искусственное прерывание беременности как социальная практика представляет собой совокупность действий (каждое включает принятие решения и процедуру), воспроизводимую индивидами, по преднамеренному прерыванию беременности, является фактором, оказывающим воздействие на весь социум. Она сформировалась за период с конца XIX в. до середины 1930-х гг., когда проявились все признаки, характерные для данной категории. После чего прослеживается развитие данной практики.

Опираясь на положения социальных теорий Бергера и Лукмана, Бурдье, Гидденса, в которых авторы сходятся во мнении, что акторы, с одной стороны создают общество, с другой сами же ограничены этим обществом, при изучении предпосылок распространения случаев аборта, а также этапов становления данной социальной практики удалось выделить основные компоненты практики абортов. К ним относятся: участники практики, действие практики, способ осуществления процедуры, вид аборта, причины принятия решения индивидом об аборте, факторы влияния на практику, объект влияния практики. Изучение содержания компонентов практики позволит не только проследить ее дальнейшее развитие, которое продолжается до настоящего времени, но и определить целевую аудиторию исследований по данной теме.

Например, в конце XX столетия появился медикаментозный способ аборта, а значит расширилось содержание компонентов «вид аборта», а также «участники практики». С на-

чала 1990-х гг. в России к субъектам, оказывающим воздействие на искусственное прерывание беременности присоединились социальные организации, различные некоммерческие, общественные, религиозные организации, распространители abortивных препаратов, что отразилось на содержании компонента «факторы влияния на практику».

Изучение процесса становления искусственного прерывания беременности как социальной практики, позволило определить, что он включает в себя несколько этапов. Первый из которых сопровождался изменением личного отношения к аборту отдельных индивидов; второй – искажением в обществе в целом религиозных, нравственных, этических норм, традиций; третий этап – проявлением всех признаков, присущих категории социальной практики; четвертый – развитием рассматриваемой практики. Искусственное прерывание беременности как социальную практику характеризуют: устойчивость, воспроизводимость, массовость, наличие смыслового основания. Практика состоит из ряда компонентов, по изменению содержания которых можно проследить это развитие. Результаты исследования показали, что причины широкого распространения abortов в России выходят за рамки социально-экономических причин, которыми в основном до настоящего времени ограничиваются исследования, связанные с причинами abortов.

Таким образом, выделенные этапы становления, признаки позволяют идентифицировать феномен искусственного прерывания беременности как социальную практику. Это определяет возможность его исследования через данную категорию, что позволит актуализировать социальное регулирование распространения abortов в условиях институциональных изменений современного российского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антипова 2005 – Антипова Н.Д. Этические коллизии вокруг проблемы abortа в рамках различных ценностно-мировоззренческих ориентаций // Вестник Московского университета. Серия 7, Философия, 2005. № 1. С. 107–119.
- Антонова 2009 – Антонова Н.Л. Социальная практика: теоретико-методологические основания исследовательского анализа // Известия Уральского государственного университета. Общественные науки. 2009. № 4. С. 92–98.
- Бабушкин web – Бабушкин С. Образ женщины в советских плакатах 1920–40-х годов // <http://tehne.com/node/5905>
- Бантьева, Маношкина, Соколовская 2020 – Бантьева М.Н., Маношкина Е.М., Соколовская Т.А. Медико-социальная значимость проблемы abortов в современной России // Академия медицины и спорта, 2020. Т. 1, № 1. С. 5–9.
- Бергер, Лукман 1995 – Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
- Брынза, Сульдин, Иванова 2019 – Брынза Н.С., Сульдин А.М., Иванова А.Д. Социально-гигиеническая характеристика женщин, принявших решение о завершении беременности посредством abortа // Медицинская наука и образование Урала, 2019. Т. 20, № 1 (97). С. 117–122.
- Бурдые 2001 – Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.
- Быкова 2019 – Быкова Е.Г. Прерывание беременности как следствие ненадлежащего оказания медицинской помощи // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2019. № 6. С. 30–39.
- Вишневский (ред.) 2006 – Вишневский А.Г. (ред.). Демографическая модернизация России, 1900–2000. М.: Новое изд-во, 2006.
- Водовозова 2014 – Водовозова Е.Н. На заре жизни. М.: Директ-Медиа, 2014.
- Генс 1929 – Генс А. Проблема abortа в СССР. М.: Госмедиздат, 1929.
- Гидденс 2005 – Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. М.: Акад. проект, 2005.
- Грин 1913 – Грин И.В. Социально-правовое положение abortа // Двенадцатый Пироговский съезд, г. Петербург, 29 мая – 5 июня 1913 г., Вып. II. СПб.: Тип. акц. общ. «Слово», 1913. С. 86–87.
- Денисов, Сакевич 2019 – Денисов Б.П., Сакевич В.И. Репродуктивное здоровье населения и проблема abortов в России: новейшие тенденции // Социологические исследования, 2019. № 11. С. 140–151.
- Дьяков 2011 – Дьяков А.А. Теория практик: социально-философский потенциал концепции // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2011. Т. 11, № 1. С. 8–12.
- Конаков web – Конаков С.А. Характеристика и особенности женщин, идущих на медицинский

- аборт, в условиях мегаполиса [Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–1] // <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17897>
- Кузнецов, Лисицын 1974 – Кузнецов В.К., Лисицын Ю.П. Аборт искусственный. Большая медицинская энциклопедия. В 30 т. Т. 1. М.: Сов. энцикл., 1974.
- Лебина 1999 – Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб.: Журн. «Нева»: «Летний Сад», 1999.
- Миронов 2000 – Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.
- Обысова 1974 – Обысова Е.А. Аборт. Большая медицинская энциклопедия. В 30 т. Т. 1. М.: Сов. энцикл., 1974.
- Петрова 2006 – Петрова Н.Н. Психологические факторы искусственного прерывания беременности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. 2006. № 3. С. 120–124.
- Пирожкова 1912 – Пирожкова О.П. Статистические данные относительно количества выкидышей в Московских городских больницах и городских родильных приютах // Труды IV съезда общества российских акушеров и гинекологов (16–19 декабря 1911 г.). Вып. I. СПб.: Орбита, 1912. С. 103–109.
- Постановление Народных... web – Постановление Народных комиссариатов Здравоохранения и Юстиции от 18 ноября 1920 года № 471 «Об охране здоровья женщины» // <https://istmat.info/node/42778>
- Радзинский, Журавлева 2009 – Радзинский В.Е., Журавлева В.И. Аборты в России (по материалам III Международного конгресса по репродуктивной медицине) // Практическая медицина. 2009. № 2. С. 29–33.
- Руновская 2013 – Руновская Е.Г. Опыт материнства как фактор, влияющий на отношение женщины к аборту // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 2 (24). С. 97–101.
- Рязанцев и др. 2019 – Рязанцев С.В., Ростовская Т.К., Сигарева Е.П., Сивоплясова С.Ю. Аборты и абортивное поведение в контексте поиска резервов демографического развития в России // Экология человека. 2019. № 7. С. 17–23.
- Садвокасова 1969 – Садвокасова Е.А. Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. М.: Медицина, 1969.
- Сакевич, Фролова 2010 – Сакевич В.И., Фролова О.Г. Репродуктивное поведение, права и здоровье // Социальное и демографическое развитие России: Каирская программа действий: 15 лет спустя. М.: Права человека, 2010. С. 104–113.
- Шугальский web – Шугальский С.С. Социальные практики: интерпретация понятия [Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2] // <https://elibrary.ru/item.asp?id=18844497>
- Юкина web – Юкина И.И. Дискуссия об абортах в Российской империи: частная жизнь и новая идентичность [Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2] // <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/652>
- Юсупова 2004 – Юсупова А.Н. Аборты в России: монография. М.: ГЭОТАР-МЕД, 2004.
- Якобсон 1912 – Якобсон В.Л. Современный выкидыш с общественной и медицинской точек зрения // Труды IV съезда Общества российских акушеров и гинекологов (16–19 декабря 1911 г.). Вып. I. СПб.: Орбита, 1912. С. 3–16.

REFERENCES

- Antipova N.D., 2005. Ethical Conflicts Around the Problem of Abortion Within the Framework of Various Value-Worldview Orientations. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya*, no. 1. pp. 107-119.
- Antonova N.L., 2009. Social Practice: Theoretical and Methodological Foundations of Research Analysis. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Obshchestvennyye nauki*, no. 4, pp. 92-98.
- Babushkin S. *The Image of a Woman in Soviet Posters of the 1920–40*. URL: <http://tehne.com/node/5905>
- Bantyeva M.N., Manoshkina E.M., Sokolovskaya T.A., 2020. Medical and Social Significance of the Problem of Abortion in Modern Russia. *Akademiya meditsyny i sporta*, vol. 1, no. 1, pp. 5-9.
- Berger P., Lukman T., 1995. *Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge*. Moscow, Medium Publ.
- Brynza N.S., Suldin A.M., Ivanova A.D., 2019. Socio-hygienic Characteristics of Women Who Have Decided to Terminate Pregnancy Through Abortion. *Meditsinskaya nauka i obrazovanie Urala*, vol. 20, no. 1 (97), pp. 117-122.
- Bourdieu P., 2001. *Practical Sense*. Saint Petersburg, Aleteya Publ.
- Bykova E.G., 2019. Termination of Pregnancy as a Consequence of Improper Medical Care. *Vestnik*

- Moskovskogo universiteta. Seriya 11, Pravo*, no. 6. pp. 30-39
- Vishnevsky A.G. (ed.), 2006. *Demographic Modernization of Russia, 1900–2000*. Moscow, Novoe izd-vo.
- Vodovozova E.N., 2014. *At the Dawn of Life*. Moscow, Direkt-Media Publ.
- Gens A., 1929. *The Problem of Abortion in the USSR*. Moscow, Gosmedizdat Publ.
- Giddens E., 2005. *Organization of Society: An Essay on the Theory of Structuration*. Moscow, Akad. proekt Publ.
- Grin I.V., 1913. *Social and Legal Status of Abortion. Twelfth Pirogov Congress. Petersburg, May 29 – June 5*. Saint Petersburg, Slovo Publ., pp. 86-87.
- Denisov B.P., Sakevich V.I., 2019. Reproductive Health of the Population and the Problem of Abortion in Russia: The Latest Trends. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 11, pp. 140-151.
- Dyakov A.A., 2011. Theory of Practices: Socio-Philosophical Potential of the Concept. *Izvestiya Saratov University*, vol. 11, no. 1, pp. 8-12.
- Konakov S.A., 2015. Characteristics and Features of Women Going for a Medical Abortion in a Megalopolis. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, no. 2-1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17897>
- Kuznetsov V.K., Lisitsyn Yu.P., 1974. Artificial Abortion. *Bolshaya meditsynskaya entsyklopediya. V 30 t. T. 1*. Moscow, Sov. entsykl. Publ.
- Lebina N.B., 1999. *Everyday Life of the Soviet City: Norms and Anomalies. 1920–1930 years*. Saint Petersburg, Zhurn. «Neva» Publ., «Summer Garden» Publ.
- Mironov B.N., 2000. *Social History of Russia During the Empire Period (18th – Early 20th Century). In 2 Vols. Vol. 1*. Saint Petersburg, Dmitry Bulanin Publ.
- Obysova E.A., 1974. Abortion. *Bolshaya meditsynskaya entsyklopediya. V 30 t. T. 1*. Moscow, Sov. Entsycl. Publ.
- Petrova N.N., 2006. Psychological Factors of Artificial Termination of Pregnancy. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Meditsyna*, no. 3, pp. 120-124.
- Pirozhkova O.P., 1912. Statistical Data on the Amount of Miscarriages in Moscow City Hospitals and City Maternity Shelters. *Trudy IV syezda Obshchestva rossiyskikh akusherov i ginekologov (16–19 dekabrya, 1911 g.)*, iss. 1. Saint Petersburg, Orbita Publ., pp. 3-16.
- Obshchestva rossiyskikh akusherov i ginekologov (16–19 dekabrya, 1911 g.)*, iss. 1. Saint Petersburg, Orbita Publ., pp. 103-109.
- Resolution of the People's Commissariats of Health and Justice of November 18, 1920 No. 471 "On the Protection of Women's Health"*. URL: <https://istmat.info/node/42778>
- Radzinsky V.E., Zhuravleva V.I., 2009. Abortions in Russia (Based on the Materials of the 3rd International Congress on Reproductive Medicine). *Prakticheskaya meditsyna*, no. 2, pp. 29-33.
- Runovskaya E.G., 2013. Experience of Motherhood as a Factor Influencing a Woman's Attitude to Abortion. *Vestnik Yaroslavskego gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no. 2 (24), pp. 97-101.
- Ryazantsev S.V., Rostovskaya T.K., Sigareva E.P., Sivoplyasova S.Yu., 2019. Abortions and Abortive Behavior in the Context of the Search for Reserves of Demographic Development in Russia. *Ekologiya cheloveka*, no. 7, pp. 17-23.
- Sadvokasova E.A., 1969. *Social and Hygienic Aspects of Family Size Regulation*. Moscow, Meditsina Publ.
- Sakevich V.I., Frolova O.G., 2010. Reproductive Behavior, Rights and Health. *Social and Demographic Development of Russia: Cairo Program of Action: 15 Years Later*. Moscow, Prava cheloveka Publ., pp. 104-113.
- Shugalsky S.S., 2012. Social Practices: Interpretation of the Concept. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18844497>
- Yukina I.I., 2019. Discussion About Abortion in the Russian Empire: Private Life and a New Identity. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsyalnye peremeny*, no. 2. URL: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/652>
- Yusupova A.N., 2004. *Abortions in Russia: Monograph*. Moscow, GEOTAR-MED Publ.
- Yakobson V.L., 1912. Contemporary Abortion from Social and Medical Points of View. *Trudy IV syezda Obshchestva rossiyskikh akusherov i ginekologov (16–19 dekabrya, 1911 g.)*, iss. 1. Saint Petersburg, Orbita Publ., pp. 3-16.

Information About the Author

Marina V. Shelest, Applicant, Department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, marina_sheles@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3567-5983>

Информация об авторе

Марина Викторовна Шелест, соискатель кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, marina_sheles@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3567-5983>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.9>

UDC 316.4
LBC 60.524

Submitted: 29.10.2021
Accepted: 15.04.2022

POWER AND ANIMALS: A FOUCAULDIAN THEME IN CRITICAL ANIMAL STUDIES

Lika Rodin

University of Skövde, Skövde, Sweden

Abstract. A critical view on the relationships between humans and animals has become salient both within the public sphere and in academic discussions. An innovative research field – critical animal studies – has emerged to address the related issues. It employs a variety of tools, including theoretical constructs suggested by Michel Foucault. This article focuses on the potential of the Foucauldian tradition to analyze power in human – animal interactions. I review critical research to describe various practices of power – external, internalized, and constitutive – and the proposals related to domination. How animals are treated in different contexts exhibits relations of power. This comprises control and termination, training and shaping, management and biopolitical regulation. Moreover, humans’ technologies of self-regulation manifest themselves in the approach to animals and the natural environment more broadly. It is indicated that to address the issue of power in human – animal interactions, recognizing the constructed nature of ontological boundaries is crucial, as well as acknowledging that power runs both within and across those frontiers. The critical approach might draw attention to the interconnectedness and interdependency of humans and nonhumans, as well as to their shared destiny in terms of their positions in the matrixes of domination and control. Whether anthropocentric or posthuman, future social research on animals must account for the critical tradition, social dialogue, and social activism.

Key words: agency, animal rights, discipline, natural environment, regulation.

Citation. Rodin L. Power and Animals: A Foucauldian Theme in Critical Animal Studies. *Logos et Praxis*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 87-96. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.9>

УДК 316.4
ББК 60.524

Дата поступления статьи: 29.10.2021
Дата принятия статьи: 15.04.2022

ВЛАСТЬ И ЖИВОТНЫЕ: ФУКАЛЬДИАНСКАЯ ТЕМА В КРИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ЖИВОТНЫХ

Лика Родин

Университет Сковде, г. Сковде, Швеция

Аннотация. Критический взгляд на отношения между людьми и животными становится все более значимым как в общественном пространстве, так и в академических дискуссиях. Для обращения к данной проблематике возникла инновационная область знания – критические исследования животных. Здесь используются различные теоретические инструменты, в том числе конструкции, предложенные Мишелем Фуко. Данная статья фокусируется на потенциале традиции Фуко в анализе власти во взаимодействиях человека и животного. Я делаю обзор критических исследований с целью описать практики власти – *внешние, внутренние и конститутивные* – и соответствующие возможности противодействия. Как показано, практики обращения с животными в различных контекстах демонстрируют властные отношения. Сюда входят контроль и истребление, обучение и формирование, управление и биополитическое регулирование. Более того, человеческие технологии саморегуляции проявились в более широком подходе к животным и окружающей среде. В статье делается вывод о том, что для решения проблемы власти во взаимодействиях человека и животных решающее значение имеет признание сконструированной природы онтологических границ, а также признание того, что власть действует как внутри, так и поверх этих границ. Критический подход может привлечь внимание к взаимосвязанности и взаимозависимости человека и нечеловека, а также к их общей

судьбе с точки зрения позиционирования в рамках матриц доминирования и контроля. Будущие социальные исследования животных, будь то антропоцентрические или постчеловеческие, должны учитывать критические традиции, социальный диалог и социальный активизм.

Ключевые слова: агентность, права животных, дисциплина, окружающая среда, управление.

Цитирование. Родин Л. Власть и животные: фукальдианская тема в критических исследованиях животных // *Logos et Praxis*. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 87–96. – (На англ. яз.) – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.9>

Introduction

During the last decades, debates have addressed the living conditions and the destiny of animals in the world fashioned by the interests of humans. Activist organizations all around the globe advocate for reshaping the treatment of agricultural and other animals. Some academic researchers have joined the debate, providing shreds of empirical evidence for the need for social-political change. Critical animal studies is an innovative transdisciplinary academic field that arose from social activism and dissatisfaction with the traditional approaches to animal research [Pedersen 2011]. At the turn of the 21st century, scholars launched productive efforts to address issues of the hierarchization of species living on the Earth and the oppression and exploitation of some animals by human society [The Institute for Critical Animal Studies web]. To institutionalize this initiative, a voluntary academic organization, the Institute for Critical Animal Studies, was established in 2001. Moreover, an open-source academic organ – The Journal for Critical Animal Studies – launched the related publishing activity. Critical scholarship employs a wide spectrum of theoretical traditions, from existentialism to poststructuralism.

As a starting point of the discussion, critical commentators demonstrate a dualistic nature of the notion of human. From the time of Aristotle, the borders between “vegetative life” and “organic life,” and between humans and animals, have been considered as socially constructed and therefore changeable [Agamben 2004, 14-15]. In this respect, Agamben [Agamben 2004] hypothesized the existence of a specific discursive apparatus – *anthropological machine* – that works continuously to (re)define the human / animal division to construct a particular mode of a human subject. Both humanity (relevant and accepted features) and animality (alien and inappropriate features) are identified and differentiated as immanent to the human being, with a flexible line separating the two elements: “It is

possible to oppose man to other living things, and at the same time to organize the complex... economy of relations between men and animals, only because something like an animal life has been separated within man, only because his distance and proximity to the animal have been measured and recognized first of all in the closest and most intimate place” [Agamben 2004, 15-16]. Operation of the anthropological machine presupposes there is interplay between external and internal and inclusion and exclusion. This allows the abjection (animalization) or subjectivation (humanization) of living beings. There is a “zone of exception” where life is unconditionally exposed to arbitrary treatment and even violence [Agamben 2004; Chrulew 2012]. Here, life turns into bare life, a mere biological existence stripped of any legal protection. A concentration camp is a typical “exception,” which, as Agamben [Agamben 1998] argued, became a model for contemporary society at large.

Similarly, for Foucault, animalization is a discursive tool that helps to justify the oppression of vulnerable individuals and collectives [Chrulew, Wadiwel (eds.) 2017]. Furthermore, the idea of animals was brought into being to define human ontology more broadly. With the rise of scientific knowledge in early modernity, as Foucault showed, animality had become metaphorically associated with the phenomenon of death and the overall sense of *finitude*. Thus, even if a man had always served as a model of evaluating, signifying, and organizing animals as species, his (self)definition was dramatically interwoven with the rhetorical construction of nonhumans [Chrulew, Wadiwel (eds.) 2017]. The latent biologism / zoologism of anthropocentric political doctrine [Chrulew 2012] finds its culmination in biopolitics, a specific mode of power aimed at regulating the human population as a collective of living beings defined by the organic processes of procreation, health dynamics, and wellbeing [Foucault 2003].

Foucault’s theoretical constructs frequently inspire critical animal research. This article

systematically approaches critical writings on power and animals to show the usefulness of the Foucauldian theoretical framework. It also illustrates how power technologies applied to animals and humans can merge and reinforce each other in an all-embracing project of population management. The paper proceeds with a review of critical articles that address various practices of power, followed by a discussion on the alternatives to domination.

Power and animals

While Foucault addressed primarily human societies, scholars associated with critical animal studies use the notion of power to explain human politics and practices toward animals [Taylor, 2013]. Almost all modes of power described by Foucault are found in interpretations of human – nonhuman interactions. Palmer [Palmer 2001] translated those different power forms into three types of practices – *external*, *internalized*, and *constitutive* – to describe human – animal relationships more specifically. Next, I review the studies that analyze the variety of power exercises. Animals appear in such studies as individual creatures, distinctive populations, and as a part of the environment. Moreover, critical scholarship showed how different power forms and technologies interweave both within and across the species' borderline.

External practices of power

External practices of power are defined as “practices which affect the external bodies and/or circumstances of animals” [Palmer 2001, 355]. These mainly correspond with the exercise of sovereign power that manifests itself in a so-called “war against animals” [Wadiwel 2015].

With urban animals, warfare involves domination of a specific area [Taylor 2013]. In line with Foucault's view on sovereign power, urbanization is interpreted as a colonization of natural environments accompanied by “dispossession, negotiation, transformation, and resistance” (cited by: [Palmer 2003, 48]). Colonization shapes human – animal relationships: “resident native animals” are exterminated, displaced, and confined in the name of protection, and their natural habitat is destroyed or degraded.

In this way, urban life oppresses and dominates nonhuman species of different kinds. Wild bodies are seen as disease transmitters and a threat to humans and their possessions. They are potential transgressors of “widely accepted Western human ‘rules’ about purity and contamination” [Palmer 2003, 52]. Urban animals are defined as “scavengers,” “pests” [Palmer 2003, 49], or a “nuisance” [Michelfelder 2003, 82]. Being suppressed, animal life in urban areas is frequently unseen. When it appears in public spaces, wild urban animals are perceived as “illegal aliens who do not speak the local language and never will” [Michelfelder 2003, 82]. Rats and predators are treated accordingly. They are disabled and removed. Other species might enjoy a more sophisticated reception. Squirrels typically serve an aesthetic function, so they are tolerated in cities. However, they become dependent on humans for survival, and self-submitting to the established order [Palmer 2003].

In the sphere of agricultural industries, slaughterhouses resemble Agamben's model of a camp in which animal life is fundamentally a bare life exposed to death [Agamben 1998]. Thus, already in 1990s, US-based reports showed poor life conditions of industrial farm animals. As described by one commentator, “on a sloping wire floor (sloping so the eggs roll down, wire so the dung drops through) the birds live for a year or 18 months while artificial lighting and temperature conditions combine with drugs in their food to squeeze the maximum number of eggs out of them” (cited by: [Wadiwel 2015, 84]). A hundred million pigs, calves, cows, sheep, as well as billions of chickens, are reported slaughtered annually. As the human population increases, these numbers are expected only to rise [Wadiwel 2015]. Thus, the exercise of sovereign power on animals is widespread in contemporary consumerist economy. As I will further demonstrate, sovereignty is frequently combined with other manifestations of dominance.

Internalized practices of power

Internalized practices “affect and construct the subjectivity of animals” [Palmer 2001, 355]. In Foucauldian terms, such practices correspond with disciplinary power, and disciplinary power focuses on producing *docile bodies* through

control, training, and “optimization” [Palmer 2001, 352; Chrulew, Wadiwel (eds.) 2017]. Disciplinary power manifests itself in the treatment of domesticated animals and pets, industrial farming, and the captivity and preservation of wild animals.

Dressage is a typical example of discipline – a power form that concerns an individual body [Chrulew, Wadiwel (eds.) 2017]. Dressage horses must adjust to regular body-centered procedures and treatments, such as cleaning, feeding, and training. Training shapes the horse’s body and performance following certain standard expectations. Moreover, discipline addresses the overall attitude of the horse since the body’s value is directly associated with compliance: “The body becomes ‘more obedient as it becomes more useful’ and ‘less useful if less obedient’ ” (cited by: [Chrulew, Wadiwel (eds.) 2017, 139]). Here is the moment where breeding comes into play. The rise of breeding in the 17th and 18th centuries reflected a historical change in the role of horses in Western societies. A shift in use of horses from the sphere of military affairs to agriculture and construction work required new physical and behavioral characteristics. It is not a coincidence that the French origin of the word “dressage” connotes “making proper” or “improve” [Chrulew, Wadiwel (eds.) 2017, 141].

While Foucault initially insisted on a separation between sovereignty and discipline, it became clear that those power forms coexist and can reinforce one another [Foucault 2003]. Palmer [Palmer 2001] analyzes discipline and sovereignty in the treatment of pets with a colorful example of a cat, Yuri, whose behavior is disciplined and whose body is maintained to satisfy certain standards and modified to prevent transgressions of the established order. Yuri’s destiny makes it clear that discipline and the exercise of the owner’s sovereignty interweave. “He returns, some hours later, asleep and castrated; when he wakes up he no longer urinates on the furniture; his behaviour is calmer, less aggressive, he sleeps more, sits on his owner’s lap more. The external practices of castration have changed his behaviour; now he fits more comfortably into his owner’s environment and disciplinary regime... Ultimately, if the power play becomes too difficult, or Yuri’s presence becomes too time-

consuming or expensive, his owner can have him “put to sleep” or (less euphemistically) killed – a more final end to power relations” [Palmer 2001, 357-358].

Neutering is not only the practice of sterilization applied to male domestic animals and pets, but a discursive event that establishes a specific order of signification [Palmer 2001]. Palmer [Palmer 2001] notes that apart from producing desirable behavior, “desexualization” of animals eliminates “evidence of animal sexuality from the domestic environment: animal sexuality which might be disturbing for many reasons (a constant reminder of that which is kept hidden in human relationships; a reminder that a pet is an adult mammal rather than an infant; the cause of transgressive displays or behaviors)” [Palmer 2001, 357].

Wild animals can be subjected to disciplinary power as well. Rinfret [2009] developed the related discussion of the reintroduction of wild species, including animals and birds. In introductory programs, nature is redefined in utilitarian terms, as “a system of systems that can be dismantled, redesigned, and assembled anew to produce its many resources efficiently and in adequate amounts when and where needed in the modern marketplace” (cited by: [Rinfret 2009, 573]). Wild animals are part of this economy, included in circulation through various interventionist technologies, such as training, monitoring, and assisting migration. Such “species management” aims at “controlling the behaviors of animals to preserve, or rather restructure, what humans consider to be their wildness” [Rinfret 2009, 576]. As an example, the reintroduction of whooping cranes in the US took place because of a notable decline in the local population. Cranes born in captivity are going through certain programs, preparing for survival in a natural context. The birds are trained to recognize the sound of an airplane and follow it, exploring a “natural” migration track. In another case, condors that were released from the zoo got GPS devices on their wings, allowing daily monitoring of the birds. The docile bodies of endangered animals are supposed to be visible and compliant with scientific schemes aimed at facilitating incorporation into or occasionally protection from the natural environment. Eventually, “[t]he reintroduction efforts of these species induce constructed and

disciplined behavior, creating not a wild animal, but a managed one” [Rinfret 2009, 576].

Constitutive practices of power

Constitutive practices “affect the biological constitution and form of animals” [Palmer 2001, 354]. They involve breeding, genetic alteration, and other ways to optimize an animal body. Palmer [Palmer 2001] links constitutive practices to the notion of biopower invented by Foucault [Foucault 2003] to signify a mode of domination focused on managing the population at the biological level. Biopower is productive since it generates new identities, practices, and discourse, and it is futuristic being concerned with future hazards to be addressed in the present [Palmer 2001]. It may employ methods of previous epochs – disciplinary and coercive – striving to maintain homeostasis of the system [Foucault 2003].

Biopower is typically exercised on animals [Chrulow, Wadiwel (eds.) 2017, 183] in a form of “scientifically-based care” [Chrulow 2011, 144]. Scientific management of animal life is clearly observed in zoological gardens and natural reserves as feeding, protection, medical treatment, and mating. “They [animals] receive medical care to prevent and cure injury and disease. They are unburdened by stress and trained to perform natural behaviors. Demanding only the sacrifice of freedom, the zoo is an apparatus for the production of paradise” [Chrulow 2011, 145]. The purpose is to ensure the wellbeing and survival of endangered species, but it involves constant surveillance, exposure to spectators, disciplining, breeding experiments, and the risk of being euthanized if the animals do not satisfy the owners’ expectations. Eventually, the paradise turns into bare life, highly dependent on people’s interests and services. Zoos produce impaired animal bodies, modified and much less fit to survive on their own, and they also produce an artificial version of nature, manipulated to satisfy practical and ideological human objectives. Thus, breeding – “controlled reproduction” [Srinivasan 2013, 113] – enables the management and exploitation of animals in domains of labor or entertainment. As Hansen [Chrulow, Wadiwel (eds.) 2017] demonstrated with horse dressage, “high-priced” female horses are subjected to a life of being reproductive machines: “Broodmares, if they are

able to produce talented prospects on a regular basis, stay at their job their entire lives, often until their middle age, with one pregnancy after another, each offspring removed after a short period of time” [Chrulow, Wadiwel (eds.) 2017, 133]. Horses that do not provide good results for dressage are sold for agricultural or private needs.

Discourses and rationalities enable constitutive practices of power [Miller, Rose 1990]. Classification and documentation provide a basis for the related politics [Srinivasan 2013; Taylor 2013]. Biopower works by differentiating specific groups within the population to be treated differently [Srinivasan 2013]. Srinivasan explored the effects of the rhetorical construction of dogs in the UK and Indian legislation on related policies. The discourses on dogs and their treatment are shaped by the animals’ status in relation to humans. The UK legislation perceives dogs exclusively as a type of human possession; ownerless animals are defined as illegitimate, incapable of living a “good life,” and thus subjects for euthanasia. In this way, the “truth discourse” constructs a connection between homelessness, wellbeing, and life value. It is the Agamben mode of biopolitics expressed in the formula “live well or die” [Srinivasan 2013, 106]. In contrast, Indian legislation, initially tailored after the British model, recognizes the possibility of the existence of stray animals beyond humans’ needs, and it establishes roles (“pets,” “working animals,” or “experimental objects in laboratories”). This allows stray dogs to be seen in urban public places without strict control and violence from the side of the authorities.

Therapeutic rhetoric is a feature of biopower that found conceptualization in the notion of *pastoral power* [Cole 2011]. Pastoral power initially developed in the Hebraic shepherd’s leadership as positive and productive power, manifesting itself by facilitating individual beings on their way toward salvation [Foucault 1997]. Today, the theme of care increasingly fashions legislation toward animals and public rhetoric [Cole 2011; Srinivasan 2013]. Neutering is reframed with the emphasis on value for the animals themselves, including perspectives for food, overall health status, and longevity. This led to the justification of neutering for pets and stray animals, individual animals and animal populations [Srinivasan 2013]. In contrast to a previous view

of animals in terms of machinery, nonhumans have increasingly become recognized as affective creatures, having specific desires and capable of experiencing, apart from pain and physical suffering, emotions such as joy, frustration, and desire [Srinivasan 2013; Anneberg et al. 2012]. This “emotional turn” [Cole 2011, 89] builds on the recognition of animals’ subjectivities. It develops instruments and procedures to attain animals’ living conditions in relation to their personalities and emotional states [Anneberg et al. 2012]. These “therapeutic” moves, however, do not promise to liberate the animals, but rather to construct and legitimize more sophisticated methods of exploitation [Cole 2011].

Power across the ontological borders

Regulatory power – a variation of biopower that emphasizes the self-conduct of individuals as “regulated autonomy” (cited by: [Rutherford 1999, 60]) – was difficult to apply directly to animals [Srinivasan 2013]. Lacking self-reflexivity, animals cannot exercise the *ethics of the self*, which is central to this form of domination [Srinivasan 2013]. In this context, the notion of *agential subjection* is introduced to signify human agents’ “internalization of truth discourses and practices relating to animal being and wellbeing” [Srinivasan 2013, 115]. Animal rights advocacy is an example of agential subjection. As seen in the analysis above of neutering politics, the emphasis on animal welfare, however, might justify the damage done to animals by interventions framed in therapeutic terms.

Critical studies show that the emotional turn in public discourse on animal welfare shapes subjectivities and human – animal relations [Chrulaw, Wadiwel (eds.) 2017; Cole 2011; Srinivasan 2013]. Thus, the politics of ethical consumption build on the technologies of the self. Cole [Cole 2011] analyzed the concept of “happy meat” – framing some UK meat products in ethical terms by linking livestock welfare with meat quality – to show how regulatory power operates to benefit the dominant species. Animals continue to be killed and consumed while consumers get a moral self-benefit. As summarized: “Happy meat discourse then, represents the “popular” expression of pastoral power relations manifested in “animal centred”

welfare discourse. It facilitates adoption of the benevolent role of pastor in place of the disciplinary role of gaoler. It reassures consumers that they *know* the needs and desires of “farmed animals,” and that those needs and desires are being fulfilled precisely *because* they eat the flesh of those animals. The animals themselves therefore live self-mortifying lives of perfect submission to the aesthetic norms of their “consumers’ ” [Cole 2011, 95-96]. Similarly, the discursive construction of laboratory animals in medical ethical guidelines as care recipients functioned as self-pardon for scientists [Chrulaw, Wadiwel (eds.) 2017].

Discourses that constitute human collectives might affect human – animal interactions. Hansen [Chrulaw, Wadiwel (eds.) 2017] analyzes a phenomenon of “natural horsemanship” to show how new ethical frontiers of human society affect cross-species relationships. The classical mode of horsemanship was based on the idea of forced obedience of the horse to the demands of the riding human. With the democratization of Western political regimes, however, the emphasis changed to self-management and cooperation, reflecting class dynamics. The horse has become reframed as “someone to be negotiated with, rather than something to be deployed” [Chrulaw, Wadiwel (eds.) 2017, 145]. The horse and the rider are now believed to be involved in a process of continuous interaction aimed at securing a coordinated performance. The rhetoric of cooperation shadows the disciplinary nature of the new technologies of horsemanship. It constructs an idea of relatively balanced exchange, assigning the animal self-directed personhood. The relations of power became less visible, but they did not disappear. “The horse here becomes the physical expression of human thought, a process that requires such a finely tuned level of coordination that the horse fails to realize his / her own submission to another’s commands, rather like the well-trained ballet dancer in Xenophon. For the rider, the synchronicity of riding involves the extension of the human body through equipment, including bridle and saddle, into and onto the horse’s body to allow for command and control, or ‘communication’ in the discourse of partnership” [Chrulaw, Wadiwel (eds.) 2017, 152].

In the global context, regulatory power appears in the management of the ecosystem [Chrulaw, Wadiwel (eds.) 2017; Rutherford 1999].

Countries around the globe have engaged in “green governmentality” and “enviro-discipline” [Luke 1999, 146]: “The authority of eco-knowledgeable, geo-powered forces to police the fitness of all biological organisms and the health of their natural environments.” This discipline works to produce institutional structures and identities that allow “surviving” and “sustainability.” Nature is commodified and turned into “the human race’s ‘ecological life-support system,’ which has ‘with only occasional localized failures’ provided ‘services upon which human society depends consistently and without charge’ ” (cited by: [Luke 1999, 146]). Thus, genetic engineering allows for the enhancement and revitalization of endangered species in the name of preserving biodiversity. As an effect, “[m]embers of endangered species are subjected to an increasingly intensive anatomo-politics of the animal body: regular testing, extraction of fluids, transportation, enforced tranquilization, separation and recombination of social groups, imposed breeding and the removal of offspring... that is, veritable abduction and rape at the hands of their shepherds, with all the supposedly humorous sexual confusion this generates” [Chrulew 2011, 148].

Concerns in environmental issues has emerged with the development of natural sciences, colonialism, and transnational capitalism [Rutherford 1999]. Contemporary environmentalism “problematizes the environment as the previously taken for granted biological basis for human life, and constitutes it as a domain of social concern and potential political conflict” [Rutherford 1999, 52]. Population management becomes increasingly linked to managing the environment, since ecology turns into “the rationale behind a *new form of political economy*” [Rutherford 1999, 54]. With the proliferation of biology and other natural sciences, the natural environment becomes knowable and calculable, and an object of governing [Rutherford 1999; Rutherford 2007].

In this way, domination exercised on humans and animals is interwoven. As noted regarding sovereign and disciplinary techniques, a 19th-century ban on cockfighting in Europe worked to discipline lower social classes [Chrulew, Wadiwel (eds.) 2017]. The “animality machine” was put to work dehumanizing those marked as

uncivilized: “Savages, children and working-class, still enjoying the old spectacles of cruelty, are now figured as a sort of intermediate species separating the ‘humane’ bourgeoisie from the wild beasts in the bear garden and the cockpit” [Chrulew, Wadiwel (eds.) 2017, 185]. Along the same alley, Thierman [2010] in an analysis of a journalistic investigation, explained how domination in human – animal interactions mirrors power-laden relations among humans and how the rhetoric of animalization among workers at a slaughterhouse is used to reproduce race-based discrimination. As reported, in the slaughterhouse, the managerial role comprises surveillance and the exercise of force: managers are always ready to take harsh measures, and their localization resembles a privileged position in a panoptical architectural structure. A normalized classification was registered among workers with low-status work (e.g., killing and reassembling animals) and strictly associated with specific ethnic groups. While assigned to others, work on the cutting line was experienced as dehumanization. Thus, as Agamben [Agamben 2004] suggested, the anthropological machine operated to produce a division among workers by the interplay between inclusion and exclusion, human and animal. Not only identities but human corporeality is molded by the surrounding milieu: individuals are hurt and exhausted by the working technologies and assignments. As a result, “[w]orkers simultaneously bring home ‘the bacon’ and find themselves transformed by their environment into a slaughterhouse body” [Thierman 2010, 106].

Conclusion

Human – animal relationships trigger evident social concern. This paper systematically reviewed early contributions to the field of critical animal studies that use Foucauldian tradition. It showed how practices of animal treatment in different contexts exhibit various forms of domination, including control and execution, training and shaping, management and biopolitical regulation. Moreover, humans’ technologies of self-regulation manifested themselves in relation to animals and the natural environment more broadly.

However, some doubts exist regarding a direct application of Foucault’s idea of power in

the analysis of human – animal interactions. For Foucault, the fundamental feature of power is its relationality or an imperative of strategic exchange between interacting partners [Palmer 2001]. Animals, however, are typically seen as lacking agency and being therefore reactors rather than actors, [Palmer 2001; Srinivasan 2013]. Several proposals emerged to address this problem. As pointed out, the very definition of resistance can be broadened to include unreflective transgressions and therefore emphasize the very possibility of challenging power [Palmer 2001]. Moreover, the focus of analysis can be shifted to humans' actions and ideologies, as in the discussion on agential subjection [Srinivasan 2013].

As argued in this article, the situation is more complex. Power runs within and across ontological boundaries, which are rhetorically constructed. In this context, an interrogation of what Agamben termed an anthropological machine is crucial. As summarized by Chrulew [Chrulew 2012, 58]: “Agamben’s focus is on how the anthropological machine produces a state of exception *within* the human, whether via an inclusion of the outside (the premodern humanization of animals in the slave and barbarian) or an exclusion of the outside (the modern animalization of man’s biological body as bare life).” It follows that in the anthropocentric world, animals are always already abjected and subordinated to humans. The way out would be a post-humanist politics that recognizes the interconnectedness and interdependency of humans and the natural environment. Chrulew [Chrulew 2012] gets inspiration from the notion of “the poor” suggested by the Italian philosopher Antony Negri: “The poor,” he (Negri. – *L. R.*) writes “are excluded from the world that they produce, but that power becomes resistance and resistance nourishes new power.” Perhaps in this conception of poverty we can bring closer together the lives of human and animals (not simply *seen* as but *made* to be “poor-in-world,” whether the tick in the library or the cows in the factory farm), who notwithstanding their ontological differences, are nonetheless exploited in common by the working capitalist biopower and the anthropological machine” [Chrulew 2012, 63].

The acknowledgment of a common destiny of both humans and nonhumans might facilitate the accumulation of bioenergy of the common and

its channeling to contest the global capitalist order of domination. According to Wolfe [2012, 105], “The biopolitical point is no longer ‘humans’ vs ‘animals’: the biopolitical point is new expanded community of the living and the concern we should have with where violence and immunity protection fall within it, because we are all, after all, potential animals before the law.”

Discourses and classification give structure to nonhuman collectives. Wolfe [2012, 54-55] emphasizes dualism in naming and threatening animals. Some nonhumans are considered as “family members” and cared for; other members of the same species can be killed. A type of “ideologeme” cuts across nonhuman species differently, shaping conditions and life prospects of individual living beings: “it makes little or no sense to lump together in the same category the chimpanzee who endures biomedical research, the dog who lives in your home and receives chemotherapy, and the pig who languishes in the factory farm” [Wolfe 2012, 55]. Similarly, Kirk [Chrulew, Wadiwel (eds.) 2017] problematizes a legal framework that emerged around clinical experimentation. It embodies a fundamental paradox of perception of laboratory animals as simultaneously closely resembling humans and thus suitable for testing and fundamentally different from humans to morally justify their subjection to medical manipulation and frequently death. Indeed, how could one explain, let us say to a child who visited a laboratory and afterwards wanted to replicate the observed scientific procedures at home on a pet, that laboratory animals are “an exception”? [Chrulew, Wadiwel (eds.) 2017].

In this context, the contemporary human practices of protecting animals might become contestable. The idea of animal rights primarily concerns species who are known and “who are most like us” primarily to mammals [Tester 1991, 14]. Fish, insects, and other distant species are hardly present in the discussions over animal rights, vegetarianism, or anti-vivisection. Some scholars suggest that the very classification of animals aims to clarify the nature of a human. Eventually, animal rights turn to be anthropocentric: they are not just about animals, or in fact not that much about animals, as about human society and its anthropocentric morality and operation. According to Tester: “[t]he crucial facet of animal

rights is precisely that it states claims which are asked to do something about it; animal rights is a social problem” [Tester 1991, 16].

Can we, as Wolfe [Wolfe 2012] asks, drop altogether all the classifications? Should we allow viruses and bacteria to spread and dominate or even destroy our lives? The answer is still not obvious. Thierman [Thierman 2010, 110] turns our attention to mutuality and coevolution of humans and nature. The scholar refers to Donna Haraway’s contributions from her experience with companion species. They problematized the very possibility of authenticity looking instead for “co-constitutive nature cultural dancing, holding in esteem and regard open to those who look back reciprocally” (cited by: [Thierman 2010]). While impressive work has already been done on the analysis and conceptualization of human – animal interactions, more studies are to come with new critical research, social dialogue, and social activism.

REFERENCES

- Agamben G., 1998. *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life*. Stanford, Stanford University Press.
- Agamben G., 2004. *The Open: Man and Animal*. Stanford, Stanford University Press.
- Anneberg I., Vaarst M., Sørensen J.T., 2012. The Experience of Animal Welfare Inspections as Perceived by Danish Livestock Farmers: a Qualitative Research Approach. *Livestock Science*, vol. 147, pp. 49-58.
- Chrulew M., 2011. Managing Love and Death at the Zoo: The Biopolitics of Endangered Species Preservation. *Australian Humanities Review*, vol. 50, p. 137.
- Chrulew M., 2012. Animals in Biopolitical Theory: Between Agamben and Negri. *New Formations*, vol. 76, pp. 53-67.
- Chrulew M., Wadiwel D. (eds.), 2017. *Foucault and Animals*. Leiden; Boston, Brill.
- Cole M., 2011. From “Animas Machines” to “Happy Meet”? Foucault’s Ideas of Disciplinary and Pastoral Power Applied to “Animal-Centred” Welfare Discourse. *Animals*, vol. 1, pp. 83-101.
- Foucault M., 1997. *Ethics: Subjectivity and Truth*. New York: The New Press. (The Essential Works of Michel Foucault, 1954–1984; vol. 1).
- Foucault M., 2003. *Society Must be Defended: Lectures at the Collège De France, 1975-76*. New York, Picador.
- Luke T., 1999. Environmentality as Green Governmentality. *Discourses of the Environment*. Oxford, Blackwell Publishers, pp. 121-151.
- Michelfelder D., 2003. Valuing Wildlife Population in Urban Environments. *Journal of Social Philosophy*, vol. 34, no. 1, pp. 79-90.
- Miller P., Rose, N., 1990. Governing Economic Life. *Economy and Society*, vol. 19, no. 1, pp. 1-31.
- Palmer C., 2001. “Taming the Wild Profusion of Existing Things”? A Study of Foucault, Power and Human/Animal Relationships. *Environmental Ethics*, vol. 23, pp. 339-358.
- Palmer C., 2003. Colonization, Urbanization, and Animals. *Philosophy & Geography*, vol. 6, no. 1, pp. 47-58.
- Pedersen H., 2011. Release the Moths: Critical Animal Studies and the Posthumanist Impulse. *Culture, Theory and Critique*, vol. 52, no. 1, pp. 65-81.
- Rinfret S., 2009. Controlling Animals: Power, Foucault, and Spices Management. *Society and Natural Resources*, vol. 22, no. 6, pp. 571-578.
- Rutherford P., 1999. *The Entry of Life into History. Discourses of the Environment*. Oxford, Blackwell Publishers, pp. 37-62.
- Rutherford S., 2007. Green Governmentality: Insights and Opportunities in the Study of Nature’s Rule. *Progress in Human Geography*, vol. 31, no. 3, pp. 291-307.
- Srinivasan K., 2013. The Biopolitics of Animal Being and Welfare: Dog Control and Care in the UK and India. *Transactions of the Institute of British Geography*, vol. 38, pp. 106-119.
- Taylor Ch., 2013. Foucault and Critical Animal Studies: Genealogies of Agricultural Power. *Philosophy Compass*, vol. 8/6, pp. 539-551.
- Tester K., 1991. *Animals and Society: The Humanity of Animal Rights*. London; New York, Routledge.
- The Institute for Critical Animal Studies (ICAS) (n.d.)*. About. URL: <https://www.criticalanimalstudies.org/about>
- Thierman S., 2010. Apparatus of Animality: Foucault Goes to a Slaughterhouse. *Foucault Studies*, vol. 9, pp. 89-110.
- Wolfe C., 2012. *Before the Law: Humans and Other Animals in a Biopolitical Frame*. Chicago; London, The University of Chicago Press.
- Wadiwel D., 2015. *The War Against Animals*. Leiden; Boston, Brill.

Information About the Author

Lika Rodin, PhD, Lecturer, School of Health Sciences, University of Skövde, G-hus, Box 408, 54128 Skövde, Sweden, lika.rodin@his.se, <https://orcid.org/0000-0001-7118-5581>

Информация об авторе

Ли́ка Роди́н, PhD, преподаватель факультета медицинских наук, Университет Сковде, здание G, ящик 408, 54128 г. Сковде, Швеция, lika.rodin@his.se, <https://orcid.org/0000-0001-7118-5581>

www.volsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.10>

УДК 130.2
ББК 87.52

Submitted: 25.08.2021
Accepted: 15.04.2022

**CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF DENIALING THE SUBSTANTIAL CHARACTER
OF THE CRISIS OF CULTURE IN POSTMODERN THEORIES**

Nadezhda A. Uglinskaya

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article discusses the conceptual foundations of ideas about the crisis that have developed in the postmodern theories. The hypothesis of the study is the assumption that the philosophical grounds of denying of the substantial nature of the crisis of culture in postmodernism include a specific understanding of culture and values, as well as a special attitude to social reality. It is shown that postmodern philosophy is characterized by a new understanding of culture in the meaning of “rhizome” (J. Deleuze and F. Guattari) – a chaotic unstable interweaving of historically changeable values. Since in such a culture the new order is chaos (“chaosmos” (J. Deleuze), the crisis becomes indistinguishable due to the impossibility of distinguishing the ordered from the chaotic. In the absence of a culture with constant values, in a postmodern rhizome culture, the decision to fill the values with content is made by the person himself, which leads to the instrumental and subjective nature of the crisis of culture – to consider a crisis that is convenient at one time or another. Comparison of the classical and postmodernist interpretations of the crisis showed that their difference is associated with a different understanding of the correlative categories of norm / deviation. From the standpoint of classical philosophy, a crisis is a departure from the norm. Accordingly, the crisis of culture is understood as a deviation from the normal (fixed in tradition) functioning of culture. In this regard, it is viewed either in a positive way as a marker of the need for evolutionary transformations, or as a danger threatening culture with destructive consequences. Postmodernism removes the norm / deviation dichotomy. This leads to the conclusion that a negative or positive understanding of the crisis is not characteristic of the methodology of postmodernism. Postmodernists with regard to social reality take a position associated with its replacement by “simulacra” (J. Baudrillard) and the clash of knowledge from different «epistemes» (M. Foucault). For this reason, the crisis of culture as an element of social reality cannot be recognized as a real phenomenon. Social reality is reduced to a narrative about reality by postmodernists. In this regard, the crisis of culture is understood as a discursive reaction to the inevitable withering away of old values, as nothing more than a “pessimistic impression” (J. Lyotard), which consist of the fact that the old universal knowledge legitimation system has outlived, and the new one has not yet been approved. It was revealed that the foundations of denying the substantiality of the crisis of culture in postmodernism are the recognition of the rhizomatic nature of culture, the historicity of values, the denial of social reality as an independent structure of being and its replacement with narratives about reality.

Key words: crisis, culture, values, crisis of culture, postmodernism.

Citation. Uglinskaya N.A. Conceptual Foundations of Denialing the Substantial Character of the Crisis of Culture in Postmodern Theories. *Logos et Praxis*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 97-103. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.10>

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ОТРИЦАНИЯ СУБСТАНЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА КРИЗИСА КУЛЬТУРЫ В ПОСТМОДЕРНИСТСКИХ ТЕОРИЯХ

Надежда Александровна Углинская

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются концептуальные основания постмодернистских представлений о кризисе культуры. В качестве гипотезы исследования выдвинуто предположение о том, что отрицание субстанционального характера кризиса культуры в постмодернизме фундировано специфическим пониманием культурных ценностей и социальной реальности. Показано, что для постмодернистской философии характерно понимание культуры в значении «ризомы» – хаотичного неустойчивого переплетения исторически изменчивых ценностей (Ж. Делез, Ф. Гваттари). В такой культуре новым порядком становится хаос («хаосмос», по определению Ж. Делеза), а новой идеологией – постмодернизм, появление которого знаменует ситуацию кризиса больших нарративов и великих проектов. В постмодернистской культуре-ризоме решение о наполнении ценностей содержанием принимает сам человек, что приводит к инструментальному и субъективному наполнению понятия «кризис культуры»: кризисом считается то, что удобно в тот или иной момент. Сравнение классической и постмодернистской трактовок кризиса показало, что их различие связано с неодинаковым пониманием соотносительных категорий норма / отклонение. С позиции классической философии кризис представляет собой отход от нормы. Соответственно, кризис культуры понимается как отступление от нормального (закрепленного в традиции) функционирования культуры. В связи с этим он рассматривается либо в положительном ключе как маркер необходимости эволюционных преобразований, либо как опасность, угрожающая культуре деструктивными последствиями. В постмодернизме снимается дихотомия норма / отклонение. Это приводит к тому, что в методологии постмодернизма различие положительного и отрицательного понимания кризиса становится невозможным. Отказ постмодернистов от признания социальной реальности, обусловленный заменой ее «симулякрами», не имеющими референта в действительности (Ж. Бодрийяр), приводит к тому, что социальная реальность сводится к нарративу о реальности, на формирование которого к тому же влияет столкновение знаний из разных «эпистем» (М. Фуко). По этой причине кризис культуры не может быть признан в качестве реального феномена – элемента социальной реальности – и понимается как дискурсивная реакция на неизбежное отмирание старых ценностей, как не более чем «пессимистическое впечатление» (Ж. Лиотар), которое складывается из-за того, что старая универсальная система легитимации знания отжила, а новая еще не утвердилась. Таким образом, концептуальными основаниями постмодернистского отрицания субстанциональности кризиса культуры выступают: утверждение ризоматического характера культуры и релятивность ценностей; отказ от признания социальной реальности как самостоятельной формы бытия и замена ее нарративами о реальности.

Ключевые слова: кризис, культура, ценности, кризис культуры, постмодернизм.

Цитирование. Углинская Н. А. Концептуальные основания отрицания субстанционального характера кризиса культуры в постмодернистских теориях // *Logos et Praxis*. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 97–103. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.10>

Тема кризиса современной культуры широко обсуждается и многозначна. В настоящее время ее актуальность обусловлена усилением кризисного сознания, которое проявляется в развитии скептического мышления, в повышении чувства опасности, тревоги. В исследовательской литературе распространение получают рассуждения о кризисном состоянии современной культуры, поиске путей

и направлений его преодоления [Ахиезер, Клямкин, Яковенко 2008; Голиков 2011; Гусейнов 2002; Запесоцкий 2011; Кирбаба 2005; Клямкин (ред.) 2011; Лапин 2011; Лексин 2009; Сидорина 2003]. Взгляды на кризис культуры как на составляющую ее развития и реально существующий феномен долгое время оставались общепризнанными. При этом о кризисе культуры говорилось в двух основных

смыслах: в негативном смысле – как о забвении фундаментальных ценностей, ведущем к катастрофическим последствиям [Бердяев 2003; Мамардашвили 1990; Шелер 1988; Ясперс 1991; и др.]; в позитивном смысле – как о продуктивных периодах эволюционных преобразований в культуре [Арманд (ред.) 1999; Назаретян 2004; и др.], необходимой стадии, соединяющей циклы развития культуры [Данилевский web; Леонтьев web; Шпенглер 1993; и др].

С появлением философии постмодернизма начинают набирать популярность концепции, в которых нивелируются проблемы, связанные с кризисом культуры, а также отрицается субстанциональный характер последнего. Подобный подход, отрицающий кризис в качестве реального и независимого феномена и приписывающий ему дискурсивный характер, на наш взгляд, является нетривиальным и нуждается в анализе. Поэтому представляется необходимым рассмотреть позиции представителей постмодернизма, чтобы определить, каким идеями они фундированы и какова их эвристическая ценность.

Постмодернизм по-новому определяет понятие культуры и ценности. Сущность постмодернистского понимания культуры отражает понятие «ризомы», введенное в философию в 1976 г. Ж. Делезом и Ф. Гваттари. Образом ризомы выступает запутанная корневая система растения, характеризующаяся отсутствием стержневого корня и состоящая из множества хаотически переплетающихся и непредсказуемых в своем развитии побегов. По аналогии с ней современная культура рассматривается как хаотичное неустойчивое переплетение связей разного уровня.

Постмодернизм рассматривает культуру как виртуальную среду, порождающую бесконечные конфигурации изменчивых ценностей, к которым приложима метафора «клубня», «луковицы» с неразличимым «стеблем». В условиях отрицания постмодернистами устойчивых ценностей-ориентиров культура из целостности, структурированной вокруг ключевых этических принципов, превращается в пульсирующую среду, находит свой порядок в хаосе, и хаос является ее необходимым свойством. Для обозначения этого состояния Ж. Делез ввел понятие «хаосмос» – меж-бытие, тождество

хаоса и космоса, реальность, которая «не может быть интерпретирована ни в качестве просто хаотичной, ни в качестве космически упорядоченной» [Грицанов, Можейко web]. Здесь нет ни привычной иерархии во главе с абсолютными ценностями, ни ожидаемого ранжирования ценностей. М. Фуко в работе «Ницше, генеалогия и история» (1971) солидаризируется с Ф. Ницше по вопросу о происхождении морали и заявляет, что не считает моральные принципы априорными. Ценностную окраску им придает человек, сознание которого не эволюционирует в направлении нравственного прогресса, а трансформируется случайно, когда разнообразные позиции сталкиваются в одном потоке времени. Следовательно, человеческие решения о ценностном наполнении норм зависят не от эволюции вида или судьбы народа, а всего лишь от «заблуждения, ошибки в оценке, плохого расчета» [Фуко (а) web]. Таким образом, интерпретация и оценка кризиса культуры будут целиком зависеть от вложенного в него субъективного смысла.

Характерное для постмодернизма отрицание субстанционального характера кризиса культуры вытекает из трактовки социальной реальности в духе конструктивизма. Этой точки зрения придерживаются многие постмодернисты, в том числе М. Фуко, который писал: «Нет ни истины, ни бытия, но лишь экстеринность случая» [Фуко (а) web]. Он выражает эту идею, используя понятие «эпистема», обозначающее пространство представлений, характерное для определенной эпохи. М. Фуко выделяет античную, средневековую, возрожденческую, просветительскую и современную эпистемы. По М. Фуко, эпистема – система предпосылок, на которой основываются знания. А система знаний (совместно с другими программами человеческой деятельности) – это культура. Так, можно сказать, что предпосылки наших знаний определяют культуру и деятельность, а не наоборот.

М. Фуко не использовал понятие «кризис культуры», однако его работы дают основание определить кризис культуры как процесс, при котором сталкиваются знания, основания которых находятся в разных эпистемах.

Примером такого столкновения знаний могут служить различные толкования высказывания Фуко о том, что человек оказывает-

ся низвергнутым с пьедестала культуры: «В наши дни мыслить можно лишь в пустом пространстве, где уже нет человека. Пустота эта не означает нехватки и не требует заполнить пробел. Это есть лишь развертывание пространства, где наконец-то можно снова начать мыслить» [Фуко (б) web]. Если при интерпретации этого высказывания исходить из классической эпистемы, то оно означает, что исчезает онтология человека, человеческая сущность, и, следовательно, кризис культуры является реальным феноменом, угрожающим человеческому существованию. Если же исходить из современной эпистемы, то исчезает не человек вообще как абстрактная человеческая природа, а человек в классическом понимании: «Всем тем, кто еще хочет говорить о человеке, о его царстве и его освобождении, всем тем, кто еще ставит вопросы о том, что такое человек в своей сути, всем тем, кто хочет исходить из человека в своем поиске истины, и, наоборот, всем тем, кто сводит всякое познание к истинам самого человека, всем тем, кто не согласен на формализацию без антропологизации, на мифологизацию без демистификации, кто вообще не желает мыслить без мысли о том, что мыслит именно человек, – всем этим несуразным и нелепым формам рефлексии можно противопоставить лишь философический смех, то есть, иначе говоря, безмолвный смех» [Фуко (б) web]. Таким образом, столкновение классической и современной эпистем понимается автором как кризис культуры.

Ж. Бодрийяр исследовал кризисы в обществе, но социальные кризисы отражают сущность кризиса культуры, так как культура представляется автору неотъемлемой частью общественного процесса. В книге «Общество потребления» (1970) Бодрийяр применил понятие «кризис» к процессу потребления и выделил такие проявления кризиса, как исчезновение межличностных отношений между людьми, замещение их культом неискренней приветливости и социальной заботы, лишение человеком своей идентичности, невозможность понимания себя в отрыве от других, позиционирование человека в значении средства, а не цели.

Однако, рассуждая о причинах социального кризиса, он пришел к выводу, что кризис

существует в представлениях, обусловленных классическим мышлением. Критическое отношение к обществу, на взгляд автора, обусловлено не его недостатками, а классическим стилем мышления, ориентированным на нравственные установки «практики благосостояния», «общества блага», «знания», «социальной заботы», «прогресса», которые приводят к пониманию реальности как кризисной. Если принять классическую установку на рациональное функционирование культуры, общества и деятельности человека, то насилие, беспорядки, происходящие в обществе, будут казаться проявлениями кризиса культуры, так как они противоречат идее прогресса: «Именно потому, что мы живем с *моральной* иллюзией насчет осознаваемой целенаправленности всех вещей, насчет фундаментальной рациональности индивидуальных и коллективных решений (вся система ценностей основана на этом: якобы существует у потребителя абсолютный инстинкт, который влечет его, по существу, к избранным целям, – это *моральный* миф о потреблении, который является прямым наследником идеалистического мифа о человеке, естественно ориентированном на Благо и Добро), насилие кажется нам отвратительным, абсурдным, дьявольским» [Бодрийяр web].

На самом деле, по Бодрийяру, в культуре уже давно нет ничего отрицательного или положительного. Все вещи лишились своих сущностей и ценностей. Они были заменены симулякрами. Понятие «симулякр» Бодрийяр вводит для обозначения тех лишенных содержания оболочек, которые остались нам от реальности.

Кризис культуры, с позиции философии постмодернизма, не является реальным, а существует лишь в представлениях, господствующих в культуре. Он становится системой знаков, необходимым контрдискурсом для дискурса культуры. Так же, как, например, для дискурса потребления, по Бодрийяру, необходимо существует свой антидискурс: «Как всякий уважаемый великий миф, миф “потребления” имеет свой дискурс и свой антидискурс, то есть экзальтированный дискурс об изобилии повсюду сопровождается “критическим” контрдискурсом, угрюмым и морализующим, занятым преступлениями общества потреб-

ления и указаниями на трагическое влияние, которое оно может иметь на цивилизацию в целом» [Бодрийяр web].

Таким образом, кризис культуры является необходимым антидискурсом для мифологизации культуры как системы, существования объективной реальности и постоянных ценностей, порядка, развития, прогресса и т. п.

Ж.-Ф. Лиотар в работе «Состояние Постмодерна» (1979) отметил, что культура и социальность не являются формами реальности, а представляют собой нарративы («рассказы» о реальности). Лиотар выделил уровни нарративов (метанарративы и микронарративы) и кризис культуры связал со спецификой использования метанарративов. Такие метасценарии, как, например, диалектика Духа и эмансипация субъекта, не отображают адекватно современную культуру. Кризис метанарративов, по Лиотару, заключается в том, что методы легитимации знания, которые характерны для великих рассказов, в современных условиях становятся неэффективными.

Кризис культуры Ж. Лиотар усмотрел не в сферах жизни, а в соответствующих им нарративах (научных, политических, художественных и т. д.). Постсовременность, на взгляд автора, характеризуется плюрализмом нарративов, что усиливает представление о кризисе культуры: «Новые языки присоединяются к старым, образуя пригороды старинного города: “химическая символика”, “обозначения для исчисления бесконечно малых”. Спустя тридцать пять лет, к ним можно еще добавить машинные языки, матрицы теории игр, новые музыкальные нотные обозначения, логические неденотативные обозначения (логики времени, деонтические логики, модальные логики), язык генетического кода, графы фонологических структур и т. д. Этот раскол может повлечь пессимистическое впечатление: никто не говорит на всех этих языках, нет универсального метаязыка, проект “система-субъект” провалился, а проект освобождения ничего не может поделать с наукой...» [Лиотар web].

Таким образом, кризис культуры, по Лиотару, – это не более чем «пессимистическое впечатление», которое складывается из-за того, что старая универсальная система легитимации знания отжила, а новая еще не была утверждена. Кризис философ понимал как

дискурсивную реакцию на неизбежное отрицание старых ценностей, характерную для современной культуры. Поэтому к кризису культуры нельзя относиться негативно, как это происходит с позиции «райских» представлений о потерянном «органическом» обществе [Лиотар web].

Кризис метанарративов предусмотрен спецификой современной культуры. Причину кризиса культуры автор видел в ошибочных представлениях, которые возникают, когда к нестабильному обществу пытаются приложить принципы, характерные для стабильного общества.

По мнению постмодернистов, существование мира зависит от дискурса о мире. Дискурс всегда является интерпретацией, и не существует его конечного значения. Таким образом, Лиотар утверждает дискурсивную природу кризиса. В ситуации, когда все дискурсивно, проблема кризиса культуры снимается. Изначальная недостижимость объяснения причин и сущности кризиса, невозможность высказывания объективного свидетельства о его существовании снимают все проблемы, касающиеся его преодоления, и лишают смысла все проекты, направленные на поиски путей выхода из него.

Признавая дискурсивную природу социокультурной реальности и отрицая наличие в ней прогресса и кризисов, постмодернисты должны быть готовы к признанию, что их подход также является лишь одной из трактовок хаотичных представлений о реальности. Если кризис культуры иллюзорен и обусловлен доминированием традиционной системы ценностей, то где гарантия, что философские взгляды постмодернистов не порождены кризисными явлениями незавершенного модерна?

Анализ постмодернистских теорий позволяет сделать вывод о том, что отрицание субстанционального характера кризиса культуры обусловлено двумя группами концептуальных оснований: во-первых, специфическое отношение к культуре и ценностям, предполагающее понимание культуры в значении «ризомы» и принятие существования лишь исторически изменчивых ценностей, во-вторых, отрицание социальной реальности как самостоятельной структуры бытия, признающее ее дискурсивный характер.

Культура-ризом не имеет цели и хронологии, это открытая нелинейная система без точки отсчета. Ризоматическое определение культуры дало постмодернистам основание заявить, что существуют лишь исторически изменчивые ценности и кризису культуры нельзя придать оценку. Идея порядка в значении хаоса применительно к состоянию культуры привела к мнению о том, что невозможно выделить кризис такой культуры, кризис становится неразличим, так как в привычном понимании его результаты подлежат оценке – он приводит либо к порядку, либо к хаосу.

Постмодернистское отрицание социальной реальности и замена ее нарративами приводит к признанию дискурсивного характера кризиса культуры, вследствие чего он перестает мыслиться частью развития культуры и понимается как ошибочное представление человека, который потерял идеал и, не осознав этого, продолжает применять старую ценностную шкалу к изменившемуся миру. В данном смысле кризис культуры выполняет определенную функцию – он становится необходимым контрдискурсом для дискурса культуры в классическом понимании. Так, кризис культуры в философии постмодернизма предстает инструментом свержения классического представления о культуре, ценностях и социальной реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арманд (ред.) 1999 – *Арманд А.Д. (ред.)*. Анатомия кризисов. М.: Наука, 1999.
- Ахиезер, Клямкин, Яковенко 2008 – *Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* История России: конец или новое начало? М.: Новое изд-во, 2008.
- Бердяев 2003 – *Бердяев Н.А.* Дух и реальность. М.: АТС; Харьков: Фолио, 2003.
- Бодрийяр web – *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры // <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3464>
- Голиков 2011 – *Голиков Ф.Ф.* Антропологические основания кризиса культуры взаимодействия людей // Дефиниции культуры. Вып. IX: сб. тр. участников Всерос. семинара молодых ученых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. С. 225–230.
- Грицанов, Можейко web – *Грицанов А.А., Можейко М.А.* Постмодернизм. Энциклопедия // https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/PostModern/_94.php
- Гусейнов 2002 – *Гусейнов А.А.* Философия. Мораль. Политика. М.: Академкнига, 2002.
- Данилевский web – *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа // <http://monarhiya.narod.ru/DNY/dny-list.htm>
- Делез, Гватари 2010 – *Делез Ж., Гватари Ф.* Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.
- Запесоцкий 2011 – *Запесоцкий А.С.* Философия и социология культуры. СПб.: СПбГУП: Наука, 2011.
- Кирбаба 2005 – *Кирбаба Ю.В.* Феномен кризиса в системе культуры // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2005. № 5 (28). С. 75–82.
- Клямкин (ред.) 2011 – *Клямкин И.М. (ред.)*. Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных диалогов. М.: Новое изд-во, 2011.
- Лапин 2011 – *Лапин Н.И.* Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования. 2011. № 9. С. 3–18.
- Лексин 2009 – *Лексин В.Н.* Цивилизационный кризис и его российские последствия // Общественные науки и современность. 2009. № 6. С. 5–18.
- Леонтьев web – *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство // http://lib.ru/FILOSOF/LEONTIEV_K/wisantzizm_slawyanstwo.txt
- Лиотар web – *Лиотар Ж.* Состояние постмодерна // http://lib.ru/CULTURE/LIOTAR/liotar.txt_with-big-pictures.html
- Мамардашвили 1990 – *Мамардашвили М.* Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990.
- Назаретян 2004 – *Назаретян А.П.* Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. Синергетика – психология – прогнозирование. М.: Мир, 2004.
- Поппер web – *Поппер К.* Открытое общество и его враги // https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Popp/index.php
- Сидорина 2003 – *Сидорина Т.Ю.* Философия кризиса. М.: Флинта: Наука, 2003.
- Фуко (а) web – *Фуко М.* Ницше, генеалогия и история // <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000552/index.shtml>
- Фуко (б) web – *Фуко М.* Слова и вещи // http://lib.ru/CULTURE/FUKO/weshi.txt_with-big-pictures.html
- Шелер 1988 – *Шелер М.* Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии: пер. М.: Прогресс, 1988. С. 31–95.
- Шпенглер 1993 – *Шпенглер О.* Закат Европы. Новосибирск: Наука: Сиб. изд. фирма, 1993.
- Ясперс 1991 – *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.

REFERENCES

- Armand A.D. (ed.), 1999. *Anatomy of Crises*. Moscow, Nauka Publ.
- Ahiezer A., Klyamkin I., Yakovenko I., 2008. *History of Russia: The End or A New Beginning?* Moscow, Novoe izd-vo.
- Berdyayev N.A., 2003. *Spirit and Reality*. Moscow, ATS Publ.; Kharkiv, Folio Publ.
- Baudrillard J., 2008. *The Consumer Society: Myths and Structures*. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3464>
- Golikov F.F., 2011. Anthropological the Foundations of the Crisis of the Culture of Interaction of People. *Definicii kul'tury: sb. tr. uchastnikov Vseros. seminara molodyh uchenyh*. Tomsk, Izd-vo TSU, vol. 9, pp. 225-230.
- Gricanov A.A., Mozhejko A.M., 2001. *Postmodernism. Encyclopedia*. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/PostModern/_94.php
- Gusejnov A.A., 2002. *Philosophy. Morality. Politics*. Moscow, Akademkniga Publ.
- Danilevsky N.Ya., 1995. *Russia and Europe*. URL: <http://monarhiya.narod.ru/DNY/dny-list.htm>
- Deleuze G., Guattari F., 2010. *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*. Yekaterinburg, U-Faktoriya Publ.; Moscow, Astrel' Publ.
- Zapesockij A.S., 2011. *Philosophy and Sociology of Culture*. Saint Petersburg, SPbGUP, Nauka Publ.
- Kirbaba Yu. V., 2005. The Phenomenon of Crisis in System of Culture. *Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, no. 5 (28), pp. 75-82.
- Klyamkin I.M. (ed.), 2011. *Where is the Crisis of Culture Leading? Experience of Interdisciplinary Dialogues*. Moscow, Novoe izd-vo.
- Lapin N.I., 2011. Sociocultural Factors of Russian Stagnation and Modernization. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 9, pp. 3-18.
- Leksin V.N., 2009. The Civilization Crisis and Its Russian Consequences. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 5-18.
- Leontiev K.N., 1996. *Byzantism and Slavism*. URL: http://lib.ru/FILOSOF/LEONTIEV_K/wisantizm_slawyanstwo.txt
- Lyotard J.F., 1998. *The Postmodern Condition*. URL: http://lib.ru/CULTURE/LIOTAR/liotar.txt_with-big-pictures.html
- Mamardashvili M., 1990. *How do I Understand Philosophy?* Moscow, Progress Publ.
- Nazaretyan A.P., 2004. *Civilization Crises in the Context of Universal History. Synergetics – Psychology – Forecasting*. Moscow, Mir Publ.
- Popper K. *The Open Society and Its Enemies*. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Popp/index.php
- Sidorina T.Yu., 2003. *Philosophy of Crisis*. Moscow, Flinta Publ.: Nauka Publ.
- Foucault M. (a). *Nietzsche, Genealogy, History*. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000552/index.shtml>
- Foucault M. (b). *Words and Things*. URL: http://lib.ru/CULTURE/FUKO/weshi.txt_with-big-pictures.html
- Sheler M., 1988. Man's Position in the Universe. *Human Problems in the Western Philosophy: transl.* Moscow, Progress Publ., pp. 31-95.
- Spengler O., 1993. *The Decline of the West*. Novosibirsk, Nauka Publ., Sib. izd. firma.
- Jaspers K., 1991. *The Origin and Goal of History*. Moscow, Politizdat.

Information About the Author

Nadezhda A. Uglinskaya, Applicant of the Candidate of Sciences Degree, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, 400062 Volgograd, Russian Federation, elpis.87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5593-0913>

Информация об авторе

Надежда Александровна Углинская, соискатель кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, elpis.87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5593-0913>

Миссия журнала «Logos et Praxis» – создание единого информационного и коммуникативного пространства для специалистов в области наук о человеке, обществе и культуре.

Свою задачу редакция журнала видит как в привлечении к сотрудничеству известных ученых, так и в поддержке научной активности молодых исследователей. Журнал призван содействовать распространению результатов научных исследований и созданию дискуссионного поля для обмена научными достижениями и исследовательским опытом между представителями различных сфер социального знания.

В журнале представлены теоретические статьи, а также результаты прикладных исследований социальной направленности.

Рубрика журнала «Философия» соответствует отрасли науки 09.00.00 Философские науки, рубрика журнала «Социология и социальные технологии» соответствует отрасли науки 22.00.00 Социологические науки.

Уважаемые читатели!

Подписка на II полугодие 2022 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20989.

Стоимость подписки на II полугодие 2022 года 1 322 руб. 48 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

Logos et Praxis is an academic journal aiming at creating a unified informational and communicative environment for scholars in the field of Human, Social and Cultural

Sciences. The editorial board of the journal aims at attracting both well-known academics and young researchers. We publish both theoretical and empirical Social Science articles. We invite authors from various Social Science disciplines, such as Philosophy, Sociology, Cultural Studies, Pedagogy, Social Psychology. Interdisciplinary studies in the field of Social Sciences are welcome. The journal accepts original articles only on the basis of peer review system.

The journal heading “Philosophy” corresponds to academic branch 09.00.00 Philosophical Sciences, the journal heading “Sociology and Social Technologies” corresponds to academic branch 22.00.00 Sociological Sciences.

Dear readers!

Subscription for the 2nd half of 2022 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 20989.

The cost of subscription for the 2nd half of 2022 is 1322.48 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «LOGOS ET PRAXIS»

1. Редакционная коллегия журнала «Logos et Praxis» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (jvolsu7@gmail.com). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции jvolsu7@gmail.com является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Logos et Praxis».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить представленные статьи или отправить их на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования, а также о правилах оформления научных статей смотрите на сайте журнала <https://psst.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

**CONDITIONS OF PUBLICATION
IN *LOGOS ET PRAXIS***

1. The Editorial Staff of *Logos et Praxis* publishes only original articles.
 2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.
 3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.
 4. An article must be relevant, must have a novelty and include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.
 5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.
 6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.
 7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.
 8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.
 9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail jvolsu7@gmail.com. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.
 10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.
Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail jvolsu7@gmail.com the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Logos et Praxis* printed periodical. The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail. The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly. The review usually takes 8 weeks.
For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://psst.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").
-
-

ISSN 2587-9715

9 772587 971004

55 >